101 1/49

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

КНИГА ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ

СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА,

изданная

Ст. Барановскимъ.

Гельсингфорсъ 1848 года,
въ типографіи Френкеля.

Печатать позволяется. С.Петербургъ 1848 г.

Ценсоръ Крыловъ.

Предисловіе.

Хотя существуетъ на русскомъ языкѣ нѣсколько хрестоматій, изъ которыхъ иныя составлены и хорошо и съ цѣлію служить пособіемъ для иностранцевъ, изучающихъ русскій языкъ; однако ни одна изъ этихъ хрестоматій не посвящена этой цѣли исключительно и потому ниодна не достигаетъ ея вполнѣ. Издатели хрестоматій имѣли въ виду — познакомить своихъ читателей съ наивозможно большимъ числомъ русскихъ писателей и представить образцы всѣхъ различныхъ родовъ слога; — но изученію литературы должно предшествовать изученіе языка, а для этой цѣли я предпочитаю чтеніе немногихъ авторовъ образцовыхъ по слогу; поэтому я считаю неумѣстными въ книгѣ для переводовъ всѣ статьи, написанныя такимъ языкомъ, котораго изучающій долженъ избѣгать въ практическомъ примѣненіи своихъ познаній.

Другой для иностранцевъ весьма важный недостатокъ русскихъ хрестоматій тотъ, что онѣ изданы безъ ударенiй. Ударенія составляютъ чрезвычайно большое затрудненіе для иностранцевъ, изучающихъ русскій языкъ, и это затрудненіе можетъ быть побѣждено только продолжительною привычкою, какую можетъ доставить изученіе книги, изданной съ удареніями. — Въ стихотворной части моей хрестоматіи поставлены ударенія только въ тѣхъ случаяхъ, когда указаніе, представляемое размѣромъ — недостаточно.

Россія населена разными племенами; Нѣмецъ, Шведъ, Финнъ, Полякъ, Грузинъ ипр. изучаютъ русскій языкъ и всѣ равно нуждаются въ книгѣ для переводовъ, кото-

рою можно было бы пользоваться съ помощію существующихъ словарей съ русскаго на эти языки. — Поэтому я рѣшился не прибавлять къ моей книгѣ никакихъ упражненій для перевода на русскій языкъ. — И съ педагогической точки зрѣнія я считаю излишнимъ изданіе особеннаго текста для подобныхъ упражненій: вмѣсто такого текста я рекомендую заставлять учащихся излагать по русски — изустно и письменно — содержаніе статей, переведенныхъ ими съ русскаго; — такія упражненія имѣютъ ту выгоду, что дѣлаютъ невозможнымъ механическое списываніе съ прошлогоднихъ тетрадей и еще болѣе важную ту, что пріучаютъ ученика давать толковый отчетъ въ прочитанномъ, что̀ должно развивать его умственныя способности.

При выборѣ статей я предпочиталъ такія, которыя могутъ знакомить съ русскимъ бытомъ и съ историческими лицами Россіи.

Такими то идеями руководился я при составленіи моей книги для переводовъ съ русскаго языка, которую теперь и представляю на судъ мыслящихъ преподавателей. — Правописаніе авторовъ удержано мною безъ перемѣны.

Гельсингфорсъ 30 іюня / 12 іюля 1848 г.

Опечатки.

Опечатки въ раздѣленіи словъ при переносѣ изъ одной строчки въ другую и пропущенныя ударенія не вычисляются. — в значитъ: *считая строчки* сверху; н: *считая строки* снизу.

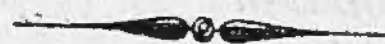
Опечатки въ первой части:

стран.	строки:		напечатано:	должно быть:
4	2	н.	*Поляковъ*	*Поляковъ*
5	18	в.	*взять*	*взять*
6	1	в.	*прикатилъ*	*прикатилъ*
7	4	в.	*занятыхъ*	*занятыхъ*
7	8	н.	*очищена*	*очищена*
7	4	н.	*взятія*	*взятыя*
11	19	в.	*ось*	*отъ*
13	17	в.	*имѣди*	*имѣли*
14	18	н.	*болотами*	*болотами*
19	2	в.	*руху*	*руку*
20	15	в.	*Княгиня*	*Княгиня*
20	4	н.	*видѣль*	*видѣлъ*
22	17	в.	*позовитв*	*позовите*
24	9	в.	*крупинкь*	*крупинкь*
26	3	в.	*терпѣтъ*	*терпѣть*
26	3	н.	*свѣтлы*	*свѣтлы*
30	11	н.	*неворождённую*	*новорождённую*
35	18	в.	*получаса*	*получаса*
36	5	в.	*минуту*	*минуту*
39	9	н.	*мученницы*	*мученицы*
43	10	н.	*гто*	*что*
48	10	в.	*сударь*	*сударъ*
48	8	н.	*бдагородіе*	*благородіе*
49	14	в.	*принёсъ*	*принёсъ*
50	11	в.	*запряжены*	*запряжены*
53	16	в.	*прітти*	*прійти*
54	6	н.	*подаренный*	*подарённый*
54	5	н.	*петли*	*пётли*
56	3	в.	*приведшій*	*приведшій*
56	8	в.	*установленнымъ*	*уставленнымъ*
57	20	в.	*разсыльщкики*	*разсыльщики*
62	3	в.	*воленъ*	*волёнъ*
63	10	в.	*наискось*	*наискось*
63	11	н.	*рудниковъ*	*рудниковъ*
64	6	н.	*подосланъ*	*подосланъ*
65	5	в.	*воленъ*	*волёнъ*
66	1	в.	*пролитой*	*пролитой*

68	14 в.	*прйзрилъ*	*прйзрѣлъ*
70	8 в.	*Фридѐрикомъ*	*Фридерйкомъ*
70	6 н.	*зарѣ́зали*	*зарѣ́зали*
81	16 в.	*Калмыќи*	*Калмыкѝ*
84	16 н.	*но*	*по*
87	7 н.	*Бе́ковича*	*Беќовича*
88	4 н.	*жерновъ*	*жёрновъ*
89	3 в.	*замкну́то*	*за́мкнуто*
90	14 в.	*жалѣ́лъ;*	*жалѣ́лъ,*

Опеча́тки во второ́й ча́сти:

8	1 н.	*крокто*	*кротко*
11	21 в.	*накоке́цъ*	*наконе́цъ*
11	40 в.	*цыци*	*цыпи*
15	4 н.	*вдохновеньв*	*вдохновенье*
20	14 н.	*плещетъ*	*блещетъ*
22	3 в.	*лииу*	*лицу*
25	11 н.	*изтупленіи*	*изступленіи*
32	12 в.	*семсйнымъ*	*семейнымъ*
32	4 н.	*Русскцхъ*	*Русскихъ*
35	19 в.	*са*	*за*
38	13 н.	*вэоръ*	*взоръ*
45	1 н.	*нускастся*	*пускается*
52	28 в.	*подужки*	*подружки*
56	10 н.	*отдалённой*	*отдале́нной*
75	7 в.	*ца́рстовалъ*	*ца́рствовалъ*
78	2 в.	*нв*	*не*
81	17 в.	*ѣ́даетъ*	*вѣ́даетъ*
83	11 н.	*по́днебесью*	*поднебе́сью*
96	14 в.	*гово́рятъ*	*говоря́тъ*
96	18 в.	*а*	*я*

КНИГА ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ

СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Часть I:я: *Проза.*

Содержаніе.

Отрывки изъ исторіи Государства Россійскаго
Соч: Н. М. Карамзина:

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО,

сочиненія Н. М. Карамзина.

---

1. *Славная битва Куликовская, въ* **1380** *году по Р. Х.*

Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя лёгкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду Государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *чёрномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцёмъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ ещё превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться

за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ Князя» — говорили они — «смотрѣть на битву, видѣть подвиги Воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умрёмъ за отечество?* Слово моё да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши — думая, что всё погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ или Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Ещё Князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлёкъ мечь, и сказалъ Владиміру: «теперь наше время.» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумлённые, разсѣянные, не могли

противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: »великъ Богъ Христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другами. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чёрнымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумлённый Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать объ нёмъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мёртваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушённый въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мёртвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: »Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамёна Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. — Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ. Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвер-

гáлся, сражáясь въ толпѣ непріятелей и чáсто оставляя за собòю дружи́ну свою̀. Дими́тріи̂, провождáемый Князья́ми и Боя́рами, объѣхалъ пòле Кули́ково, гдѣ легло̀ мно̀жество Россія́нъ, но въ чѐтверо бòлѣе непрія́телей, тáкъ, что, по сказáнію нѣкоторыхъ Исто̀риковъ, число̀ всѣхъ уби́тыхъ простирáлось до двухъ сòтъ тысячь.

---

2. *Слáвная осáда Пскòва въ* 1581 *г.*

Іоáннъ ввѣрилъ защи́ту Пскòва Воевòдамъ надѐжнымъ и взялъ съ нихъ торжѐственную прися́гу, что они́ не сдадýтъ го́рода Батóрію до своѐй смéрти. Воевòды такóю же кля́твою обязáли и Дѣтѐй Боя́рскихъ, Стрѣльцёвъ, грáжданъ Псковски́хъ, *стáрыхъ* и *мáлыхъ*; всѣ цѣловáли крестъ въ востòргѣ любви́ къ отѐчеству, взывáя: «умрёмъ, но не сдади́мся!» Ихъ бы́ло три́дцать тысячь. Испрáвили вѐтхія укрѣплѐнія; разстáвили пýшки, ручни́цы, пищáли; назнáчили мѣстá, гдѣ быть кáждому Воевòдѣ съ своѐю осóбенною дружи́ною для оборòны Кремля́, гóрода Срѐдняго и Большáго, Зáпсковья и такъ называѐмой *Окòльней* или внѣшней стѣны́, на пространствѣ семи́ или осьми́ вёрстъ.

Воевòды (18 áвгуста) зажгли́ предмѣстіе, сѣли на конѐй, велѣли звони́ть въ *осáдный кóлоколъ*, и скòро уви́дѣли густы́я облакá пы́ли, котóрыя си́льнымъ ю́жнымъ вѣтромъ несли́ся къ гóроду. Яви́лась и рать Стефáнова: онá шла мѐдленно, осторòжно, толпáми необозри́мыми; заняла̀ дорóгу Порховскýю, и стáла вдоль рѣки́ Вели́кой. Россія́не сдѣлали жáркую вылазку: съ обѣихъ сторòнъ взя́ли плѣнниковъ; узнáли си́лу непрія́теля. Разноплемѐнное вòйско Батòріево состоя́ло изъ Поля́ковъ, Литвы́, Мазовшáнъ, Вѐнгровъ, Нѣмцовъ Брауншвѐйгскихъ, Люб-

скихъ, Австрійскихъ, Прусскихъ, Курляндскихъ, изъ Датчанъ, Шотландцовъ, числомъ до ста тысячь, конныхъ и пѣшихъ, исправныхъ, вооружённыхъ столь красиво, что Посолъ Оттоманскій, прибывъ въ станъ къ Королю и смотря на его блестящую рать, сказалъ въ восторгѣ: «ежели Султанъ и Баторій захотятъ дѣйствовать единодушно, то побѣдятъ вселенную». Но сіе многочисленное, прекрасное войско убоялось трудностей, видя крѣпость города, обширнаго, наполненнаго запасами, снарядами, и воинами, которые въ самой первой битвѣ оказали необыкновенное мужество. Ещё въ Вильнѣ измѣнникъ нашъ, Давидъ Бѣльскій, совѣтовалъ Королю не ходить къ Нову-городу, ни къ Пскову, городамъ окружённымъ болотами, и рѣками, твёрдымъ и каменными стѣнами и духомъ Русскимъ, но осадить Смоленскъ, менѣе недоступный, менѣе чуждый Литовскаго духа. Король отвергнулъ сей совѣтъ благоразумный; не слушалъ и Воеводъ, которые думали, что скорѣе можно взять Новгородъ. Непреклонный Баторій страшился изъявить опасеніе и слабость; хотѣлъ быть увѣреннымъ въ своёмъ счастіи и въ мужествѣ войска; любилъ одолѣвать трудности — и началъ достопамятную осаду Пскова.

26-го августа непріятель обступалъ городъ, подъ громомъ всѣхъ нашихъ бойницъ, заслоняясь лѣсомъ отъ ихъ пальбы, но теряя не мало людей, къ удивленію Стефана, не хотѣвшаго вѣрить столь мѣткому и сильному дѣйствію Россійскихъ пушекъ. Онъ сталъ въ шатрахъ на Московской дорогѣ, близъ Любатовской церкви Св. Николая, и долженъ былъ снять ихъ, чтобы удалиться отъ свисту летающихъ надъ нимъ ядеръ, къ берегамъ Черёхи, за высоты и холмы. Пять дней миновало въ тишинѣ. Непріятель укрѣплялъ станъ на берегу Великой, осматривалъ городъ, и 1 Сентября началъ *копать борозды* (или вести траншеи) къ воротамъ Покровскимъ, вдоль

рѣки; работалъ день и ночь; прикатилъ туры; сдѣлалъ осыпь. Воеводы Псковскіе видѣли работу, угадывали намѣреніе, и въ семъ опасномъ, угрожаемомъ мѣстѣ заложили новыя, внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; выбрали лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцёвъ и смѣлаго вождя, Князя Андрея Хворостинина, для ея защиты; велѣли пѣть тамъ молебны и кропить Святою водою землю, готовую ороситься кровію воиновъ доблихъ. Тутъ были неотходно и Князья Шуйскіе и Дьяки Государевы, данные имъ для совѣта. Поляки 7 Сентября, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжёлыхъ орудій; громили стѣны между воротами Покровскими и Свиными: въ слѣдующій день сбили ихъ въ разныхъ мѣстахъ — и Король объявилъ своимъ Воеводамъ, что путь въ городъ открытъ для Героевъ; что Россіяне въ ужасѣ, и время дорого. Воеводы, обѣдая въ шатрѣ Королевскомъ, сказали Баторію: «Государь! мы будемъ нынѣ ужинать съ тобою въ замкѣ Псковскомъ.» Спѣшили къ дѣлу, обѣщая воинамъ всѣ богатства города, корысть и плѣнъ безъ остатка. Венгры, Нѣмцы, Поляки устремились къ проломамъ, распустивъ знамёна, съ трубнымъ звукомъ и съ воплемъ. Россіяне ждали ихъ: извѣщённые о приступѣ звономъ *осаднаго колокола*, всѣ граждане простились съ жёнами, благословили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, ещё не достроенною. Игуменъ Тихонъ и Священники молились въ храмѣ Соборномъ. Господь услышалъ сію молитву: 8-е сентября осталось въ исторіи славнѣйшимъ днёмъ для Пскова.

Не взирая на жестокій огонь городскихъ бойницъ, непріятель по тѣламъ своихъ достигъ крѣпости, ворвался въ проломы, взялъ башню Покровскую, Свиную, и распустилъ на нихъ знамёна Королевскія, къ живѣйшей

ра́дости Бато́рія, смотрѣвшаго би́тву съ колоко́льни Св. Ники́ты Му́ченика (въ полуверстѣ отъ го́рода). Поля́ки въ отве́рстіяхъ стѣны́ рѣзались съ гра́жданами, съ Дѣтьми́ Боярскими и Стрѣльца́ми; изъ ба́шенъ, за́нятыхъ Ве́нграми и Нѣмцами, сы́пались пу́ли на Россія́нъ, слабѣю́щихъ, тѣснимыхъ. Тутъ Князь Шуйскій, обли́тый кро́вію, схо́дитъ съ ра́неннаго коня́, удéрживаетъ отступа́ющихъ, пока́зываетъ имъ о́бразъ Богома́тери и мо́щи Св. Все́волода-Гавріи́ла, несо́мыя Іере́ями изъ Собо́рнаго хра́ма: свѣдавъ, что Литва́ уже́ въ ба́шняхъ и на стѣнѣ, оні́ шли съ се́ю святы́нею, въ са́мый пылъ би́твы, умере́ть или спасти́ го́родъ Небе́снымъ вдохнове́ніемъ му́жества. Россія́не укрѣпи́лись въ ду́хѣ: ста́ли непоколеби́мо — и вдругъ Сви́нская ба́шня, въ рѣши́тельный часъ и́ми подо́рванная взлетѣла на во́здухъ съ Королевскими знамёнами . . . . ровъ напо́лнился тру́пами Нѣмцевъ, Ве́нгровъ, Ля́ховъ; а къ на́шимъ приспѣли но́выя дружи́ны во́иновъ изъ да́льнихъ, безопа́сныхъ часте́й го́рода: всѣ твёрдо сомкну́лись, дви́нулись впередъ, воскли́кнувъ: «не предади́мъ Богома́тери и Св. Все́волода!» дру́жнымъ уда́ромъ смя́ли изумлённыхъ враго́въ, вытѣснили изъ проло́мовъ, низве́ргнули съ раска́товъ. До́лѣе иныхъ упо́рствовали Ве́нгры, засѣвъ въ Покро́вской ба́шнѣ: ихъ вы́гнали огнёмъ и мечёмъ. Кровь ли́лася до ве́чера (ибо Стефа́нъ свѣжимъ во́йскомъ уси́лилъ Поля́ковъ), но уже́ внѣ крѣпости, гдѣ остава́лись то́лько больны́е, ста́рцы и дѣти. Са́мыя жёны, узна́въ, что *стѣна́ очи́щена отъ ногъ Лито́вскихъ* — что Ца́рскія знамёна опя́ть стоя́тъ на сих раска́тахъ, и что непрія́тель бро́силъ нѣсколько лёгкихъ пу́шекъ въ воро́тахъ — яви́лись на мѣстѣ би́твы: однѣ съ верёвками, чтобы́ тащи́ть сіи́ взя́тыя ору́дія въ Кремль; другія съ холо́дною водо́ю, чтобъ освѣжи́ть запёкшіяся уста́ во́иновъ, изнемога́ющихъ отъ жа́жды; мно́гія да́же съ ко́пьями, чтобы́ помога́ть му-

жьямъ и братьямъ въ сѣчѣ. Наконецъ всё не-Русское бѣжало.

Съ трофеями, знамёнами, трубами Литовскими и съ великимъ числомъ плѣнниковъ возвратились побѣдители въ городъ, уже ночью, воздать хвалу Богу въ Соборной церкви, гдѣ Воеводы сказали ратникамъ и гражданамъ: «Такъ миновалъ для насъ первый день трудовъ, мужества, плача и веселія! Совершимъ, какъ мы начали! Пали сильные враги наши, а мы слабые съ ихъ доспѣхами стоимъ предъ олтарёмъ Всевышняго. Гордый *исполинъ лишился хлѣба*, а мы въ Христіанскомъ смиреніи насытились милосердіемъ Небеснымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, данный нами безъ лукавства и хитрости; не измѣнимъ Церкви и Государю, ни робостію, ни малодушнымъ отчаяніемъ!» Воины и граждане отвѣтствовали съ слезами умиленія: «Мы готовы умереть за Вѣру Христову! какъ начали, такъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой хитрости!» — Послали гонца въ Москву съ радостною вѣстію; онъ счастливо миновалъ станъ Литовскій. Велѣли успокоить и лечить раненыхъ изъ казны Государевой. Ихъ было 1626 человѣкъ, убитыхъ же 863. Непріятелей легло около пяти тысячь, болѣе осьмидесяти знатныхъ сановниковъ, и въ числѣ ихъ Бекеши, Полководецъ Венгерскій, отмѣнно уважаемый, любимый Стефаномъ, который съ досады заключился въ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть Воеводъ своихъ, обѣщавшихъ ужинать съ нимъ въ замкѣ Псковскомъ.

---

3. *Первое завоеваніе Сибири въ* 1581 *г.*

Призывая Донскихъ Атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ: испытавъ бодрость, мужество и вѣрность Козаковъ; узнавъ разумъ,

великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго Вождя, Ермака Тимоѳеева, *ро́домъ неизвѣстнаго*, *душёю знаменитаго*, какъ сказано въ лѣтописи; составивъ ещё особенную дружину изъ Русскихъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у Ногаевъ (которые, служа въ войнахъ Іоанну, возвращались обыкновенно въ Улусы свои съ плѣнниками); добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы, Строгановы объявили походъ, Ермака Воеводою и Сибирь цѣлію. Ратниковъ было 840, одушевлённыхъ ревностію и веселіемъ: кто хотѣлъ чести, кто добычи; Донцы надѣялись заслужить милость Государеву, а Нѣмецкіе и Литовскіе плѣнники свободу: Сибирь казалась имъ путёмъ въ любезное отечество! Воевода устроилъ войско; сверхъ Атамановъ, избралъ Есауловъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ: главнымъ подъ нимъ былъ неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузивъ ладіи запасами и снарядами, лёгкими пушками, *семипядными* пищалями; взявъ вожатыхъ, толмачей, Іереевъ; отпѣвъ молебенъ; выслушавъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: «иди съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Салтана Кучюма,» Ермакъ *съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія*, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1 сентября 1581 года отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ на подвигъ славы, безъ всякаго содѣйствія, даже безъ вѣдома Государева: ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго Царскаго указа для ихъ великаго предпріятія.

Атаманы плыли четыре дня вверхъ по рѣкѣ Чусовой, быстрой, каменистой, опасной, до хребта Уральскаго и между горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ; два дня рѣкою Серебряною, и достигли сю такъ называемаго *пути Сибирскаго;* остановились, и не зная, что ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное

укрѣплѐніе, давъ ему́ и́мя *Коку́я-городка́*; ви́дѣли то̀лько пусты́ни, или малочи́сленныхъ жи́телей ми́рныхъ, и чѐрезъ во̀локъ перевезли́ся оттýда до рѣкѝ Жа́равли. Сіи́ мѣста́ ещё и нынѣ ознамено́ваны па́мятниками Ермака́: ска́лы, пещѐры, слѣды́ укрѣплѐній называ́ются его́ и́менемъ; ладіи́ тяжёлыя, оста́вленныя имъ между̀ Серѐбряною и Бара́нчёю, ещё не совсѣ́мъ истлѣли, какъ увѣря́ютъ, и надъ ихъ гніющими днами расту́тъ высо́кія дерѐвья. — Жа́равлею и Таги́ломъ вошли́ Атама́ны въ рѣку Тýру, ужѐ въ о́бласть Сиби́рскаго Ца́рства, гдѣ въ пѐрвый разъ обнажи́ли мечь завоева́нія. На мѣ́стѣ ны́нѣшняго Тури́нска стоя́лъ городо́къ Князя Епанчи́, кото́рый, повелѣва́я мно́гими Тата́рами и Вогу́личами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришѐльцевъ ту́чею стрѣлъ съ бѐрега (гдѣ тепѐрь село́ Усени́ново), но бѣжа́лъ, устрашённый гро́момъ пу́шекъ. Ерма́къ велѣлъ разори́ть сей городо́къ; оста́лось то́лько и́мя: ибо жи́тели доны́нѣ называ́ютъ Тури́нскъ Епанчи́нымъ. Опустоши́въ Улу́сы и селѐнія внизъ по Тýрѣ, Атама́ны на у́стьѣ Тавды́ взя́ли въ плѣнъ Кучю́мова сано́вника, Тауза́ка, кото́рый, и́скренностію спаса́я жизнь, сообщи́лъ имъ всѣ ну́жныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ свое́й, и бу́дучи за то освобождёнъ, извѣсти́лъ сго́ Царя́, что предсказа́ніе Сиби́рскихъ волхво́въ сбыва́ется: ибо сіи́ кудѐсники ужѐ давно́, какъ пи́шутъ, вопи́ли на сто́гнахъ о неминуе́момъ ско́ромъ падѐніи его́ Держа́вы отъ нашѐствія Христіа́нъ. Тауза́къ опи́сывалъ Коза́ко́въ людьми́ чудѐсными, во́инами неодоли́мыми, *стрѣля́ющими огнёмъ и гро́момъ смертоно́снымъ* на-вылетъ сквозь ла́ты. Но Кучю́мъ, лишённый зрѣнія, имѣлъ ду́шу твёрдую: рѣши́лся стать му́жественно за Ца́рство и Вѣру; со́бралъ во́йско изъ всѣхъ Улу́совъ, вы́слалъ племя́нника Маметку́ла въ по́ле со многочи́сленною ко́нницею, а самъ укрѣпи́лся въ за́сѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горо́ю Чува́шьею, прегражда́я Атама́намъ путь къ Искѐру.

Завоеванiе Сибири во многихъ отношенiяхъ сходствуетъ съ завоеванiемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнёмъ, побѣждала тысячи, вооружённыя стрѣлами и копьями: ибо сѣверные Моголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтенiемъ пороха, и въ концѣ **XVI** вѣка дѣйствовали единственно оружiемъ времёнъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шёлъ на толпу непрiятелей, смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать. Такъ, въ первой битвѣ на берегу Тобола, въ урочищѣ Бабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами остановилъ стремленiе десяти или болѣе тысячь всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися, во весь духъ, потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ, и довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутый берегъ сей рѣки, называемый *Долгимъ Яромъ*, стрѣлами осыпали ладiи Козаковъ. Второе, менѣе важное дѣло было въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша, гдѣ властвовалъ Улусный Князь, Царскiй Думный Совѣтникъ Карача, на берегахъ озера, и теперь именуемаго *Карачинскимъ*: Ермакъ взялъ его Улусъ, и въ нёмъ богатую добычу, запасы и множество кадей Царскаго мёду. Третья битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ, доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ: Сибирскiе защитники изъявили неустрашимость и твёрдость; ввечеру уступили Россiянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитiя, имѣя ещё и доблесть и надежду. Слѣпый Кучюмъ вышелъ изъ укрѣпленiй и сталъ на горѣ Чувашьей: Маметкулъ расположился въ засѣкѣ, и Козаки, въ тотъ же вечеръ занявъ городокъ Атикъ-Мурзы, не смыкали глазъ ночью, опасаясь нападенiя.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось замѣтно;

кро́мѣ уби́тыхъ, мно́гіе бы́ли ра́нены; мно́гіе лиши́лись си́лъ и бо́дрости отъ трудо́въ непреста́нныхъ. Въ сію́ ночь Атама́ны совѣ́товались съ това́рищами, что́ дѣ́лать — и го́лосъ сла́быхъ разда́лся. «Мы удовлетвори́ли ме́сти,» сказа́ли они́: «вре́мя итти́ наза́дъ. Вся́кая но́вая би́тва для на́съ опа́сна: и́бо ско́ро не́кому бу́детъ побѣжда́ть.» Но Атама́ны отвѣ́тствовали: Нѣ́тъ, бра́тья: намъ путь то́лько впе-рёдъ! Уже́ рѣ́ки покрыва́ются льдомъ: обрати́въ тылъ, замёр-знемъ въ глубо́кихъ снѣга́хъ; а е́сли и дости́гнемъ Ру́си, то съ пятно́мъ клятвопресту́пниковъ, обѣща́въ смири́ть Кучю́ма, и́ли великоду́шною сме́ртію загла́дить на́ши вины́ предъ Госуда́ремъ. Мы до́лго жи́ли худо́ю сла́вою: умрёмъ же съ до́брою! Богъ даётъ побѣ́ду, кому́ хо́четъ: не рѣ́дко сла́бымъ ми́мо си́льныхъ, да святи́тся и́мя Его́»! Дружи́на сказа́ла: *ами́нь!* и съ пе́рвыми луча́ми со́лнца, 23 октября́, устреми́лась къ за́сѣкѣ, воскли́-кнувъ: *съ на́ми Богъ!* Непрія́тель сы́палъ стрѣ́лы, язви́лъ Козако́въ, и въ трёхъ мѣста́хъ самъ разлома́въ за́сѣку, ки́нулся въ бой рукопа́шный, безвы́годный для Ерма-ко́выхъ малочи́сленныхъ ви́тязей; дѣ́йствовали са́бли и ко́пья: лю́ди па́дали съ обѣи́хъ сторо́нъ; но Козаки́, Нѣме́цкіе и Лито́вскіе во́ины стоя́ли единоду́шнѣе, крѣ́п-кою стѣно́ю — успѣва́ли заряжа́ть пища́ли и бѣ́глымъ огнёмъ рѣди́ли толпы́ непрія́тельскія, гоня́ ихъ къ за́-сѣкѣ. Ерма́къ, Ива́нъ Кольцо́ му́жествовали впереди́, повторя́я гро́мкое восклица́ніе: *съ на́ми Богъ!* а слѣ́пый Кучю́мъ, сто́я на горѣ́, съ Има́нами, съ Мулла́ми свои́ми кли́калъ Магоме́та для спасе́нія Правовѣ́рныхъ. Къ сча́-стію Россія́нъ, къ у́жасу непрія́телей, ра́ненный Мамет-ку́лъ до́лженъ былъ оста́вить сѣ́чу: Мурзы́ увезли́ его́ въ ладьи́ на другу́ю сто́рону Иртыша́, и во́йско безъ предводи́-теля отча́ялось въ побѣ́дѣ: Князья́ Остя́цкіе да́ли тылъ; бѣжа́ли и Тата́ры. Слы́ша, что знамёна Христіа́нскія уже́ развѣва́ются на за́сѣкѣ, Кучю́мъ иска́лъ безопа́сности

въ степяхъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только часть казны своей въ Сибирской столицѣ. Сія главная кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ Козаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ Соборной Тобольской церкви, рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола.

26 Октября Ермакъ, уже знаменитый для Исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣплённый съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить Лѣтописцу: множество золота и серебра, Азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и всё братски раздѣлили между собою. Городъ былъ пустъ: овладѣвъ Царствомъ, наши витязи ещё не видали въ нёмъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30-го октября явились къ нимъ Остяки съ Княземъ своимъ Бояромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество Татаръ съ жёнами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежнія юрты, обложивъ лёгкою данью. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя Героемъ неустрашимымъ, Вождёмъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчинённости, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоёванной ими, *на краю свѣта*, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ Христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое

дѣло студное: требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ и Царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, и Козаки его, по сказанію Тобольскаго Лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло нѣсколько времени: не имѣя слуха о Кучюмѣ, Атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ города. Но Кучюмъ былъ не далеко: племянникъ его, Маметкулъ, не смотря на язву свою, уже бодрствовалъ въ полѣ, и 5-го декабря незапно ударивъ на 20 Россіянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ Абалацкомъ, умертвилъ всѣхъ до единаго. Свѣдавъ о томъ, Ермакъ устремился за непріятелемъ: настигъ его близъ Абалака (гдѣ селеніе Шамшинскія юрты), разбилъ, разсѣялъ; взялъ тѣла своихъ убитыхъ и съ честію предалъ землѣ на Саусканскомъ мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее Ханское кладбище. — Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и краткость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полуночныхъ не дозволяли ему мыслить о новыхъ, важныхъ предпріятіяхъ до весны. Между тѣмъ владѣнія Козаковъ распространились мирнымъ подданствомъ двухъ Князей Вогульскихъ, Ишбердея и Суклема: первый господствовалъ за Эскальбинскими болотами, на берегахъ Конды или Тавды, а вторый въ окрестностяхъ Тобола; оба вызвались добровольно платить ясакъ или дань соболями, и присягнули Россіи въ вѣрности, которою Ишбердей пріобрѣлъ особенную любовь Козаковъ, служа имъ добрымъ совѣтникомъ и путеводителемъ въ мѣстахъ незнаемыхъ. Такимъ образомъ дѣла внутренняго управленія, собираніе дани, звѣриная и рыбная ловля, нужная

для продовольствія въ землѣ безхлѣбной, занимали Ермака до апрѣля мѣсяца, когда одинъ Мурза извѣстилъ его, что дерзкій Маметкулъ снова приближился къ Иртышу и кочуетъ на Вагаѣ съ малочисленною толпою: требовалось скорости и тайны болѣе, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимаго: Атаманы выбрали только шестьдесятъ удальцевъ, которые ночью подкрались къ Маметкулову стану, напали въ расплохъ, умертвили многихъ сонныхъ Татаръ, взяли самого Царевича живаго и привели съ торжествомъ въ Искеръ, къ великой радости Ермака: ибо онъ симъ счастливымъ плѣномъ избавился отъ смѣлаго, мужественнаго непріятеля и могъ имъ воспользоваться, какъ важнымъ залогомъ, въ случаѣ войны или мира съ изгнанникомъ Кучюмомъ; видѣлъ Маметкула обагрённаго кровію своихъ братьевъ, но не думалъ о мести личной: ласкалъ и честилъ его подъ крѣпкою стражею.

Плывя Иртышемъ, завоеватели увидѣли толпу кудесниковъ, приносящихъ жертву славному кумиру Рачѣ, съ моленіемъ, да спасетъ ихъ отъ страшныхъ пришельцевъ. Идолъ безмолвствовалъ. Россіяне шли съ своимъ *громомъ*, и кудесники бѣжали въ темноту лѣсовъ. На семъ мѣстѣ нынѣ селеніе *Рачевые* юрты, ниже *Демьянскаго* Яма. — Далѣе, въ Цынгальской волости, гдѣ Иртышъ, стѣсняемый горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралось множество вооружённыхъ людей: одинъ выстрѣлъ разсѣялъ ихъ, и Козаки овладѣли городкомъ Нарымскимъ, гдѣ были только жёны съ дѣтьми, въ страхѣ, въ ожиданіи смерти; но Ермакъ обошелся съ ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили прійти къ нему съ данію. Покоривъ волость Тарханскую, Атаманы вступили въ страну знатнѣйшаго Князя Остяцкаго, Самара, который соединился съ другими осмью Князьками и ждалъ Россіянъ для битвы, чтобы рѣшить

судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужеством и силою, Самаръ забылъ осторожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ съ войскомъ и стражею, когда Атаманы въ часъ разсвѣта ударили на его станъ: пробуждённый шумомъ, онъ схватилъ оружіе и палъ мёртвый отъ первой пули; войско разбѣжалось, а жители обязались платить ясакъ Россіи. — Уже Ермакъ достигъ славной Оби, коей теченіе извѣстно было и древнимъ Новогородцамъ, но устье и вершина, по выраженію Московскихъ путешественниковъ 1567 года, таились во мракѣ отдаленія. Завоевавъ ещё главный Остяцкій городъ Назымъ и многія иныя крѣпости на берегахъ ея, плѣнивъ ихъ Князя и горестно оплакавъ кончину храбраго сподвижника, Атамана Никиту Папа, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ Козаковъ, Ермакъ не хотѣлъ итти далѣе: видѣлъ предъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ мшистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца, и гдѣ, среди мёрзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамантовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища Природы. Поставивъ Князя Остяцкаго Алача Главою надъ Обскими Юртами, Ермакъ тѣмъ же путёмъ возвратился въ Сибирскую столицу, честимый своими данниками какъ побѣдитель и Владыка; вездѣ, съ изъявленіями раболѣпства, встрѣчали, провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестественной. Козаки плыли съ воинскою музыкою и выходили на берегъ всегда въ праздничныхъ кафтанахъ, чтобы удивлять жителей пышностію и богатствомъ. Отъ предѣловъ Берёзовскихъ до Тобола утвердивъ господство Россіи, Ермакъ благополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ А. С. ПУШКИНА.

Письмо къ С. Л. Пушкину.

15 Февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичь. Что могъ я тебѣ сказать, угнетённый нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но всё ещё кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, ещё не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; ещё по привычкѣ продолжаешь искать его; ещё такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; ещё посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздаётся его живой, ребячески-весёлый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, всё въ обыкновенномъ порядкѣ, всё на своёмъ мѣстѣ; а онъ пропалъ, и навсегда — непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предаётся болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? Слава

нынѣшняго ца́рствованія утра́тила въ нёмъ своегó поэ́та, котóрый принадлежа́лъ бы ему́, ка́къ Держа́винъ сла́вѣ Екатери́нина, а Карамзи́нъ сла́вѣ Алекса́ндрова.

Пе́рвыя мину́ты ужа́снаго го́ря для тебя́ прошли́; тепе́рь ты мо́жешь меня́ слу́шать и пла́кать. Я опишу́ тебѣ всё, что́ бы́ло въ послѣднія мину́ты твоегó сы́на, что́ я ви́дѣлъ самъ, что́ мнѣ разсказа́ли другі́е очеви́дцы. Въ се́реду, 27 числа́ января́, въ 10 часо́въ ве́чера пріѣ́халъ я къ кня́зю Вя́земскому. Мнѣ ска́зываютъ, что и онъ и княги́ня у Пу́шкиныхъ, а Валу́евъ, къ кото́рому я зашёлъ, встрѣча́етъ меня́ слова́ми: получи́ли ли вы запи́ску княги́ни? За ва́ми давно́ посла́ли; поѣзжа́йте къ Пу́шкину: онъ умира́етъ. Оглушённый э́тимъ извѣстіемъ, я побѣжа́лъ съ лѣсницы. Пріѣзжа́ю къ Пу́шкину. Въ его́ прихо́жей, пе́редъ дверя́ми его́ кабине́та, нахожу́ докторо́въ А́рендта и Спа́сскаго; кня́зя Вя́земскаго, кня́зя Меще́рскаго. На вопро́съ; *како́въ онъ?* А́рендтъ отвѣча́лъ мнѣ: о́чень плохъ; умрётъ непремѣнно. Вотъ что разсказа́ли мнѣ о случи́вшемся: въ шесть часо́въ по́слѣ обѣда Пу́шкинъ привезёнъ былъ въ э́томъ отча́янномъ положе́ніи домо́й подполко́вникомъ Данза́сомъ, его́ лице́йскимъ това́рищемъ. Каммерди́неръ при́нялъ его́ изъ каре́ты на́ руки и понёсъ на лѣстницу. *Гру́стно тебѣ нести́ меня́?* спроси́лъ у него́ Пу́шкинъ. Его́ внесли́ въ кабине́тъ; онъ самъ велѣ́лъ пода́ть себѣ́ чи́стое бѣльё; раздѣлся, и легъ на дива́нъ. Въ то вре́мя, когда́ его́ укла́дывали, жена́, ни о чёмъ не зна́вшая, хотѣла войти́; но онъ гро́мкимъ го́лосомъ закрича́лъ: *n'entrez pas; il y a du monde chez moi.* *) Онъ боя́лся её испуга́ть. Жена́ вошла́ уже́ тогда́, когда́ онъ лежа́лъ совсѣмъ раздѣтый. Посла́ли за доктора́ми. А́рендта не нашли́; пріѣ́хали Шольцъ и За́длеръ. Пу́шкинъ велѣ́лъ всѣмъ вы́йти (въ э́то вре́мя у него́ бы́ли

*) Не входи́: у меня́ го́сти.

Данза́съ и Плетнёвъ). *Пло́хо со мно́ю,* сказа́лъ онъ, подава́я руху Шо́льцу. Его́ осмотрѣ́ли, и За́длеръ уѣ́халъ за ну́жными инструме́нтами.

Оста́вшись съ Шо́льцемъ, Пу́шкинъ спроси́лъ: *Что́ вы ду́маете о моёмъ положе́ніи, скажи́те открове́нно?* — Не могу́ отъ васъ скрыть, вы въ опа́сности. — *Скажи́те лу́чше, умира́ю.* — Счита́ю до́лгомъ не скрыва́ть и того́. Но услы́шимъ мнѣ́ніе А́рендта и Са́ломона, за кото́рыми по́слано. — ***Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi,*** *) сказа́лъ Пу́шкинъ, замолча́лъ, потёръ руко́ю лобъ, пото́мъ приба́вилъ: ***il faut que j'arrange ma maison.*** **) — Не жела́ете ли ви́дѣть кого́ изъ ва́шихъ бли́жнихъ? спроси́лъ Шольцъ. — *Проща́йте, друзья́!* сказа́лъ Пу́шкинъ, обрати́въ глаза́ на свою библіо́теку. Съ кѣмъ онъ проща́лся въ э́ту мину́ту, съ живы́ми ли друзья́ми, и́ли съ мёртвыми, не зна́ю. Онъ, немно́го погодя́, спроси́лъ: *Ра́звѣ вы ду́маете, что я ча́су не проживу́?* — О нѣтъ! но я полага́лъ, что вамъ бу́детъ пріятно уви́дѣть кого́ нибу́дь изъ ва́шихъ. Господи́нъ Плетнёвъ здѣсь. — *Да, но я жела́лъ бы и Жуко́вскаго. Да́йте мнѣ воды́; тошни́тъ.* — Шольцъ тро́нулъ пу́льсъ, нашёлъ, что рука́ была́ холодна́, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вы́шелъ за питьёмъ, и посла́ли за мно́ю. Меня́ въ э́то вре́мя не́ было до́ма; и не зна́ю, ка́къ э́то случи́лось, но ко мнѣ не приходи́лъ никто́. Ме́жду тѣмъ пріѣ́хали За́длеръ и Са́ломонъ. Шольцъ оста́вилъ больна́го, кото́рый доброду́шно пожа́лъ ему́ ру́ку, но не сказа́лъ ни сло́ва. Ско́ро пото́мъ яви́лся А́рендтъ. Онъ съ пе́рваго взгля́да увѣ́рился, что не́ было никако́й наде́жды. На́чали прикла́дывать холо́дныя со льдомъ примо́чки на живо́тъ и дава́ть прохлади́тельное питьё; э́то произвело́ жела́нное дѣ́йствіе: боль-

---

*) Благодарю́, — вы поступи́ли со мно́ю че́стно.

**) На́до устро́ить свой домъ.

нóй поуспокóился. Пéредъ отъѣздомъ Áрендта, онъ сказáлъ ему́: *попросíте* Государя, *чтобъ Онъ меня́ простíлъ.* Áрендтъ уѣхалъ, поручи́въ его́ Спáсскому, домóвому его́ дóктору, который во всю ту ночь не отходи́лъ отъ его́ постéли. *Плóхо мнѣ,* сказáлъ Пу́шкинъ, когдá подошёлъ къ нему́ Спáсскій. Спáсскій старáлся его́ успокóить; но Пу́шкинъ махну́лъ рукóю отрицáтельно. Съ э́той мину́ты онъ какъ бу́дто перестáлъ забóтиться о себѣ и всѣ его́ мысли обрати́лись на жену́. *Не давáйте изли́шнихъ надéждъ женѣ,* говори́лъ онъ Спáсскому, *не скрывáйте отъ нея́, въ чёмъ дѣло; онá не притвóрщица; вы её хорошó знáете. Впрóчемъ дѣлайте со мнóю, чтó хоти́те, я на всё соглáсенъ и на всё готóвъ.*

Въ э́то врéмя ужé собрали́сь князь Вя́земскій, княги́ня, Тургéневъ, графъ Віельгóрскій и я. Книги́ня былá съ женóю, котóрой состоя́ніе бы́ло невырази́мо; какъ привидѣніе иногдá прокрáдывалась онá въ ту гóрницу, гдѣ лежáлъ ея́ умирáющій мужъ; онъ не могъ её ви́дѣть (онъ лежáлъ на дивáнѣ лицёмъ отъ óконъ и двéри); но вся́кій разъ, когдá онá входи́ла, и́ли тóлько останáвливалась у дверéй, онъ чу́вствовалъ ея́ прису́тствіе. *Женá здѣсь?* говори́лъ онъ; *отведи́те её.* Онъ боя́лся допускáть её къ себѣ, и́бо не хотѣлъ, чтобъ онá моглá замѣтить его́ страдáнія, кои съ удиви́тельнымъ му́жествомъ переси́ливалъ. *Чтó дѣлаетъ женá?* спроси́лъ онъ однáжды у Спáсскаго. *Онá бѣдная безви́нно тéрпитъ! въ свѣтѣ её заѣдя́тъ.* Вообщé съ начáла до концá свои́хъ страдáній (крóмѣ двухъ и́ли трёхъ часóвъ пéрвой нóчи, въ котóрые они́ превзошли́ вся́кую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удиви́тельно твёрдъ. Я былъ въ тридцати́ сражéніяхъ, говори́лъ дóкторъ Áрендтъ, я ви́дѣлъ мнóго умирáющихъ, но мáло ви́дѣлъ подóбнаго. И осóбенно замѣчáтельно то, что въ э́ти послѣдніе часы́ жи́зни, онъ какъ бу́дто сдѣлался инóй; бу́ря, котóрая за нѣсколько

часо́въ волнова́ла его́ ду́шу неодоли́мою стра́стію, нечѐзла, не оста́вивъ на ней и слѣда́; ни сло́ва, ниже́ воспомина́нія о случи́вшемся. Но вотъ черта́ чрезвыча́йно тро́гательная. Накану́нѣ получи́лъ онъ пригласи́тельный биле́тъ на погребе́ніе Гре́чева сы́на. Онъ вспо́мнилъ объ э́томъ посреди́ своего́ страда́нія. *Е́сли увидите Гре́ча,* сказа́лъ онъ Спа́сскому, *поклони́тесь ему́ и скажи́те, что я принима́ю душе́вное уча́стіе въ его́ поте́рѣ.*

У него́ спроси́ли: жела́етъ ли испове́даться и причасти́ться. Онъ согласи́лся охо́тно и поло́жено бы́ло призва́ть свяще́нника у́тромъ. Въ по́лночь до́кторъ А́рендтъ возврати́лся. То, что отъ него́ услы́шалъ умира́ющій, обра́довало, успоко́ило и укрѣпи́ло его́ ду́шу. Исполня́я жела́ніе, уже́ уга́данное, въ кото́ромъ выража́лась тро́гательная забо́тливость о его́ судьбѣ́ и за гро́бомъ, онъ испове́дался и причасти́лся Святы́хъ Та́инъ. До пяти́ часо́въ утра́ въ его́ положе́ніи не произошло́ никако́й перемѣ́ны. Но о́коло пяти́ часо́въ боль въ живо́тѣ сдѣ́лалась нестерпи́мою и си́ла ея́ одолѣ́ла си́лу души́; онъ на́чалъ стона́ть; посла́ли опя́ть за А́рендтомъ. По пріѣ́здѣ его́ нашли́ ну́жнымъ поста́вить промыва́тельное; но оно́ не помогло́ и то́лько-что уси́лило страда́нія, кото́рыя наконе́цъ дошли́ до кра́йней сте́пени и продолжа́лись до семи́ часо́въ утра́. Что́ бы́ло бы съ бѣ́дною жено́ю, е́сли бы она́ въ тече́ніе э́тихъ двухъ вѣковы́хъ часо́въ, могла́ слы́шать его́ сто́ны? Я увѣ́ренъ, что ея́ разсу́докъ не вы́несъ бы э́той душе́вной пы́тки. Но во́тъ что случи́лось: она́, въ соверше́нномъ изнуре́ніи, лежа́ла въ гости́ной, у са́мыхъ двере́й, ко́и однѣ́ отдѣля́ли её отъ посте́ли му́жа. При пе́рвомъ стра́шномъ кри́кѣ его́, княги́ня Вя́земская, бы́вшая въ той же го́рницѣ, бро́силась къ ней, опаса́ясь, чтобы́ съ не́ю чего́ не сдѣ́лалось. Но она́ лежа́ла неподви́жно (хотя́ за мину́ту говори́ла); тяжёлый летарги́ческій сонъ овладѣ́лъ е́ю, и э́тотъ сонъ, какъ

бýдто нарóчно пóсланный свы́ше, миновáлся въ ту сáмую минýту, когдá раздалóсь послѣднее стенáніе за дверя́ми. Но въ э́ти минýты жесточáйшаго испытáнія, по словáмъ Спáсскаго и А́рендта, во всей си́лѣ оказáлась твёрдость души́ умирáющаго: готóвый вскри́кнуть, онъ тóлько стонáлъ, боя́сь, какъ онъ говори́лъ самъ, чтобы́ женá не услы́шала, чтобъ её не испугáть. Къ семи́ часáмъ боль утихла. Нáдобно замѣтить, что во всё э́то врéмя и до сáмаго концá, мы́сли егó бы́ли свѣтлы и пáмять свѣжá. Ещё до начáла си́льной бóли онъ подозвáлъ къ себѣ Спáсскаго, велѣлъ подáть какýю-то бумáгу, егó рукóю написанную, и застáвилъ её сжечь. Потóмъ призвáлъ Данзáса и продиктовáлъ емý запи́ску о нѣкоторыхъ долгáхъ свои́хъ. Э́то егó однáко изнури́ло, и пóслѣ онъ ужé не могъ сдѣлать никаки́хъ други́хъ распоряжéній.

Когдá поутрý кóнчились егó нестерпи́мыя страдáнія, онъ сказáлъ Спáсскому: *Женý! позови́те женý!* — Э́той прощáльной минýты я тебѣ не стáну опи́сывать. Потóмъ потрéбовалъ дѣтéй; они́ спáли; ихъ привели́ и принесли́ къ нему полусóнныхъ. Онъ на кáждаго оборáчивалъ глазá мóлча, клалъ емý нá голову рýку, крести́лъ и потóмъ движéніемъ руки́ отсылáлъ прочь. *Кто здѣсь?* спроси́лъ онъ у Спáсскаго и Данзáса. Нáзвали меня́ и Вя́земскаго. *Позови́те*, сказáлъ онъ слáбымъ гóлосомъ. Я подошёлъ, взялъ егó похолодѣвшую, протя́нутую ко мнѣ рýку, поцаловáлъ её: сказáть емý ничегó я не могъ, онъ махнýлъ рукóю, я отошёлъ. Но онъ опя́ть подозвáлъ меня́: *Скажи́* Государю, промóлвилъ онъ, *что мнѣ жáль умерéть; былъ бы вéсь Егó. Скажи́, что я Емý желáю дóлгаго, дóлгаго цáрствованія, что я Емý желáю счáстія въ Егó Сынѣ, счáстія въ Егó Россіи.* — Э́ти словá говори́лъ онъ слáбо, отры́висто, но я́вственно. Потóмъ прости́лся онъ съ Вя́земскимъ. Въ э́ту минýту пріѣхалъ графъ Віельгóрскій и вошёлъ къ немý, и тáкже впослѣдніе пóдалъ емý

живо́му ру́ку. Бы́ло очеви́дно, что онъ спѣши́лъ сдѣлать свой послѣдній земно́й расчётъ и какъ бу́дто подслу́шивалъ шаги́ приближа́ющейся сме́рти. Взя́вши себя́ за пульсъ, онъ сказа́лъ Спа́сскому: *Смерть идётъ.* Когда́ подошёлъ къ нему́ Турге́невъ, онъ посмотрѣлъ на него́ два раза́ при́стально, пожа́лъ ему́ ру́ку; каза́лось, хотѣлъ что́-то сказа́ть, но махну́лъ руко́ю и то́лько промо́лвилъ: *Карамзину́!* Ея́ не́ было, за не́ю неме́дленно посла́ли, и она́ ско́ро пріѣхала. Свида́ніе ихъ продолжа́лось то́лько мину́ту; но когда́ Катери́на Андре́евна отошла́ отъ посте́ли, онъ её кли́кнулъ и сказа́лъ: *Перекрести́те меня́*, пото́мъ поцалова́лъ у ней ру́ку.

Ме́жду тѣмъ да́нный ему́ пріёмъ о́піума нѣсколько его́ успоко́илъ; къ животу́ вмѣсто холо́дныхъ примо́чекъ на́чали прикла́дывать мягчи́тельныя; э́то бы́ло пріятно стра́ждущему; и онъ на́чалъ безпрекосло́вно исполня́ть предписа́нія докторо́въ, кото́рыя пре́жде всѣ отверга́лъ упря́мо, бу́дучи испу́ганъ свои́ми му́ками и жа́дно жела́я сме́рти для ихъ прекраще́нія. Но тутъ онъ сдѣлался послу́шенъ, какъ ребёнокъ; самъ накла́дывалъ компре́ссы на живо́тъ и помога́лъ тѣмъ, ко́и о́коло него́ суети́лись. Сло́вомъ, ему́ повиди́мому ста́ло гора́здо лу́чше. Та́къ нашёлъ его́ до́кторъ Даль, пришéдшій къ нему́ въ два часа́. *Ху́до мнѣ, братъ*, слаза́лъ Пу́шкинъ съ улы́бкою Да́лю. Но Даль, дѣйстви́тельно имѣвшій бо́лѣе други́хъ наде́жды, отвѣча́лъ ему́: мы всѣ надѣемся, не отчаява́йся и ты. — *Нѣтъ!* возрази́лъ онъ, *мнѣ здѣсь не житьё: я умру́; да ви́дно такъ и на́до.* Въ э́то вре́мя пульсъ его́ былъ полнѣе и твёрже; на́чалъ пока́зываться небольшо́й о́бщій жаръ. Поста́вили піявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гора́здо ле́гче. Я ухвати́лся, говори́тъ Даль, какъ уто́пленникъ за соло́менку, ро́бкимъ го́лосомъ провозгласи́лъ *надежду* и обману́лъ-было и себя́ и други́хъ. Пу́шкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его́ за́ руку и спроси́лъ:

Никого́ тутъ нѣтъ? — Никого́. — *Даль, скажи́ мнѣ пра́вду, ско́ро-ли я умру́?* — «Мы за тебя́ надѣемся, Пу́шкинъ, пра́во надѣемся». — *Ну, спаси́бо!* отвѣча́лъ онъ. Но пови́димому, то́лько одна́жды и обольсти́лся онъ утѣше́ніемъ надежды; ни пре́жде, ни по́слѣ э́той мину́ты онъ ей не вѣрилъ. Почти́ всю ночь (на 29:е число́, э́ту ночь всю Даль просидѣлъ у его́ посте́ли, а я, Вя́земскій и Віельго́рскій въ бли́жней го́рницѣ) онъ продержа́лъ Да́ля за́ руку; ча́сто бралъ по ло́жечкѣ воды́ или по крупи́нкѣ льда въ ротъ, и всегда́ всё дѣлалъ самъ: снима́лъ стака́нъ съ бли́жней по́лки, тёръ себѣ виски́ льдомъ, самъ накла́дывалъ на живо́тъ припа́рки, самъ ихъ перемѣня́лъ и проч. Онъ му́чился ме́нѣе отъ бо́ли, не́жели отъ чрезмѣрной тоски́. *Ахъ! кака́я тоска́!* иногда́ восклицалъ онъ, закидывая ру́ки на́ голову, *се́рдце изныва́етъ.* — Тогда́ проси́лъ онъ, чтобы́ по́дняли его́, или повороти́ли на́ бокъ, или попра́вили ему́ поду́шку; и не давъ ко́нчить э́того, остана́вливалъ обыкнове́нно слова́ми: «*ну! такъ, такъ — хорошо́; вотъ и прекра́сно, и дово́льно; тепе́рь о́чень хорошо́;* или *посто́й — не на́до — потяни́ меня́ то́лько за́ руку — ну вотъ и хорошо́, и прекра́сно!*» — (всё э́то его́ то́чныя выраже́нія). Вообще́, говори́тъ Даль, въ обраще́ніи со мно́ю онъ былъ пова́дливъ и послу́шенъ, какъ ребёнокъ, и дѣлалъ всё, чего́ я хотѣлъ.

Одна́жды онъ спроси́лъ у Да́ля: *Кто у жены́ мое́й?* — Даль отвѣча́лъ: мно́го до́брыхъ люде́й принима́ютъ въ тебѣ уча́стіе; за́ла и пере́дняя полны́ съ утра́ до́ ночи. — *Ну спаси́бо,* отвѣча́лъ онъ, *одна́ко же поди́, скажи́ женѣ, что всё сла́ва Бо́гу легко́; а то ей тамъ, пожа́луй, наговоря́тъ.* — Даль его́ не обману́лъ. Съ утра́ 28 числа́, въ кото́рое разнесла́сь по́ городу вѣсть, что Пу́шкинъ умира́етъ, его́ пере́дняя была́ полна́ приходя́щихъ; одни́ освѣдомля́лись о нёмъ че́резъ по́сланныхъ; други́е — и лю́ди всѣхъ состоя́ній, знако́мые и незнако́мые — приходи́ли са́ми. Тро́гатель-

ное чу́вство націона́льной, о́бщей ско́рби выража́лось въ э́томъ движе́ніи. Число́ приходя́щихъ сдѣлалось наконе́цъ такъ велико́, что дверь прихо́жей (кото́рая была́ по́длѣ кабине́та, гдѣ лежа́лъ умира́ющій) безпреста́нно отворя́лась и затворя́лась; э́то безпоко́ило стра́ждущаго; и мы приду́мали запере́ть э́ту дверь, задви́нули её изъ сѣне́й зала́вкомъ и вмѣсто её отвори́ли другу́ю у́зенькую пря́мо съ лѣстницы въ буфе́тъ; а гости́ную, гдѣ находи́лась жена́, отгороди́ли отъ столо́вой ши́рмами. Съ э́той мину́ты, буфе́тъ былъ безпреста́нно наби́тъ наро́домъ; въ столо́вую же входи́ли то́лько знако́мые. На ли́цахъ выража́лось простоду́шное уча́стіе; о́чень мно́гіе пла́кали. Тако́е изъявле́ніе о́бщей ско́рби меня́ глубо́ко тро́гало; въ Ру́сскихъ, кото́рымъ дорога̀ оте́чественная сла́ва, оно́ бы́ло неудиви́тельно; но уча́стіе инозе́мцевъ бы́ло для меня́ услади́тельною нежда́нностію. Мы теря́ли своё, мудрено́ ли, что мы горева́ли? Но ихъ что́ такъ тро́гало? Отвѣча́ть нетру́дно. Ге́ній о́бщее добро́; въ поклоне́ніи ге́нію всѣ наро́ды родня́; и когда́ онъ безвре́менно покида́етъ зе́млю, всѣ провожа́ютъ его́ съ одина́кою бра́тскою ско́рбію. Пу́шкинъ, по своему́ ге́нію, былъ со́бственностію не одно́й Россі́и, но и цѣло́й Евро́пы; потому́-то и мно́гіе инозе́мцы приходи́ли къ две́ри его́ съ печа́лію *со́бственною*, и о *на́шемъ* Пу́шкинѣ пожалѣ́ли, какъ бу́дто о *своёмъ*.

Возвраща́юсь къ своему́ описа́нію. Посла́въ Да́ля ободри́ть жену́ наде́ждою, Пу́шкинъ самъ не имѣлъ никако́й. Одна́жды спроси́лъ онъ: *Кото́рый часъ?* и на отвѣтъ Да́ля продолжа́лъ прерыва́ющимся го́лосомъ: *До́лго ли . . . мнѣ . . . такъ му́читься? . . . Пожа́луста . . . поскорѣ́й!* Э́то повтори́лъ онъ нѣсколько разъ по́слѣ: *ско́ро ли коне́цъ?* . . . и всегда́ прибавля́лъ: *пожа́луста поскорѣ́й!* Но вообще́ (по́слѣ мукъ пе́рвой но́чи, продолжа́вшихся два часа́), онъ былъ удиви́тельно терпѣли́въ. Когда́

тоска́ и боль его́ одолѣва́ли, онъ дѣлалъ движе́нія рука́ми или отры́висто кряхтѣлъ, но такъ, что почти́ его́ не могли́ слы́шать. Терпѣтъ на́до, другъ, дѣлать не́чего, сказа́лъ ему́ Даль, но не стыди́сь бо́ли свое́й, стона́й, тебѣ бу́детъ ле́гче. — *Нѣтъ*, онъ отвѣча́лъ преры́вчиво: *нѣтъ . . . не на́до . . . стона́ть; . . . жена́ . . . услы́шитъ; . . . смѣшно́ же . . . чтобъ э́тотъ . . . вздоръ меня́ . . . переси́лилъ; . . . не хочу́.* — Я поки́нулъ его́ въ 5 часо́въ утра́, и че́резъ два часа́ возврати́лся. Ви́дѣвъ, что ночь была́ дово́льно споко́йна, я пошёлъ къ себѣ почти́ съ надёждою, но возвратя́сь, нашёлъ ино́е. А́рендтъ сказа́лъ мнѣ рѣшительно, что всё ко́нчено, и что ему́ не пережи́ть дня. Дѣйстви́тельно, пульсъ ослабѣлъ и на́чалъ упада́ть примѣтно; ру́ки на́чали стыть. Онъ лежа́лъ съ закры́тыми глаза́ми; иногда́ то́лько подыма́лъ ру́ки, чтобы́ взять льду и потере́ть имъ лобъ. Уда́рило два часа́ пополу́дни, и въ Пу́шкинѣ оста́лось жи́зни то́лько на́ три че́тверти часа́. Онъ откры́лъ глаза́ и попроси́лъ мочёной моро́шки. Когда́ её принесли́, онъ сказа́лъ внятно: *Позови́те жену́, пуска́й она́ меня́ покорми́тъ.* Она́ пришла́, опусти́лась на колѣни у изголо́вья, поднесла́ ему́ ло́жечку, другу́ю моро́шки, пото́мъ прижа́лась лицёмъ къ лицу́ его́; Пу́шкинъ погла́дилъ её по головѣ и сказа́лъ: *Ну, ну, ничего́; сла́ва Бо́гу, всё хорошо́; поди́.* — Споко́йное выраже́ніе лица́ его́ и твёрдость го́лоса обману́ли бѣдную жену́; она́ вышла какъ бу́дто просія́вшая отъ ра́дости. Вотъ уви́дите, сказа́ла она́ до́ктору Спа́сскому, онъ бу́детъ живъ; онъ не умрётъ.

А въ э́ту мину́ту уже́ начался́ послѣдній проце́ссъ жи́зни. Я стоя́лъ вмѣстѣ съ гра́фомъ Віельго́рскимъ у посте́ли въ голова́хъ; съ бо́ку стоя́лъ Турге́невъ. Даль шепну́лъ мнѣ: отхо́дитъ. Но мы́сли его́ бы́ли свѣтлы́. И́зрѣдка то́лько полудремо́тное забытьё ихъ отума́нивало; разъ онъ по́далъ ру́ку Да́лю, и пожима́я её, прогово-

ри́лъ: *Ну, подыма́й же меня́, пойдёмъ, да вы́ше, вы́ше . . . ну, пойдёмъ!* Но очну́вшись, онъ сказа́лъ: *Мнѣ было пригрѣзилось, что я съ тобо́й лѣзу вверхъ по э́тимъ кни́гамъ и по́лкамъ! высо́ко . . . и голова́ закружи́лась.* Немно́го погодя́, онъ опя́ть, не раскрыва́я глазъ, сталъ иска́ть Да́леву ру́ку и потяну́въ её, сказа́лъ: *Ну, пойдёмъ же, пожа́луста; да вмѣстѣ.* — Да́ль, по про́сьбѣ его́, взялъ его́ подъ мы́шки и припо́днялъ повы́ше; и вдругъ, какъ бу́дто просну́вшись, онъ бы́стро раскры́лъ глаза́, лицё его́ проясни́лось и онъ сказа́лъ: *Ко́нчена жизнь!* Даль, не разслу́шавъ, отвѣча́лъ: да, ко́нчено; мы тебя́ повороти́ли. *Жизнь ко́нчена!* повтори́лъ онъ внятно и положи́тельно *Тяжело́ дыша́ть, да́витъ!* бы́ли послѣднія слова́ его́. Я не своди́лъ съ него́ глазъ, и замѣтилъ въ э́ту мину́ту, что движе́ніе гру́ди, досе́лѣ ти́хое, сдѣлалось преры́вчивымъ. Оно́ ско́ро прекрати́лось. Я смотрѣлъ внима́тельно; ждалъ послѣдняго вздо́ха; но я его́ не примѣтилъ. Тишина́, его́ объя́вшая, показа́лась мнѣ успокое́ніемъ, а его́ уже́ не́ было. Всѣ надъ нимъ молча́ли. Мину́ты черезъ двѣ я спроси́лъ: «что́ онъ?» — Ко́нчилось! отвѣча́лъ мнѣ Даль. Та̀къ ти́хо, та̀къ споко́йно удали́лась душа́ его́. Мы долго стоя́ли надъ нимъ, мо́лча, не шевеля́сь, не смѣя нару́шить та́инства сме́рти, кото́рое соверши́лось передъ на́ми во всей умили́тельной святы́нѣ своей.

Когда́ всѣ ушли́, я сѣлъ передъ ни́мъ, и до́лго, оди́нъ, смотрѣлъ ему́ въ лицё. Никогда́ на э́томъ лицѣ я не вида́лъ ничего́ подо́бнаго тому́, что́ бы́ло на нёмъ въ э́ту пе́рвую мину́ту сме́рти. Голова́ его́ нѣсколько наклони́лась; ру́ки, въ кото́рыхъ бы́ло за нѣсколько мину́тъ како́с-то су́дорожное движе́ніе, бы́ли споко́йно протя́нуты, какъ бу́дто упа́вшія для о́тдыха по́слѣ тяжёлаго труда́. Но что́ выража́лось на его́ лицѣ, я сказа́ть слова́ми не умѣю. Оно́ бы́ло для меня́ такъ но́во и въ то же вре́мя

такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на нёмъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ всё хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицё самой смерти, божественно-тайное, лицё смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на нёмъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ нёмъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда всё земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его ещё не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось, но всё мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Не буду разсказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгановы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ ещё нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ пригла-

шёнъ за́ три дня къ э́тому обѣ́ду . . . пра́здновать день моего́ рожде́нія. На друго́й день, мы, друзья́, положи́ли Пу́шкина свои́ми рука́ми въ гробъ; а на слѣ́дующій день, въ вечеру́, перенесли́ его́ въ Коню́шенную це́рковь. И въ э́ти о́ба дня, та го́рница, гдѣ онъ лежа́лъ во гро́бѣ, была́ безпреста́нно полна́ наро́домъ. Коне́чно бо́лѣе десяти́ ты́сячь человѣ́къ перебыва́ло въ ней, чтобы́ взгляну́ть на него́: мно́гіе пла́кали; иные́ до́лго остана́вливались и какъ бу́дто хотѣ́ли всмотрѣ́ться въ лицё его́; бы́ло что́-то рази́тельное въ его́ неподви́жности, посреди́ э́таго движе́нія, и что́-то умили́тельно-таинственное въ той моли́твѣ, кото́рая такъ ти́хо, такъ однообра́зно слы́шалась посреди́ э́таго сму́тнаго го́вора. Отпѣва́ніе происходи́ло 1:го февраля́. Мно́гіе изъ на́шихъ зна́тныхъ госпо́дъ и мно́гіе изъ иностра́нныхъ мини́стровъ бы́ли въ це́ркви. Мы на рука́хъ отнесли́ гробъ въ подва́лъ, гдѣ надлежа́ло ему́ оста́ться до отправле́нія изъ го́рода. 3:го февраля́, въ 10 часо́въ ве́чера, собрали́сь мы въ послѣ́дній разъ къ тому́, что́ ещё для насъ остава́лось отъ Пу́шкина; отпѣ́ли послѣ́днюю панихи́ду; я́щикъ съ гро́бомъ поста́вили на са́ни; въ по́лночь са́ни тро́нулись; при свѣ́тѣ мѣ́сяца, я провожа́лъ ихъ нѣ́сколько вре́мени глаза́ми; ско́ро они́ повороти́ли за́ уголъ до́ма; и всё, что́ было на землѣ́ Пу́шкинъ, навсегда́ пропа́ло изъ глазъ моихъ.

ВАСИ́ЛІЙ ЖУКО́ВСКІЙ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Александра Сергѣевича Пушкина.

Арапъ Петра Великаго.

I.

Оставалось 28 вёрстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошёлъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зелёномъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошёлъ, онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вставая съ лавки: «здорово, крестникъ!» Ибрагимъ узналъ Петра, въ-радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ предувѣдомленъ о твоёмъ пріѣздѣ,» сказалъ Пётръ — »и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. «Вели же,» продолжалъ Государь, «твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ.» Подали Государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ — и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорождённую столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего Государя. Обнажённыя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всёмъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, неукрашенной ещё гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами.

Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына Сада. Накрыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней Парижской

мо́дѣ. Пётръ поцѣлова́лъ её, и, взявъ Ибраги́ма за́ руку, сказа́лъ: «узна́ла ли ты, Ка́тенька, моего́ кре́стника? Прошу́ люби́ть и жа́ловать его́ по-пре́жнему.» Екатери́на устреми́ла на него́ чёрные, проница́тельные глаза́ и благоскло́нно протяну́ла ему́ ру́ку. Двѣ ю́ныя краса́вицы, высо́кія, стро́йныя, свѣ́жія какъ ро́зы, стоя́ли за не́ю и почти́тельно прибли́зились къ Петру́. «Ли́за,» по́мнишь ли ты ма́ленькаго ара́па, кото́рый для тебя́ кралъ у меня́ я́блоки въ Ораніенба́умѣ? Во́тъ онъ; представля́ю тебѣ́ его́.» Вели́кая Княжна́ засмѣя́лась и покраснѣла. Пошли́ въ столо́вую. Въ ожида́ніи Госуда́ря, столъ былъ накры́тъ. Пётръ со всѣмъ семе́йствомъ сѣлъ обѣдать, пригласи́въ и Ибраги́ма. Во вре́мя обѣда Госуда́рь съ нимъ разгова́ривалъ о ра́зныхъ предме́тахъ, разспра́шивалъ его́ объ Испа́нской войнѣ́, о вну́треннихъ дѣла́хъ Фра́нціи, о реге́нтѣ, кото́раго онъ люби́лъ, хотя́ и осужда́лъ въ нёмъ мно́гое. Ибраги́мъ отлича́лся умо́мъ то́чнымъ и наблюда́тельнымъ. Пётръ былъ о́чень дово́ленъ его́ отвѣ́тами; онъ вспо́мнилъ нѣкоторыя черты́ Ибраги́мова младе́нчества и разска́зывалъ ихъ съ таки́мъ доброду́шіемъ и весёлостію, что никто́ въ ла́сковомъ и гостепрі́имномъ хозя́инѣ не могъ бы подозрѣва́ть геро́я Полта́вскаго, могу́чаго и гро́знаго преобразова́теля Росс́іи.

По́слѣ обѣда Госуда́рь, по Ру́сскому обыкнове́нію, пошёлъ отдохну́ть. Ибраги́мъ оста́лся съ Императри́цей и Вели́кими Княжна́ми. Онъ стара́лся удовлетвори́ть ихъ любопы́тству, опи́сывалъ о́бразъ Пари́жской жи́зни, та́мошніе пра́здники и своенра́вныя мо́ды. Между-тѣмъ нѣкоторыя изъ осо́бъ, приближённыхъ къ Госуда́рю, собрали́сь во дворе́цъ. Ибраги́мъ узна́лъ великолѣ́пнаго князя Ме́ншикова, кото́рый, увидя ара́па, разгова́ривающаго съ Екатери́ной, го́рдо на него́ покоси́лся; Я́кова Долгору́каго, крута́го совѣ́тника Петра́; учёнаго Брю́са, прослы́вшаго въ наро́дѣ Ру́сскимъ Фа́устомъ; мо-

лодáго Рагузинскаго, бывшаго своего товарища — и другихъ, пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказáніями.

Государь вышелъ часá черезъ двá. «Посмóтримъ,» сказáлъ онъ Ибрагиму, «не позабылъ ли ты своей старой дóлжности. Возьми-ка áспидную доску, да ступай за мною.» Пётръ заперся въ токáрнѣ и занялся государственными дѣлáми. Онъ пóочереди рабóталъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорýкимъ, съ генерáлъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовáлъ Ибрагиму нѣсколько укáзовъ и рѣшéній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твёрдому егó рáзуму, силѣ и гибкости внимáнія и разнообрáзію дѣятельности. По окончáніи трудóвъ Пётръ вынулъ кармáнную книжку, чтобы спрáвиться, всё ли имъ предполагáемое на сей день исполнено. Потóмъ, выходя изъ токáрни, сказáлъ Ибрагиму: «ужъ пóздно; ты, я чай, устáлъ: ночýй здѣсь, какъ бывáло въ-старинý; зáвтра я тебя разбужý.»

На другóй день Пётръ, по своемý обѣщáнію, разбудилъ Ибрагима и поздрáвилъ егó капитáнълейтенáнтомъ бомбардирской рóты Преображéнскаго полкá, въ кóей онъ самъ былъ капитáномъ. Придвóрные окружили Ибрагима, всякой по-своему старáясь обласкáть нóваго любимца. Надмéнный князь Мéншиковъ дрýжески пожáлъ емý рýку; Шеремéтевъ освѣдомился о своихъ Парижскихъ знакóмыхъ, а Головинъ пóзвалъ обѣдать. Семý послѣднему примѣру послѣдовали и прóчіе, тáкъ-что Ибрагимъ получилъ приглашéній по крáйней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообрáзные, но дѣятельные — слѣдственно не знáлъ скýки. Онъ дéнь-ото-дня бóлѣе привязывался къ Государю, лýчше постигáлъ егó высóкую дýшу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука сáмая заниматéльная. Ибрагимъ ви-

дѣлъ Петра́ въ сена́тѣ, оспа́риваемаго Бутурлины́мъ и Долгору́кимъ, разбира́ющаго ва́жные запро́сы законода́тельства; въ адмиралте́йской колле́гіи, утвержда́ющаго морско́е вели́чіе Россіи; въ часы́ отдохнове́нія вида́лъ его́ съ Ѳеофа́номъ, Гавріи́ломъ Бужи́нскимъ и Копіе́вичемъ, разсма́тривающаго перево́ды иностра́нныхъ публици́стовъ, или́ посѣща́ющаго фа́брику купца́, рабо́чую реме́сленника и кабине́тъ учёнаго. Россі́я представля́лась Ибраги́му огро́мной мастерско́ю, гдѣ дви́жутся однѣ́ маши́ны, гдѣ ка́ждый рабо́тникъ, подчинённый заведённому поря́дку, за́нятъ свои́мъ дѣ́ломъ. Онъ почита́лъ и себя́ обя́заннымъ труди́ться у со́бственнаго станка́, и стара́лся какъ мо́жно ме́нѣе сожалѣ́ть объ увеселе́ніяхъ Пари́жской жи́зни.

II.

К. осыпа́лъ Ибраги́ма вопро́сами: кто́ въ Петербу́ргѣ пе́рвая краса́вица? кто́ сла́вится пе́рвымъ танцовщико́мъ? како́й та́нецъ ны́ньче въ мо́дѣ? Ибраги́мъ весьма́ неохо́тно удовлетворя́лъ его́ любопы́тству. Между-тѣмъ они́ подъѣ́хали ко дворцу́. Мно́жество дли́нныхъ сане́й, ста́рыхъ колыма́гъ и раззоло́ченныхъ каре́тъ стоя́ло уже́ на лугу́. У крыльца́ толпи́лись кучера́ въ ливре́ѣ и въ уса́хъ; скорохо́ды, блиста́ющіе мишуро́ю, въ пе́рьяхъ и съ булава́ми; гуса́ры, пажи́, неуклю́жіе гайдуки́, навью́ченные шу́бами и му́фтами свои́хъ госпо́дъ — сви́та, необходи́мая по поня́тіямъ боя́ръ того́ вре́мени. При ви́дѣ Ибраги́ма подняли́ся ме́жду ни́ми о́бщій шо́потъ: ара́пъ, ара́пъ, Ца́рскій ара́пъ! Онъ поскорѣ́е провёлъ К. сквозь э́ту пёструю че́лядь. Придво́рный лаке́й отвори́лъ имъ двери на́стежъ, и они́ вошли́ въ за́лу. К. остолбенѣ́лъ. . . .

Въ большо́й ко́мнатѣ, освѣщённой са́льными свѣча́ми, кото́рыя ту́скло горѣ́ли въ облака́хъ таба́чнаго ды́ма, вельмо́жи съ голубы́ми ле́нтами черезъ плечо́, посла́нники, иностра́нные купцы, офице́ры гва́рдіи въ зелёныхъ

мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяли на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повёртывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведённыхъ игрищахъ, и съ досадою косились на жёнъ и дочерей Голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошёлъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. «**Que diable est ce que tout celà?**» *) спрашивалъ К. вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски.

---

*) Что это за чертовщина?

За однимъ изъ нихъ Пётръ игра́лъ въ ша́шки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютова́ли другъ дру́га за́лпами таба́чнаго дыма. Госуда́рь та́къ былъ озада́ченъ неча́яннымъ хо́домъ своего́ проти́вника, что не замѣтилъ К., ка́къ онъ о́коло нихъ ни вертѣлся. Въ э́то вре́мя то́лстый господи́нъ, съ то́лстымъ буке́томъ на груди́, суетли́во вошёлъ, обьяви́лъ громогла́сно, что та́нцы начали́сь, и то́тчасъ ушёлъ; за нимъ послѣдовало мно́жество госте́й, въ томъ числѣ и К.

Неожи́данное зрѣлище его́ порази́ло. Во всю длину́ танцова́льной за́лы, при звукѣ са́мой плачевной му́зыки, да́мы и кавале́ры стоя́ли въ два ряда́ другъ про́тивъ дру́га, кавале́ры ни́зко кла́нялись, да́мы ещё ни́же присѣда́ли, сперва́ пря́мо про́тивъ себя́, пото́мъ поворотя́сь напра́во, пото́мъ налѣво, тамъ опя́ть пря́мо, опя́ть напра́во, и такъ да́лѣе. К., смотря́ на сіе́ затѣйливое препровожде́ніе вре́мени, тара́щилъ глаза́ и куса́лъ себѣ гу́бы. Присѣда́нія и покло́ны продолжа́лись о́коло полу́часа; наконе́цъ они́ прекрати́лись, и то́лстый господи́нъ съ буке́томъ провозгласи́лъ, что церемоніа́льные та́нцы ко́нчились, и приказа́лъ музыка́нтамъ игра́ть менуэ́тъ. К. обрадовался и пригото́вился блесну́ть. Ме́жду молоды́ми го́стьями одна́ въ осо́бенности ему́ понра́вилась. Ей было о́коло шестна́дцати лѣтъ; она́ была́ одѣта бога́то, но со вку́сомъ, и сидѣла по́длѣ мужчи́ны пожилы́хъ лѣтъ ви́да ва́жнаго и суро́ваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти́ съ нимъ танцова́ть. Молода́я краса́вица смотрѣла на него́ съ замѣша́тельствомъ и, каза́лось, не зна́ла, что́ ему́ сказа́ть. Мужчи́на, сидѣвшій по́длѣ нея́, нахму́рился ещё бо́лѣе. К. ждалъ ея́ рѣше́нія, но господи́нъ съ буке́томъ подошёлъ къ нему́, отвёлъ его́ на среди́ну за́лы и ва́жно сказа́лъ: «госуда́рь мой, ты провинился: во-пе́рвыхъ, подошёлъ къ сей молодо́й персо́нѣ, не отда́въ ей три до́лжные реверанса, а во-вторы́хъ, взявъ на

себя́ самому́ её вы́брать, тогда́-какъ въ менуэ́тахъ пра́во сіе́ подоба́етъ да́мѣ, а не кавале́ру: сего́ ра́ди имѣешь ты быть весьма́ нака́занъ — и́менно: до́лженъ вы́пить *ку́бокъ больша́го орла́.*» К. часъ-о́тъ-часу бо́лѣе диви́лся. Въ одну́ ми́нуту го́сти его́ окружи́ли, шу́мно тре́буя немѣ́дленнаго исполне́нія зако́на. Пётръ, услы́ша хо́хотъ и кри́ки, вы́шелъ изъ друго́й ко́мнаты, бу́дучи большо́й охо́тникъ ли́чно прису́тствовать при таковы́хъ наказа́ніяхъ. Предъ ни́мъ толпа́ раздви́нулась, и онъ вступи́лъ въ кругъ, гдѣ стоя́лъ осуждённый и передъ ни́мъ ма́ршалъ ассамбле́и съ огро́мнымъ ку́бкомъ, напо́лненнымъ мальва́зіей. Онъ тще́тно угова́ривалъ престу́пника доброво́льно повинова́ться зако́ну. «Ага́!» сказа́лъ Пётръ, уви́дя К., «попа́лся, братъ. Изво́ль же, мосьё, пить и не мо́рщиться.» Дѣлать бы́ло не́чего: бѣ́дный щёголь, не переводя́ ду́ху, осуши́лъ весь ку́бокъ и о́тдалъ его́ ма́ршалу. «Послу́шай, К.,» сказа́лъ ему́ Пётръ: »штаны́-то на тебѣ ба́рхатные, каки́хъ и я не ношу́, а я тебя́ гора́здо бога́че. Это мотовство́; смотри́, чтобъ я съ тобо́й не побрани́лся.» Вы́слушавъ сей вы́говоръ, К. хотѣ́лъ вы́йти изъ кру́гу, но зашата́лся и чуть не упа́лъ къ неописа́нному удово́льствію Госуда́ря и всей весёлой компа́ніи. Сей эпизо́дъ не то́лько не повреди́лъ еди́нству и занима́тельности гла́внаго дѣ́йствія, но ещё оживи́лъ его́. Кавале́ры ста́ли ша́ркать и кла́няться, а да́мы присѣда́ть и посту́кивать каблука́ми съ бо́льшимъ усе́рдіемъ и ужъ во́все не наблюда́я када́нса. К. не могъ уча́ствовать въ о́бщемъ весе́ліи. Да́ма, имъ вы́бранная, по повелѣ́нію отца́ своего́, Гаври́лы Аѳана́сьевича Рагузи́нскаго, подошла́ къ Ибраги́му и, поту́пя голубы́е глаза́, ро́бко подала́ ему́ ру́ку. Ибраги́мъ протанцова́лъ съ не́ю менуэ́тъ и отвёлъ её на пре́жнее мѣ́сто, пото́мъ, отыска́въ К., вы́велъ его́ изъ за́лы, посади́лъ въ каре́ту и повёзъ домо́й. Доро́гою К. снача́ла невня́тно лепета́лъ:

«проклятая ассамблея! . . . проклятый кубокъ большаго орла! . . .» Но вскоре заснулъ крепкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ приехалъ домой, какъ его раздели и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, приседанія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

III.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Рагузинскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владелъ огромнымъ именіемъ, былъ хлебосолъ, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна — словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ по его выраженію, не терпелъ Немецкаго духу и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать летъ отъ роду. Ещё ребёнкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, то есть окружена мамушками, нянюшками, подружками и сенными девушками; шила золотомъ и не знала грамоты; отецъ ея, не смотря на отвращеніе своё отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ Немецкимъ у пленнаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ доме. Сей заслужёный танцмейстеръ имелъ летъ пятьдесятъ отъ-роду; правая нога была у него прострелена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ; за то левая съ удивительнымъ искуствомъ и лёгкостію выделывала самыя трудныя па. Ученица делала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день пріезжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство мо-

лодáго франта не понрáвились гóрдому бáрину, котóрый прóзвалъ егó остроýмно — Францýзской обезьяною.

День былъ прáздничный. Гаври́ла Аөанáсьевичь ожидáлъ нѣсколько родны́хъ и прія́телей. Въ стари́нной зáлѣ накрывáли дли́нный столъ. Гóсти съѣзжáлись съ жёнами и дочерьми́, наконéцъ освобождёнными отъ затвóрничества домáшняго укáзами Госудáря и сóбственнымъ егó примѣромъ. Натáлья Гаври́ловна поднеслá кáждому гóстю серéбренный подпóсъ, устáвленный золоты́ми чáрочками, и кáждый вы́пилъ свою́, жалѣя, что поцѣлýй, получáемый въ-старину́ при такóмъ слýчаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновéнія. Пошли́ за столъ. На пéрвомъ мѣстѣ, пóдлѣ хозя́ина, сѣлъ тесть егó, князь Бори́съ Алексѣевичь Лы́ковъ, семидесятилѣтній боя́ринъ; прóчіе гóсти, наблюдáя старшинствó рóда и тѣмъ поминáя счастли́выя временá мѣстничества, сѣли — мужчи́ны по однóй сторонѣ, жéнщины по другóй; на концѣ зáняли свои́ привы́чныя мѣстá — бáрская бáрыня, въ стари́нномъ шушунѣ и ки́чкѣ; кáрлица, тридцатилѣтняя малю́тка, чóпорная и смóрщенная, и плѣнный танцмéйстеръ въ си́немъ, понóшенномъ мунди́рѣ. Стóлъ, устáвленный мнóжествомъ блю́дъ, былъ окружёнъ суетли́вой и многочи́сленной чéлядью, посреди́ котóрой отличáлся дворéцкій стрóгимъ взóромъ, тóлстымъ брю́хомъ и величáвой неподви́жностію. Пéрвыя мину́ты обѣда посвящены́ бы́ли еди́нственно на вниманіе къ произведéніямъ стари́нной нáшей кýхни; звонъ тарéлокъ и дѣятельныхъ лóжекъ возмущáлъ оди́нъ óбщее безмóлвіе. Наконéцъ хозя́инъ, ви́дя, что врéмя заня́ть гостéй прія́тною бесѣдою, оборотúлся и спроси́лъ: «а гдѣ же Еки́мовна? позвáть её сюдá!» Нѣсколько слугъ брóсились-было въ рáзныя стóроны, но въ тý же минýту стáрая жéнщина, набѣлённая и нарумя́ненная, ýбранная цвѣтáми и мишурóю, въ штóфномъ робрóндѣ, съ откры́той шéей и грý-

дью, вошла́, припѣва́я и подпля́сывая. Ея́ появле́ніе произвело́ общее удово́льствіе.

«Здра́вствуй, Еки́мовна,» сказа́лъ князь Лы́ковъ: «каково́ пожива́ешь?»

— По-добру́, по-здоро́ву, кумъ: поючи́ да пля́шучи, женишко́въ поджида́ючи.

«Гдѣ ты была́, ду́ра?» спроси́лъ хозя́инъ.

— Наряжа́лась, кумъ, для дороги́хъ госте́й, для Бо́жія пра́здника, по Ца́рскому нака́зу, по боя́рскому прика́зу, на смѣхъ всему́ мі́ру, по Нѣме́цкому мани́ру.

При сихъ слова́хъ подня́лся гро́мкій хо́хотъ, и ду́ра ста́ла на своё мѣсто, за сту́ломъ хозя́ина.

«А ду́ра-то врётъ, врётъ, да и пра́вду соврётъ,» сказа́ла Татья́на Аѳана́сьевна, ста́ршая сестра́ хозя́ина, серде́чно имъ уважа́емая.«По́длинно ны́нѣшніе наря́ды на-смѣхъ всему́ мі́ру. Коли́ ужь и вы, ба́тюшки, обри́ли себѣ бо́роду и надѣли кургу́зый кафта́нъ, такъ про же́нское тряпьё толкова́ть, коне́чно, не́чего; а пра́во жаль сарафа́на, дѣви́чьей ле́нты и пово́йника! Вѣдь посмотрѣть на ны́нѣшнихъ краса́вицъ — и смѣхъ и жа́лость: воло́ски-то взби́ты, что во́йлокъ, наса́лены, засы́паны Францу́зской муко́ю; живо́тикъ перетя́нутъ такъ, что е́ле не перервётся; испо́дницы напя́лены на о́бручи; въ колыма́гу садя́тся бочко́мъ; въ две́ри вхо́дятъ — нагиба́ются; ни сѣсть, ни духъ переве́сть — су́щія му́ченницы, мои́ голу́бушки!»

«Охъ, ма́тушка Татья́на Аѳана́сьевна!» сказа́лъ Кири́ла Петро́вичъ Т., бы́вшій въ Ряза́ни воево́дой, гдѣ на́жилъ себѣ 3000 душъ и молоду́ю жену́, то́ и друго́е съ грѣхо́мъ попола́мъ; «по мнѣ, жена́ какъ хо́чешь одѣва́йся, хоть кутафье́й,*) хоть болдыха́номъ**) — то́лько бъ не

*) Кутухто́й, монго́льскимъ первосвяще́нникомъ.

**) Богдыха́номъ, кита́йскимъ импера́торомъ.

ка́ждый мѣсяцъ зака́зывала себѣ но́выя пла́тья, а пре́жнія бросáла новёшенькія. Бывáло, вну́чкѣ въ придáное доставáлся бáбушкинъ сарафáнъ, а ны́нѣшнія робро́нды — поглядúшь: сего́дня на бáрынѣ, а зáвтра на холо́пкѣ. Что́ дѣлать? Разоре́ніе Ру́сскому дворя́нству! Бѣдá да и то́лько!» При сихъ словáхъ онъ со вздо́хомъ посмотрѣлъ на свою́ Мáрью Ильи́нишну, кото́рой, казáлось, во́все не нрáвились ни похвалы́ старинѣ, ни порицáнія новѣйшихъ обы́чаевъ. Про́чія красáвицы раздѣля́ли ея́ неудово́льствіе, но молчáли; и́бо скро́мность почитáлась тогдá необходи́мой принадле́жностію молодо́й же́нщины.

— А кто виновáтъ? — сказáлъ Гаври́ла Аѳанáсьевичь, напѣня кру́жку ки́слыхъ щей — не мы ли сáми? Моло́денькія бáбы дурáчатся, а мы имъ потакáемъ.

«А что́ намъ дѣлать, коли́ не нáша во́ля?» возрази́лъ Кири́ла Петро́вичь. »Ино́й бы радъ былъ заперéть жену́ въ те́ремѣ, а её съ барабáннымъ бо́емъ тре́буютъ на ассамбле́ю; мужъ за плётку, а женá за наря́ды. Охъ ужъ э́ти ассамбле́и! наказáлъ насъ и́ми Госпо́дь за прегрѣше́нія нáши.»

Мáрья Ильи́нишна сидѣла какъ на иго́лкахъ; язы́къ у нея́ такъ и свербѣлъ; наконе́цъ онá не вы́терпѣла, и, обратя́сь къ му́жу, спроси́ла его́ съ ки́сленькой улы́бкою: что́ нахо́дитъ онъ дурнáго въ ассамбле́яхъ?

«А то́ въ нихъ ду́рно,» отвѣчáлъ разгорячённый супру́гъ, «что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завели́сь, мужья́ не слáдятъ съ жёнами; жёны позабы́ли сло́во Апо́стольское: *женá да бои́тся своего́ му́жа;* хлопо́чутъ не о хозя́йствѣ, а объ обно́вахъ; не ду́маютъ, какъ бы му́жу угоди́ть, а кáкъ бы пригляну́ться офице́рамъ-вертопрáхамъ. Да и прили́чно ли, судáрыня, Ру́сской боя́рынѣ или боя́рышнѣ находи́ться вмѣстѣ съ Нѣмцами-табáчниками да съ ихъ рабо́тницами? Слы́хано ли дѣло: до́ ночи

плясáть и разговáривать съ молоды́ми мужчи́нами? И добрó бы ещё съ рóдственниками, а тó съ чужи́ми, съ незнакóмыми!»

— Сказáлъ бы словéчко, да волкъ недалéчко, сказáлъ, нахмýрясь, Гаври́ла Аѳанáсьевичь. А признаюсь, ассамблéи и мнѣ не по-нрáву: тогó и гляди́, что на пья́наго натолкнёшься, аль и самогó нá-смѣхъ пья́нымъ напоя́тъ. Тогó и гляди́, чтобъ какóй нибýдь повѣса не напрокáзилъ чегó съ дóчерью; а ны́ньче тáкъ молодёжь избаловáлась, что ни на чтó не похóже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покóйнаго Еврáфа Сергѣевича К. . . . на прошéдшей ассамблéѣ надѣлалъ такóго шýму съ Натáшей, что привёлъ меня́ въ крáску. На другóй день, гляжý, кати́тъ ко мнѣ пря́мо на дворъ; я дýмалъ: когó-то Богъ несётъ — ужъ не кня́зя ли Алексáндра Дани́ловича? Не тýтъ-то бы́ло: Ивáна Евгрáфовича! Небóсь не могъ останови́ться у ворóтъ, да потруди́ться пѣшкóмъ дойти́ до крыльцá — кудá! влетѣлъ, расшáркался, что и Бóже упаси́! Дýра Еки́мовна уморительно егó передрáзниваетъ; кстáти: представь, дýра, замóрскую обезья́ну.

Дýра Еки́мовна схвати́ла кры́шку съ одногó блю́да, взялá подъ мы́шку бýдто шля́пу, и началá кривля́ться, шáркать и клáняться во всѣ стóроны, приговáривая: «мусьё . . . . мамзéль . . . . ассамблéя . . . . пардóнъ.» Óбщій и продолжи́тельный хóхотъ снóва изъяви́лъ удовóльствіе гостéй.

— Ни дать, ни взять К . . . . ., сказáлъ стáрый князь Лы́ковъ, отирáя слёзы отъ смѣха, когдá спокóйствіе мáло-по-мáлу возстанови́лось. А чтó грѣхá таи́ть? Не онъ пéрвый, не онъ послѣдній вороти́лся изъ Нѣмéтчины на святýю Русь скоморóхомъ. Чемý тамъ научáются нáши дѣти? Шáркать, болтáть Бóгъ вѣсть на какóмъ нарѣчіи, не почитáть стáршихъ, да волочи́ться за чужи́ми жёнами.

Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости Господи!) Царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

«Ахти-батюшки, князь,» сказала Татьяна Аѳанасьевна, «видѣла, видѣла его близёхонько: какая жъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!»

— Конечно, замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичь, человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону. . . . Это кто ещё въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваетс, скоты? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ — бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь . . . .

«Старая борода, не бредишь ли?» прервала дура Екимовна: «Али ты слѣпъ: сани-то Государевы; Царь пріѣхалъ.»

Гаврила Аѳанасьевичь всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ — и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на-встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; всё утихло, и Царь вошёлъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости. «Здорово, господа!» сказалъ Пётръ съ весёлымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ её. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ-отъ-часу хорошѣешь,» сказалъ ей Государь и, по своему обыкновенію, поцѣловалъ её въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: «что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ Гаврила Аѳанасьевичь, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ

бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ её съ поклономъ Государю. Пётръ, выпивъ, закусилъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ Царскимъ присутствіемъ. Пётръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелёными костяными черенками, ибо Пётръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживлённый веселіемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принуждённости. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-Нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Аѳанасьевичь!» сказалъ онъ хозяину: «мнѣ нужно съ тобою поговорить на-единѣ» — и, взявъ его подъ руку, увёлъ въ гостиную и заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъсоль.

Отрывки изъ повѣсти Капитанская дочка.

Вожатый.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣчённыя холмами и оврагами. Всё покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачѣмъ?

«Время ненадёжно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.»

— Что за бѣда!

«А видишь тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.)

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

«А вонъ — вонъ: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ-было сперва за отдалённый холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичь, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ несилёнъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но всё поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ-отъ-часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую

тýчу, котóрая тяжелó подымáлась, рослá, и постепéнно облегáла нéбо. Пошёлъ мéлкій снѣгъ — и вдругъ повалúлъ хлóпьями. Вѣтеръ завы́лъ; сдѣлалась мятéль. Въ однó мгновéніе тёмное нéбо смѣшáлось съ снѣжнымъ мóремъ. Всё исчéзло. «Ну, бáринъ» — закричáлъ ямщúкъ — «бѣдá: бурáнъ!» . . .

Я вы́глянулъ изъ кибúтки: всё бы́ло мракъ и вúхорь. Вѣтеръ вылъ съ такóй свирѣпой выразúтельностію, что казáлся одушевлённымъ; снѣгъ засыпáлъ менá и Савéльича; лóшади шли шáгомъ — и скóро стáли. «Чтó же ты не ѣдешь?» спросúлъ я ямщикá съ нетерпѣніемъ. — Да чтó ѣхать? — отвѣчáлъ онъ, слѣзáя съ облучкá; — невѣсть и такъ кудá заѣхали: дорóги нѣтъ, и мгла кругóмъ. — Я стáлъ-было его бранúть. Савéльичь за негó заступúлся: «И охóта было не слýшаться» — говорúлъ онъ сердúто — «воротúлся бы на постоялый дворъ, накýшался бы чáю, почивáлъ бы себѣ до утрá, бýря бъ утúхла, отпрáвились бы дáлѣе. И кудá спѣшúмъ? Добрó бы на свáдьбу!» — Савéльичь былъ правъ. Дѣлать бы́ло нéчего. Снѣгъ тáкъ и валúлъ. Óколо кибúтки подымáлся сугрóбъ. Лóшади стоя́ли, понýря гóлову и úзрѣдка вздрáгивая. Ямщúкъ ходúлъ кругóмъ, отъ нéчего дѣлать улáживая ýпряжь. Савéльичь ворчáлъ; я глядѣлъ во всѣ стóроны, надѣясь увúдѣть хоть прúзнакъ жилья́ úли дорóги, но ничегó не могъ различúть, крóмѣ мýтнаго кружéнія мятéли . . . . . Вдругъ увúдѣлъ я чтó-то чёрное. »Эй, ямщúкъ!» — закричáлъ я — »смотрú: чтó тамъ такóе чернѣется?» Ямщúкъ сталъ всмáтриваться. — А Богъ знáетъ, бáринъ — сказáлъ онъ, садя́сь на своё мѣсто; возъ не возъ, дéрево не дéрево, а кáжется, что шевелúтся. Должнó быть, úли волкъ úли человѣкъ.

Я приказáлъ ѣхать на незнакóмый предмéтъ, котóрый тóтчасъ и сталъ подвигáться намъ на встрѣчу. Чé-

резъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!» — закричалъ ему ямщикъ. «Скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?»

— Дорога-то здѣсь; я стою на твёрдой полосѣ, отвѣчалъ дорожный, да что толку?

Послушай, мужичёкъ — сказалъ я ему — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

«Сторона мнѣ знакомая» — отвѣчалъ дорожный — «слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперёкъ. Да вишь какая погода: какъ-разъ собьёшься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдёмъ дорогу по звѣздамъ.»

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучёкъ и сказалъ ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалёко; сворачивай вправо, да поѣзжай». — А почему ѣхать мнѣ вправо? — спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. — Гдѣ ты видишь дорогу? Не бось: лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой. — Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ» — сказалъ я; — «почему думаешь ты, что жило недалече?» — А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ — отвѣчалъ дорожный, — и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко. — Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичь охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда́ не могъ я позабы́ть, и въ кото́ромъ до сихъ поръ ви́жу нѣчто проро́ческое, когда́ соображаю съ нимъ стра́нныя обстоя́тельства моей жизни. Чита́тель извини́тъ меня́: и́бо вѣроя́тно зна́етъ по о́пыту, ка́къ сро́дно человѣку предава́ться суевѣрію, не смотря́ на всевозмо́жное презрѣніе къ предразсу́дкамъ.

Я находи́лся въ томъ состоя́ніи чувствъ и души́, когда́ суще́ственность, уступа́я мечта́ніямъ, слива́ется съ ни́ми въ нея́сныхъ первосо́ніяхъ. Мнѣ каза́лось, бура́нъ ещё свирѣпствовалъ, и мы ещё блужда́ли по снѣжной пусты́нѣ . . . Вдругъ уви́дѣлъ я воро́та, и въѣхалъ на ба́рскій дворъ на́шей уса́дьбы. Пе́рвою мы́слію мое́ю бы́ло опасе́ніе, чтобъ ба́тюшка не прогнѣвался на меня́ за нево́льное возвраще́ніе подъ кро́влю роди́тельскую, и не почёлъ бы его́ умы́шленнымъ ослуша́ніемъ. Съ безпоко́йствомъ я выпрыгнулъ изъ киби́тки, и ви́жу: ма́тушка встрѣча́етъ меня́ на крыльцѣ съ ви́домъ глубо́каго огорче́нія. «Ти́ше,» — говори́тъ она́ мнѣ — «оте́цъ бо́ленъ при́ смерти и жела́етъ съ тобо́ю прости́ться.» — Поражённый стра́хомъ, я иду́ за не́ю въ спа́льню. Ви́жу, ко́мната сла́бо освѣщена́; у посте́ли стоя́тъ лю́ди съ печа́льными ли́цами. Я тихо́нько подхожу́ къ посте́ли; ма́тушка приподнима́етъ по́логъ и говори́тъ: «Андре́й Петро́вичь, Петру́ша пріѣхалъ; онъ вороти́лся, узна́въ о твое́й болѣзни; благослови́ его́». Я сталъ на колѣна, и устреми́лъ глаза́ мои́ на больна́го. Что жъ? Вмѣсто отца́ моего́, ви́жу въ посте́ли лежи́тъ мужи́къ съ чёрной бородо́ю, ве́село на меня́ погля́дывая. Я въ недоумѣніи обороти́лся къ ма́тушкѣ, говоря́ ей: Что́ э́то зна́читъ? Э́то не ба́тюшка. И съ како́й мнѣ ста́ти проси́ть благослове́нія у мужика́? — «Всё равно́, Петру́ша,» — отвѣча́ла мнѣ ма́тушка — «э́то твой посажёный оте́цъ; поцалу́й у него́ ру́чку, и пусть онъ тебя́ благослови́тъ»....

Я не соглаша́лся. Тогда́ мужи́къ вскочи́лъ съ посте́ли, вы́хватилъ топо́ръ изъ-за спины́ и сталъ маха́ть во всѣ сто́роны. Я хотѣлъ бѣжа́ть . . . . и не могъ; ко́мната напо́лнилася мёртвыми тѣла́ми; я спотыка́лся о тѣла́ и скользи́лъ въ крова́выхъ лу́жахъ . . . Стра́шный мужи́къ ла́сково меня́ кли́калъ, говоря́: «Не бойсь, подойди́ подъ моё благослове́ніе» . . . . У́жасъ и недоумѣ́ніе овладѣ́ли мно́ю . . . . И въ э́ту мину́ту я просну́лся; ло́шади стоя́ли; Саве́льичь держа́лъ меня́ за́ руку, говоря́: «Выходи́, суда́рь: пріѣ́хали.»

— Куда́ пріѣ́хали? — спроси́лъ я, протира́я глаза́.
— «На постоя́лый дворъ. Госпо́дь помо́гъ, наткну́лись пря́мо на забо́ръ. Выходи́, суда́рь, скорѣ́е, да обогрѣ́йся.»

Я вы́шелъ изъ киби́тки. Бура́нъ ещё продолжа́лся, хотя́ съ ме́ньшею си́лою. Бы́ло такъ темно́, что хоть глазъ вы́коли. Хозя́инъ встрѣ́тилъ насъ у воро́тъ, держа́ фона́рь подъ поло́ю, и ввёлъ меня́ въ го́рницу, тѣ́сную, но дово́льно чи́стую; лучи́на освѣща́ла её. На стѣнѣ́ висѣ́ла винто́вка и высо́кая коза́цкая ша́пка.

Хозя́инъ, ро́домъ Я́ицкій коза́къ, каза́лся, мужи́къ лѣтъ шести́десяти, ещё свѣ́жій и бо́дрый. Саве́льичь внёсъ за мно́ю погребе́цъ, потре́бовалъ огня́, чтобъ гото́вить чай, кото́рый никогда́ такъ не каза́лся мнѣ ну́женъ. Хозя́инъ поше́лъ хлопота́ть

— Гдѣ же вожа́тый? — спроси́лъ я у Саве́льича.

«Здѣсь, ва́ше бдагоро́діе,» отвѣча́лъ мнѣ го́лосъ све́рху. Я взгляну́лъ на пола́ти, и уви́дѣлъ чёрную бо́роду и два сверка́ющіе гла́за. — Что, братъ, прозя́бъ? — «Какъ не прозя́бнуть въ одно́мъ ху́денькомъ армякѣ́! Былъ тулу́пъ, да что грѣха́ таи́ть? заложи́лъ вечо́ръ у цалова́льника: моро́зъ показа́лся невели́къ. «Въ э́ту мину́ту хозя́инъ вошёлъ съ кипя́щимъ самова́ромъ; я предложи́лъ вожа́тому на́шему ча́ю; мужи́къ слѣзъ съ пола́тей. Нару́ж-

ность его́ показа́лась мнѣ замѣча́тельна. Онъ былъ лѣтъ сорока́, ро́сту сре́дняго, худоща́въ и широкопле́чъ. Въ чёрной бородѣ его́ пока́зывалась про́сѣдь; живы́е большіе глаза́ такъ и бѣгали. Лицё его́ имѣло выраже́ніе дово́льно пріятное, но плутовско́е. Волоса́ бы́ли обстри́жены въ кружо́къ; на нёмъ былъ обо́рванный армя́къ и Тата́рскія шарова́ры. Я поднёсъ ему́ ча́шку ча́ю; онъ отвѣдалъ и помо́рщился. «Ва́ше благоро́діе, сдѣлайте мнѣ таку́ю ми́лость — прикажи́те поднести́ стака́нъ вина́; чай не на́ше коза́цкое питьё.» Я съ охо́той испо́лнилъ его́ жела́ніе. Хозя́инъ вы́нулъ изъ ставца́ штофъ и стака́нъ, подошёлъ къ нему́, и взгляну́въ ему́ въ лицё: «Эхе́» — сказа́лъ онъ — «опя́ть ты въ на́шемъ краю́! Отко́лѣ Богъ принёсъ?» — Вожа́тый мой мигну́лъ значи́тельно и отвѣча́лъ погово́ркою: «Въ огоро́дѣ лежа́лъ, конопли́ клева́лъ; швырну́ла ба́бушка ка́мушкомъ — да ми́мо. Ну, а что́ ва́ши?»

— Да что́ на́ши! — отвѣча́лъ хозя́инъ, продолжа́я иносказа́тельный разгово́ръ. — Ста́ли-было къ вече́рнѣ звони́ть, да попадья́ не вели́тъ: попъ въ гостя́хъ, че́рти на пого́стѣ. — «Молчи́, дя́дя,» — возрази́лъ мой бродя́га — бу́детъ до́ждикъ, бу́дутъ и грибки́; а бу́дутъ грибки́, бу́детъ и ку́зовъ: а тепе́рь (тутъ онъ мигну́лъ опя́ть) заткни́ топо́ръ за́ спину: лѣсни́чій хо́дитъ. Ва́ше благоро́діе! за ва́ше здоро́вье!» — При сихъ слова́хъ онъ взялъ стака́нъ, перекрести́лся и вы́пилъ одни́мъ ду́хомъ. Пото́мъ поклони́лся мнѣ, и вороти́лся на пола́ти.

Я ничего́ не могъ тогда́ поня́ть изъ э́того воровска́го разгово́ра; но по́слѣ уже́ догада́лся, что дѣло шло о дѣла́хъ Яицкаго во́йска, въ то вре́мя то́лько что усмирённаго по́слѣ бу́нта 1772 го́да. Саве́льичъ слу́шалъ съ ви́домъ большаго неудово́льствія. Онъ посма́тривалъ съ подозрѣніемъ то на хозя́ина, то на вожа́таго. Постоя́лый дворъ, и́ли, по-та́мошнему, *умётъ*, находи́лся въ сто-

ронѣ, въ степи́, дале́че отъ вся́каго селе́нія, и о́чень походи́лъ на разбо́йническую при́стань. Но дѣлать бы́ло не́чего. Нельзя́ бы́ло и поду́мать о продолже́ніи пути́. Безпоко́йство Саве́льича о́чень меня́ забавля́ло. Ме́жду тѣмъ я расположи́лся ночева́ть и лёгъ на ла́вку. Саве́льичь рѣши́лся убра́ться на печь; хозя́инъ лёгъ на полу́. Ско́ро вся изба́ захрапѣла, и я засну́лъ какъ уби́тый.

Просну́вшись поутру́ дово́льно по́здно, я уви́дѣлъ, что бу́ряути́хла. Со́лнце сія́ло. Снѣгъ лежа́лъ ослѣпи́тельной пелено́ю на необозри́мой степи́. Ло́шади бы́ли запря́жены. Я расплати́лся съ хозя́иномъ, кото́рый взялъ съ насъ таку́ю умѣренную пла́ту, что да́же Саве́льичь съ нимъ не заспо́рилъ и не сталъ торгова́ться по своему́ обыкнове́нію, и вчера́шнія подозрѣнія изгла́дились соверше́нно изъ головы́ его́. Я по́звалъ вожа́таго, благодари́лъ за ока́занную по́мощь, и велѣлъ Саве́льичу дать ему́ полти́ну на-во́дку. Саве́льичь нахму́рился. «Полти́ну на-во́дку!» — сказа́лъ онъ, — «за что́ э́то? За то, что ты же изво́лилъ подвезти́ его́ къ посто́ялому двору́? Во́ля твоя́, су́дарь: нѣтъ у насъ ли́шнихъ полти́нъ. Вся́кому дава́ть на-во́дку, такъ самому́ ско́ро придётся голода́ть.» Я не могъ спо́рить съ Саве́льичемъ. Де́ньги, по моему́ обѣща́нію, находи́лись въ по́лномъ его́ распоряже́ніи. Мнѣ бы́ло доса́дно одна́ко жъ, что не могъ отблагодари́ть человѣка, вы́ручившаго меня́, е́сли не изъ бѣды́, то по кра́йней мѣрѣ изъ о́чень непрія́тнаго положе́нія. Хорошо́, сказа́лъ я хладнокро́вно, е́сли не хо́чешь дать полти́ну, то вынь ему́ что нибу́дь изъ моего́ пла́тья. Онъ одѣтъ сли́шкомъ легко́. Дай ему́ мой за́ячій тулу́пъ.

«Поми́луй, ба́тюшка Пётръ Андре́ичь!» — сказа́лъ Саве́льичь, «Зачѣмъ ему́ твой за́ячій тулу́пъ? Онъ его́ пропьётъ, соба́ка, въ пе́рвомъ кабакѣ.»

— Э́то, стари́нушка, ужъ не твоя́ печа́ль — сказа́лъ мой бродя́га, «пропью́ ли я или нѣтъ. Его́ благоро́діе

мнѣ жалуетъ шубу съ своего́ плеча́: его́ на то барская во́ля, а твоё холо́пье дѣло не спо́рить и слу́шаться.

«Бо́га ты не бои́шься, разбо́йникъ!» — отвѣча́лъ ему́ Саве́льичъ серди́тымъ го́лосомъ. «Ты ви́дишь, что дитя́ ещё не смы́слитъ, а ты и радъ его́ обобра́ть, простоты́ его́ ра́ди. Зачѣмъ тебѣ ба́рскій тулу́пчикъ? Ты и не напя́лишь его́ на свои́ окая́нныя плечи́ща.»

— Прошу́ не у́мничать! — сказа́лъ я своему́ дя́дькѣ; сейча́съ неси́ сюда́ тулу́пъ.

«Го́споди влады́ка!» простона́лъ мой Саве́льичъ.— «За́ячій тулу́пъ почти́ новёшенькій! И добро́ бы кому́, а то пья́ницѣ оголѣлому!»

Одна́ко за́ячій тулу́пъ яви́лся. Мужичёкъ тутъ же сталъ его́ примѣривать. Въ са́момъ дѣлѣ, тулу́пъ, изъ кото́раго успѣлъ и я вы́рости, былъ немно́жко для него́ у́зокъ. Одна́ко онъ ко́е-какъ умудри́лся, и надѣлъ его́, распоро́въ по швамъ. Саве́льичъ чуть не завы́лъ, услы́шавъ, ка́къ ни́тки затреща́ли. Бродя́га былъ чрезвыча́йно дово́ленъ мои́мъ пода́ркомъ. Онъ проводи́лъ меня́ до киби́тки и сказа́лъ съ ни́зкимъ покло́номъ: «Спаси́бо, ва́ше благоро́діе! Награди́ васъ Госпо́дь за ва́шу добродѣтель. Вѣкъ не забу́ду ва́шихъ ми́лостей». — Онъ пошёлъ въ свою́ сто́рону, а я отпра́вился да́лѣе, не обраща́я внима́нія на доса́ду Саве́льича, и ско́ро позабы́лъ о вчера́шней вью́гѣ, о своёмъ вожа́томъ и о за́ячьемъ тулу́пѣ.

Незва́нный гость.

Незва́нный гость ху́же Тата́рина.
Посло́вица.

Пло́щадь опустѣла. Я всё стоя́лъ на одно́мъ мѣстѣ, и не могъ привести́ въ поря́докъ мы́сли, смущённыя столь ужа́сными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Ма́рьи Ива́новны пу́ще всего́ меня́ му́чила. Гдѣ она́? что́ съ не́ю? успѣла ли спря́таться? надёжно ли ей убѣжище?... По́лный трево́жными мы́слями, я вошёлъ въ коменда́нтскій домъ... Всё бы́ло пу́сто; сту́лья, столы́, сундуки́ бы́ли перело́маны; посу́да переби́та; всё раста́скано. Я взбѣжа́лъ по ма́ленькой лѣстницѣ, кото́рая вела́ въ свѣтли́цу, и въ пе́рвый разъ о́троду вошёлъ въ ко́мнату Ма́рьи Ива́новны. Я уви́дѣлъ ей посте́лю, переры́тую разбо́йниками; шкапъ былъ разло́манъ и ogра́бленъ; лампа́дка те́плилась ещё пе́редъ опустѣлымъ киво́томъ. Уцѣлѣло и зе́ркальце, висѣвшее въ простѣнкѣ.... Гдѣ жъ была́ хозя́йка э́той смире́нной, дѣви́ческой ке́льи? Стра́шная мысль мелькну́ла въ умѣ моёмъ: я вообрази́лъ её въ рука́хъ у разбо́йниковъ.... Се́рдце моё сжа́лось.... Я го́рько, го́рько запла́калъ, и гро́мко произнёсъ и́мя моей любе́зной.... Въ э́ту мину́ту послы́шался лёгкій шумъ, и изъ-за шкапа́ яви́лась Пала́ша, блѣдная и трепе́щущая.

«Ахъ, Пётръ Андре́ичь!» сказа́ла она́, всплесну́въ рука́ми. «Како́й денёкъ! какія стра́сти!»...

— А Ма́рья Ива́новна? — спроси́лъ я нетерпѣли́во. Что́ Ма́рья Ива́новна?

«Ба́рышня жива́» отвѣча́ла Пала́ша. «Она́ спря́тана у Акули́ны Памфи́ловны.»

— У попадьи́! — вскрича́лъ я съ у́жасомъ. — Бо́же мой! да тамъ Пугачёвъ! —

Я бро́сился вонъ изъ ко́мнаты, ми́гомъ очути́лся на у́лицѣ и о́прометью побѣжа́лъ въ домъ свяще́нника, ничего́ не ви́дя и не чу́вствуя. Тамъ раздава́лись кри́ки, хо́хотъ и пѣсни.... Пугачёвъ пирова́лъ съ свои́ми това́рищами. Пала́ша прибѣжа́ла туда́ же за мно́ю. Я подосла́лъ её вы́звать тихо́нько Акули́ну Памфи́ловну. Черезъ

минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? — спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

«Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою» отвѣчала попадья. «Ну, Пётръ Андреичь, чуть-было не стряслась бѣда; да слава Богу, всё прошло благополучно: злодѣй только-что усѣлся обѣдать, какъ она моя бѣдняжка очнётся, да застонетъ! . . . Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ поясъ: племянница моя, Государь: захворала, лежитъ, вотъ ужъ другая недѣля. — «А молода твоя племянница?» — Молода, Государь. — «А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.» — У меня сердце такъ и йокнуло, да нечего было дѣлать. — Изволь, Государь; только дѣвка-то не сможетъ встать и притти къ твоей милости. — Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошёлъ окаянный за перегородку; какъ ты думаешь! вѣдь отдёрнулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего . . . Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. Къ счастію, она моя голубушка не узнала его. Господи Владыка, дождались мы праздника! Нечего сказать! бѣдный Иванъ Кузмичь! кто бы подумалъ! . . . А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичь? Его-то за что? . . . Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Иванычь? Вѣдь острилгся въ кружокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ-бы ножёмъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.» — Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья

расхлопоталась. «Ступайте-себѣ домой, Пётръ Андреичь» сказала она; «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идётъ. Бѣда, попадётесь подъ пьяную руку. Прощайте, Пётръ Андреичь. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!»

Попадья ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришёлъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога. «Слава Богу!» вскричалъ онъ, увидя меня. Я было-думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётръ Андреичь! вѣришь ли? всё у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣльё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

— Нѣтъ, не узналъ; а кто жъ онъ такой?

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ сходство Пугачёва съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачёвъ и онъ были одно и то же лицё, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю.»

Оста́вшись оди́нъ, я погрузи́лся въ размышле́нія. Что́ мнѣ бы́ло дѣлать? Остава́ться въ крѣпости, подвла́стной злодѣю, и́ли слѣдовать за его́ ша́йкою, бы́ло неприли́чно офицеру. Долгъ тре́бовалъ, чтобъ я яви́лся туда́, гдѣ слу́жба моя́ могла́ ещё быть поле́зна оте́честву въ настоя́щихъ затрудни́тельныхъ обстоя́тельствахъ... Но любо́вь си́льно совѣтовала мнѣ остава́ться при Ма́рьѣ Ива́новнѣ и быть ей защи́тникомъ и покрови́телемъ. Хотя́ я и предви́дѣлъ ско́рую и несомнѣнную перемѣну въ обстоя́тельствахъ, но всё же не могъ не трепета́ть, вообража́я опа́сность ея́ положе́нія.

Размышле́нія мои́ бы́ли пре́рваны прихо́домъ одного́ изъ козако́въ, кото́рый прибѣжа́лъ съ объявле́ніемъ, «что-де Вели́кій Госуда́рь тре́буетъ тебя́ къ себѣ.» — Гдѣ же онъ? — спроси́лъ я, гото́вясь повинова́ться.

«Въ коменда́нтскомъ» отвѣча́лъ коза́къ. «По́слѣ обѣда ба́тюшка нашъ отпра́вился въ ба́ню, а тепе́рь отдыха́етъ. Ну, ва́ше благоро́діе, по всему́ ви́дно, что персо́на зна́тная: за обѣдомъ ску́шать изво́лилъ двухъ жа́реныхъ порося́тъ, а па̀рится та́къ жа́рко, что и Тара́съ Ку́рочкинъ не вы́терпѣлъ, о́тдалъ вѣникъ Ѳо́мкѣ Бикба́еву, да наси́лу холо́дной водо́й откача́лся. Не́чего сказа́ть: всѣ пріёмы такіе ва́жные . . . А въ ба́нѣ, слы́шно, пока́зывалъ ца́рскіе свои́ зна́ки на грудя́хъ: на одно́й двугла́вый орёлъ, величино́ю съ пята́къ, а на друго́й персо́на его́»

Я не почёлъ ну́жнымъ оспа́ривать мнѣнія козака́, и съ нимъ вмѣстѣ отпра́вился въ коменда́нтскій домъ, зара́нѣ вообража́я себѣ свида́ніе съ Пугачёвымъ и стара́ясь предугада́ть, чѣмъ оно́ ко́нчится. Чита́тель легко́ мо́жетъ себѣ предста́вить, что я не́ былъ соверше́нно хладнокро́венъ.

Начина́ло смерка́ться, когда́ пришёлъ я къ коменда́нтскому до́му. Ви́сѣлица съ свои́ми же́ртвами стра́шно

чернѣлась. Тѣло бѣдной комендантши всё еще валялось подъ крыльцёмъ, у котораго два козака стояли накараулѣ. Козакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить, и, тотчасъ же воротившись, ввёлъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами, Пугачёвъ и человѣкъ десять козацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгорячённые виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачёвъ, увидя меня. «Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой козакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачёвъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая чёрную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шёлъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспаривалъ Пугачёва. И на семъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было итти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть-было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы»

сказáлъ Пугачёвъ «затя́немъ-ка на сонъ грядýщій мою́ люби́мую пѣсеньку. Чумакóвъ! начинáй!» Сосѣдъ мой затянýлъ тóнкимъ голоскóмъ зауны́вную бурлáцкую пѣсню, и всѣ подхвати́ли хóромъ:

Не шуми́, мáти зелёная дубрóвушка,
Не мѣшáй мнѣ дóброму мóлодцу дýму дýмати.
Что заýтра мнѣ дóброму мóлодцу въ допрóсъ итти́
Пéредъ грóзнаго судью́, самагó Царя́.
Ещё стáнетъ Государь-Царь меня́ спрáшивать:
Ты скажи́, скажи́, дѣти́нушка крестья́нскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровáлъ, съ кѣмъ разбóй держáлъ,
Ещё мнóго-ли съ тобóй бы́ло товáрищей?
Я скажý тебѣ, надёжа правослáвный Царь,
Всеё прáвду скажý тебѣ, всю и́стину,
Что товáрищей у меня́ бы́ло чéтверо:
Ещё пéрвой мой товáрищь тёмная ночь,
А вторóй мой товáрищь булáтный ножъ,
А какъ трéтій-то товáрищь, то мой дóбрый конь,
А четвёртой мой товáрищь, то тугóй лукъ;
Что разсы́льщкики мои́, то калены́ стрѣлы.
Что возгóворитъ надёжа правослáвный Царь:
Исполáть тебѣ, дѣти́нушка крестья́нскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровáть, умѣлъ отвѣтъ держáть!
Я за тó тебя́, дѣти́нушка, пожáлую
Среди́ пóля хорóмами высóкими,
Что двумя́ ли столбáми съ переклáдиной.

Невозмóжно разсказáть, какóе дѣйствіе произвелá на меня́ эта простонарóдная пѣсня про ви́сѣлицу, распѣвáемая людьми́, обречёнными ви́сѣлицѣ. Ихъ грóзныя ли́ца, стрóйные голосá, уны́лое выражéніе, котóрое придавáли они́ словáмъ, и безъ тогó вырази́тельнымъ — всё потрясáло меня́ каки́мъ-то піити́ческимъ ýжасомъ.

Гóсти вы́пили ещё по стакáну, встáли изъ-за столá и прости́лись съ Пугачёвымъ. Я хотѣлъ за ни́ми послѣ-

довать; но Пугачёвъ сказа́лъ мнѣ: «Сиди́; я хочу́ съ тобо́ю переговори́ть.» — Мы оста́лись глазъ-на́-глазъ.

Нѣсколько мину́тъ продолжа́лось обою́дное на́ше молча́ніе. Пугачёвъ смотрѣлъ на меня́ при́стально, и́зрѣдка прищу́ривая лѣвый глазъ съ удиви́тельнымъ выраже́ніемъ плутовства́ и насмѣшливости. Наконе́цъ онъ засмѣялся, и съ тако́ю непритво́рной весёлостію, что и я, гля́дя на него́, сталъ смѣяться, самъ не зна́я чему́.

«Что́, ва́ше благоро́діе?» сказа́лъ онъ мнѣ. «Стру́силъ ты, призна́йся, когда́ молодцы́ мои́ наки́нули тебѣ верёвку на шею? Я ча́ю, не́бо съ овчи́нку показа́лось.... А покача́лся бы на перекла́динѣ, е́сли бъ не твой слуга́. Я тотча́съ узна́лъ ста́раго хрыча́. Ну, ду́малъ ли ты, ва́ше благоро́діе, что человѣкъ, кото́рый вы́велъ тебя́ къ умёту, былъ самъ Вели́кій Госу́дарь? (Тутъ онъ взялъ на себя́ видъ ва́жный и таи́нственный.) Ты крѣпко предо мно́ю винова́тъ» продолжа́лъ онъ; «но я поми́ловалъ тебя́ за твою́ добродѣтель, за то, что ты оказа́лъ мнѣ услу́гу, когда́ принуждёнъ я былъ скрыва́ться отъ свои́хъ не́другов. То́ ли ещё увидишь! Та́къ ли ещё тебя́ пожа́лую, когда́ получу́ своё госуда́рство! Обѣща́ешься ли служи́ть мнѣ съ усе́рдіемъ?»

Вопро́съ моше́нника и его́ де́рзость показа́лись мнѣ та́къ заба́вны, что я не могъ не усмѣхну́ться.

«Чему́ ты усмѣха́ешься?» спроси́лъ онъ меня́, нахму́рясь. «И́ли ты не вѣришь, что я Вели́кій Госуда́рь? Отвѣча́й пря́мо.»

Я смути́лся. Призна́ть бродя́гу Госуда́ремъ былъ я не въ состоя́ніи: э́то каза́лось мнѣ малоду́шіемъ непрости́тельнымъ. Назва́ть его́ въ глаза́ обма́нщикомъ — бы́ло подве́ргнуть себя́ поги́бели; и то́, на что́ былъ я гото́въ подъ ви́сѣлицею въ глаза́хъ всего́ наро́да въ пе́рвомъ пылу́ негодова́нія, тепе́рь каза́лось мнѣ безполе́зной хвастли́востію. Я колеба́лся. Пугачёвъ мра́чно ждалъ

моего́ отвѣта. Наконе́цъ (и еще нынѣ съ самодово́льствіемъ помина́ю э́ту мину́ту) чу́вство до́лга восторжествова́ло во мнѣ надъ сла́бостію человѣческою. Я отвѣча́лъ Пугачёву: Слу́шай; скажу́ тебѣ всю пра́вду. Разсуди́, могу́ ли я призна́ть въ тебѣ Госуда́ря? Ты человѣкъ смышлёный: ты самъ уви́дѣлъ бы, что я лука́вствую.

«Кто́-же я тако́въ, по твоему́ разумѣнію?

— Бо́гъ тебя́ зна́етъ; но кто́ бы ты ни́ былъ, ты шу́тишь опа́сную шу́тку.

Пугачёвъ взгляну́лъ на меня́ бы́стро. «Такъ ты не вѣришь» сказа́лъ онъ, «чтобъ я былъ Госуда́рь Пётръ Ѳёдоровичь? Ну, добро́. А ра́звѣ нѣтъ уда́чи уда́лому? Ра́звѣ встарину́ Гри́шка Отре́пьевъ не ца́рствовалъ? Ду́май про меня́, что́ хо́чешь, а отъ меня́ не отстава́й. Како́е тебѣ дѣло до ина́го-про́чаго? Кто ни попъ, такъ ба́тька. Послужи́ мнѣ вѣрой и пра́вдою, и я тебя́ пожа́лую и въ фельдма́ршалы, и въ князья́. Ка́къ ты ду́маешь?»

— Нѣтъ, — отвѣча́лъ я съ твёрдостію. Я приро́дный дворяни́нъ; я присяга́лъ Госуда́рынѣ Императри́цѣ: тебѣ служи́ть не могу́. Коли́ ты въ са́момъ дѣлѣ жела́ешь мнѣ добра́, такъ отпусти́ меня́ въ Оренбу́ргъ.

Пугачёвъ заду́мался. «А коли́ отпущу́» сказа́лъ онъ, «такъ обѣща́ешься ли по кра́йней мѣрѣ про́тивъ меня́ не служи́ть?»

— Ка́къ могу́ тебѣ въ э́томъ обѣща́ться? — отвѣча́лъ я. Самъ зна́ешь, не моя́ во́ля: веля́тъ итти́ про́тивъ тебя́ — пойду́, дѣлать не́чего. Ты тепе́рь самъ нача́льникъ; самъ тре́буешь повинове́нія отъ свои́хъ. На что́ э́то бу́детъ похо́же, е́сли я отъ слу́жбы откажу́сь, когда́ слу́жба моя́ пона́добится.? Голова́ моя́ въ твое́й вла́сти; отпу́стишь меня́ — спаси́бо; казни́шь — Богъ тебѣ судья́; а я сказа́лъ тебѣ пра́вду.

Моя́ и́скренность поразила Пугачёва. «Та́къ и быть», сказа́лъ онъ, уда́ря меня́ по плечу́. «Казни́ть, такъ казни́ть, ми́ловать такъ ми́ловать. Ступа́й себѣ на всѣ четы́ре сто́роны и дѣлай, что хо́чешь. За́втра приходи́ со мно́ю прости́ться, а тепе́рь ступа́й-себѣ спать, и меня́ ужъ дрема́ клони́тъ.»

Я оста́вилъ Пугачёва и вы́шелъ на у́лицу. Ночь была́ ти́хая и моро́зная. Мѣсяцъ и звѣзды я́рко сія́ли, освѣща́я пло́щадь и ви́сѣлицу. Въ крѣпости всё бы́ло споко́йно и темно́. То́лько въ кабакѣ свѣти́лся ого́нь и раздава́лись кри́ки запозда́лыхъ гуля́къ. Я взгляну́лъ на домъ свяще́нника, — ста́вни и воро́та бы́ли за́перты. Каза́лось, всё въ нёмъ бы́ло ти́хо.

Я пришёлъ къ себѣ на кварти́ру, и нашёлъ Саве́льича, горю́ющаго по моёмъ отсу́тствіи. Вѣсть о свобо́дѣ моéй обра́довала его́ несказа́нно. «Сла́ва тебѣ, Влады́ко!» сказа́лъ онъ перекрести́вшись. «Чѣмъ свѣтъ оста́вимъ крѣпость и пойдёмъ куда́ глаза́ глядя́тъ. Я тебѣ ко́е-что загото́вилъ; поку́шай-ка, ба́тюшка, да и почива́й себѣ до утра́, какъ у Христа́ за па́зушкой.

Я послѣдовалъ его́ совѣту, и поу́жинавъ съ больши́мъ аппети́томъ, засну́лъ на го́ломъ полу́, утомлённый душе́вно и физи́чески.

Мятéжная слобода́.

Начина́ло смерка́ться. Путь мой шёлъ ми́мо Бе́рдской слободы́, приста́нища Пугачёвскаго *). Пряма́я доро́га занесена́ была́ снѣгомъ; но по всей степи́ ви́дны бы́ли ко́нскіе слѣды́, ежедне́вно обновля́емые. Я ѣхалъ кру́пной ры́сью. Саве́льичь едва́ могъ слѣдовать за мно́ю изда́ли, и крича́лъ мнѣ помину́тно: «Поти́ше, су́дарь, ра́ди

*) Близъ Оренбу́рга.

Бо́га, поти́ше! Прокля́тая кляче́нка моя́ не успѣва́етъ за твои́мъ долгоно́гимъ бѣсомъ. Куда́ спѣши́шь? Добро́ бы на пиръ, а то́ подъ обу́хъ, того́ и гляди́ . . . Пётръ Андре́ичъ . . . . ба́тюшка Пётръ Андре́ичъ! . . . Го́споди Влады́ка, пропадётъ ба́рское дитя́.»

Вско́рѣ засверка́ли Бе́рдскіе огни́. Мы подъѣхали къ овра́гамъ, есте́ственнымъ укрѣпле́ніямъ слободы́. Са-ве́льичъ отъ меня́ не отстава́лъ, не прерыва́я жа́лобныхъ свои́хъ моле́ній. Я надѣялся объѣхать слободу́ благопо-лу́чно, какъ вдругъ увидѣлъ въ су́мракѣ пря́мо пе́редъ собо́й человѣкъ пять мужико́въ, вооружённыхъ дуби́нами: э́то былъ передово́й карау́лъ Пугачёвскаго приста́нища. Насъ окли́кали. Не зна́я паро́ля, я хотѣлъ мо́лча про-ѣхать ми́мо ихъ; но они́ меня́ то́тчасъ окружи́ли, и оди́нъ изъ нихъ схвати́лъ ло́шадь мою́ за узду́. Я вы́хватилъ са́блю и уда́рилъ мужика́ по головѣ; ша́пка спасла́ его́, одна́ко онъ зашата́лся и вы́пустилъ изъ рукъ узду́. Про́-чіе смути́лись и отбѣжа́ли; я воспо́льзовался э́той мину́-тою, пришпо́рилъ ло́шадь и поскака́лъ.

Темнота́ приближа́ющейся но́чи могла́ избა́вить меня́ отъ вся́кой опа́сности, какъ вдругъ, огляну́вшись, уви-дѣлъ я, что Саве́льича со мно́ю не́ было. Бѣдный ста-ри́къ на свое́й хромо́й ло́шади не могъ ускака́ть отъ раз-бо́йниковъ. Что́ было дѣлать? Подожда́въ его́ нѣсколько мину́тъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ заде́ржанъ, я повороти́лъ ло́шадь и отпра́вился его́ выруча́ть.

Подъѣзжа́я къ овра́гу, услы́шалъ я и́здали шумъ, кри́ки и го́лосъ моего́ Саве́льича. Я поѣхалъ скоре́е, и вско́рѣ очути́лся сно́ва ме́жду карау́льными мужика́ми, останови́вшими меня́ нѣсколько мину́тъ тому́ наза́дъ. Са-ве́льичъ находи́лся ме́жду ни́ми. Они́ стащи́ли старика́ съ его́ кля́чи, и гото́вились вяза́ть. Прибы́тіе моё ихъ обра́довало. Они́ съ кри́комъ бро́сились на меня́ и ми-

гомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ насъ поведётъ къ Государю. «А нашъ батюшка» прибавилъ онъ, «воленъ приказать: сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту божія.» Я не противился; Савельичь послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу; но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ Оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрёстка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. «Вотъ и дворецъ» сказалъ одинъ изъ мужиковъ: «сейчасъ объ васъ доложимъ.» Онъ вошёлъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича; старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго, наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай; нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.»

Я вошёлъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли её мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на верёвочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу, и широкій шестокъ, уставленный горшками — всё было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачёвъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ, и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его товарищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачёвъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ

исчёзла. «А, ваше благородіе!» сказа́лъ онъ мнѣ съ живостію. «Ка́къ пожива́ешь? Зачѣмъ тебя́ Богъ принёсъ?» Я отвѣча́лъ, что ѣхалъ по своему́ дѣлу, и что люди его́ меня́ остановили. «А по како́му дѣлу?» спроси́лъ онъ меня́. Я не зналъ, что́ отвѣча́ть. Пугачёвъ, полагая, что я не хочу́ объясни́ться при свидѣтеляхъ, обрати́лся къ свои́мъ това́рищамъ и велѣлъ имъ вы́йти. Всѣ послу́шались, кро́мѣ двухъ, кото́рые не тро́нулись съ мѣста. «Говори́ смѣло при нихъ» сказа́лъ мнѣ Пугачёвъ: «отъ нихъ я ничего́ не таю́.» Я взгляну́лъ наиско́сь на напе́рсниковъ самозва́нца. Оди́нъ изъ нихъ, щаду́шный и сго́рбленный старичёкъ съ сѣдо́ю боро́дкою, не имѣлъ въ себѣ ничего́ замѣча́тельнаго, кро́мѣ голубо́й ле́нты, надѣтой черезъ плечо́ по сѣрому армяку́. Но вѣкъ не забу́ду его́ това́рища. Онъ былъ высо́каго ро́сту, доро́девъ и широкоплечь, и показа́лся мнѣ лѣтъ сорока́ пяти. Густа́я рыжая борода́, сѣрые сверка́ющіе глаза́, носъ безъ ноздре́й, и краснова́тыя пя́тна на лбу и на щека́хъ, придава́ли его́ рябо́му, широ́кому лицу́ выраже́ніе неизъяснимое. Онъ былъ въ кра́сной руба́хѣ, въ Кирги́зскомъ хала́тѣ и въ коза́цкихъ шарова́рахъ. Пе́рвый (какъ узна́лъ я по́слѣ) былъ бѣглый капра́лъ Бѣлоборо́довъ; второ́й Аѳана́сій Соколо́въ (про́званный Хлопу́шей), ссыльный престу́пникъ, три раза́ бѣжа́вшій изъ Сиби́рскихъ ру́дниковъ. Не смотря́ на чу́вства, исключительно меня́ волнова́вшія, о́бщество, въ кото́ромъ я такъ неча́янно очути́лся, си́льно развлека́ло моё воображе́ніе. Но Пугачёвъ привёлъ меня́ въ себя́ свои́мъ вопро́сомъ: «Говори́: по како́му же дѣлу вы́ѣхалъ ты изъ Оренбу́рга?»

Стра́нная мысль пришла́ мнѣ въ го́лову: мнѣ показа́лось, что Провидѣніе, втори́чно приве́дшее меня́ къ Пугачёву, подава́ло мнѣ слу́чай привести́ въ дѣйство моё намѣреніе. Я рѣши́лся имъ воспо́льзоваться, и не успѣвъ обду́мать то́, на что́ рѣша́лся, отвѣча́лъ на вопро́съ Пугачёва:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогóрскую крѣпость избáвить сироту́, котóрую тамъ обижáютъ.

Глазá у Пугачёва засверкáли. «Ктó изъ моúхъ людéй смѣетъ обижáть сироту́?» закричáлъ онъ. «Будь онъ семú пя́денъ во лбу́, а отъ судá моегó не уйдётъ. Говорú: кто виновáтый?»

— Швабрúнъ виновáтый — отвѣчáлъ я. Онъ дéржитъ въ невóлѣ ту дѣвушку, котóрую ты вúдѣлъ, больну́ю, у попадьú, и насúльно хóчетъ на ней женúться.

«Я проучу́ Швабринá!» сказáлъ грóзно Пугачёвъ. «Онъ узнáетъ, каковó у менá своевóльничать и обижáть нарóдъ. Я егó повѣшу.»

«Прикажú слóво мóлвить» сказáлъ Хлопу́ша хрúплымъ гóлосомъ. «Ты поторопúлся назнáчить Швабринá въ комендáнты крѣпости, а тепéрь торóпишься егó вѣшать. Ты ужъ оскорбúлъ козакóвъ, посадúвъ дворянúна имъ въ начáльники; не пугáй же дворя́нъ, казня́ ихъ по пéрвому наговóру.»

«Нéчего ихъ ни жалѣть, ни жáловать!» сказáлъ старичёкъ въ голубóй лéнтѣ. «Швабринá сказнúть не бѣдá; а не ху́до и господúна офицéра допросúть поря́дкомъ: зачѣмъ изволúлъ пожáловать. Éсли онъ тебя́ Госудáремъ не признаётъ, такъ нéчего у тебя́ и упрáвы искáть; а колú признаётъ, чтó же онъ до севóднешняго дня сидѣлъ въ Оренбу́ргѣ съ твоúми супостáтами? Не прикáжешь ли свестú его въ прикáзную, да запалúть тамъ огоньку́: мнѣ сдаётся, что егó мúлость пóдосланъ къ намъ отъ Оренбу́ргскихъ командúровъ.

Лóгика стáраго злодѣя показáлась мнѣ довóльно убѣдúтельною. Морóзъ пробѣжáлъ по всему́ моему́ тѣлу, при мысли въ чьихъ рукáхъ я находúлся. Пугачёвъ замѣтилъ моё смущéніе. «Ась, вáше благорóдіе?» ска-

за́лъ онъ мнѣ подмигивая. «Фельдма́ршалъ мой, ка́жется, говори́тъ дѣло. Ка́къ ты ду́маешь?»

Насмѣшка Пугачёва возврати́ла мнѣ бо́дрость. Я споко́йно отвѣча́лъ, что я нахожу́сь въ его́ вла́сти и что онъ во́ленъ поступа́ть со мно́ю, ка́къ ему́ бу́детъ уго́дно.

«Добро́» сказа́лъ Пугачёвъ. «Тепе́рь скажи́, въ како́мъ состоя́нiи вашъ го́родъ.

— Сла́ва Бо́гу — отвѣча́лъ я; всё благополу́чно.

«Благополу́чно?» повтори́лъ Пугачёвъ. «А наро́дъ мрётъ съ го́лоду!»

Самозва́нецъ говори́лъ пра́вду; но я, по до́лгу прися́ги, сталъ увѣря́ть, что всё э́то пусты́е слу́хи, и что въ Оренбу́ргѣ дово́льно вся́кихъ запа́совъ.

«Ты ви́дишь» подхвати́лъ старичёкъ, «что онъ тебя́ въ глаза́ обма́нываетъ. Всѣ бѣглецы́ согла́сно пока́зываютъ, что въ Оренбу́ргѣ го́лодъ и моръ, что тамъ ѣдя́тъ мертвечи́ну, и то́ за честь; а его́ ми́лость увѣря́етъ, что всего́ вдо́воль. Коли́ ты Швабрина́ хо́чешь повѣсить, то ужь на той ви́сѣлицѣ повѣсь и э́того молодца́, чтобъ нико́му не́ было зави́дно.»

Слова́ прокля́таго старика́, каза́лось, поколеба́ли Пугачёва. Къ сча́стiю, Хлопу́ша сталъ противорѣчить своему́ това́рищу. «По́лно, Нау́мычь,» сказа́лъ онъ ему́. «Тебѣ бы всё души́ть да рѣзать. Что́ ты за богаты́рь? Поглядѣть, такъ въ чёмъ душа́ де́ржится. Самъ въ моги́лу смо́тришь, а други́хъ гу́бишь. Ра́звѣ ма́ло кро́ви па твоей со́вѣсти?»

— Да ты́ что́ за уго́дникъ? — возрази́лъ Бѣлоборо́довъ. У тебя́-то отку́да жа́лость взяла́сь?

«Коне́чно,» отвѣча́лъ Хлопу́ша, «и я грѣшенъ, и э́та рука́ (тутъ онъ сжалъ свой костли́вый кула́къ и, засуча́ рукава́, откры́лъ косма́тую ру́ку), и э́та рука́ пови́нна

въ пролитой Христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ тёмномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенёмъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.»

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: «рваныя ноздри!» . . . .

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычь? — закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рваныя ноздри; погоди, придётъ и твоё время; Богъ дастъ, и ты щипцёвъ понюхаешь . . . . . А покамѣсть смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

«Господа енаралы!» — провозгласилъ важно Пугачёвъ; «полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бъ и всѣ Оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритесь.»

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачёву, сказалъ ему съ весёлымъ видомъ: Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замёрзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачёвъ развеселился. «Долгъ платежёмъ красенъ,» сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. «Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невѣста моя — отвѣчалъ я Пугачёву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

«Твоя невѣста!» закричалъ Пугачёвъ. «Что жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ, и на свадьбѣ

твоéй помирýемъ! «Потóмъ обращáясь къ Бѣлобородову: «Слýшай, фельдмáршалъ! Мы съ егó благорóдіемъ стáрые пріятели; сядемъ-ка да поýжинаемъ; ýтро вéчера мудренѣе. Зáвтра посмóтримъ, чтó съ нимъ сдѣлаемъ.»

Я радъ былъ отказáться отъ предлагáемой чéсти; но дѣлать бы́ло нéчего. Двѣ молоды́я козáчки, дóчери хозяина избы́, накры́ли столъ бѣлой скáтертью, принеслѝ хлѣба, ухѝ и нѣсколько штóфовъ съ винóмъ и пѝвомъ, и я вторѝчно очутѝлся за однóю трапéзою съ Пугачёвымъ и съ егó стрáшными товáрищами.

Óргія, кóей я былъ невóльнымъ свидѣтелемъ, продолжáлась до глубóкой нóчи. Наконéцъ хмѣль нáчалъ одолѣвáть собесѣдниковъ. Пугачёвъ задремáлъ, сѝдя на своёмъ мѣстѣ, товáрищи егó встáли и дáли мнѣ знакъ остáвить егó; я вышелъ вмѣстѣ съ нѝми. По распоряжéнію Хлопýши, караýльный отвёлъ менѝ въ прикáзную избý, гдѣ я нашёлъ и Савéльича, и гдѣ меня остáвили съ нимъ взапертѝ. Дя́дька былъ въ такóмъ изумлéніи при вѝдѣ всегó, чтó происходѝло, что не сдѣлалъ мнѣ никакóго вопрóса. Онъ улёгся въ темнотѣ, и дóлго вздыхáлъ и óхалъ; наконéцъ захрапѣлъ, а я предáлся размышлéніямъ, котóрыя во всю ночь ни на однý минýту нé дали мнѣ задремáть.

Поутрý пришлѝ менѝ звать отъ ѝмени Пугачёва. Я пошёлъ къ немý. У ворóтъ егó стоя́ла кибѝтка, запряженная трóйкою Татáрскихъ лошадéй. Нарóдъ толпѝлся на ýлицѣ. Въ сѣня́хъ встрѣтилъ я Пугачёва: онъ былъ одѣтъ подорóжному, въ шýбѣ и въ Киргѝзской шáпкѣ. Вчерáшніе собесѣдники окружáли егó, приня́въ на себя́ видъ подобострáстія, котóрый сѝльно противорѣчилъ всемý, чемý я былъ свидѣтелемъ наканýнѣ. Пугачёвъ вéсело со мнóю поздорóвался и велѣлъ мнѣ садѝться съ нимъ въ кибѝтку.

Мы усѣлись. «Въ Бѣлогорскую крѣпость! сказалъ Пугачёвъ широкоплечему Татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла . . .

«Стой! стой!» раздался голосъ слишкомъ мнѣ знакомый — и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ навстрѣчу. Пугачёвъ велѣлъ остановиться. «Батюшка Пётръ Андреичь!» кричалъ дядька. «Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен» . . . . — А, старый хрычь! сказалъ ему Пугачёвъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучёкъ.

«Спасибо, Государь, спасибо, отецъ родной!» говорилъ Савельичь усаживаясь. «Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрилъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужъ не стану.»

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачёва. Къ счастію, самозванецъ или не разслышалъ или пренебрёгъ неумѣстнымъ намёкомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ-поясъ. Пугачёвъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ той, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія . . . . Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызывался быть избавителемъ моей любезной! Пугачёвъ не зналъ, что

она́ была́ дочь капита́на Миро́нова; озло́бленный Шваб-ри́нъ могъ откры́ть ему́ всё; Пугачёвъ могъ провѣдать и́стину и други́мъ о́бразомъ . . . . Тогда́ что́ ста́нется съ Ма́рьей Ива́новной? Хо́лодъ пробѣга́лъ по моему́ тѣлу и волоса́ станови́лись ды́бомъ . . . .

Вдругъ Пугачёвъ прерва́лъ мои́ размышле́нія, обра-тя́сь ко мнѣ съ вопро́сомъ:

«О чёмъ, ва́ше благоро́діе, изво́лилъ заду́маться?»

— Ка́къ не заду́маться, — отвѣча́лъ я ему́. Я офи-це́ръ и дворяни́нъ; вчера́ еще дра́лся про́тиву тебя́, а сего́дня ѣ́ду съ тобо́й въ одно́й киби́ткѣ, и сча́стіе всей мое́й жи́зни зави́ситъ отъ тебя́.

«Что жъ?» спроси́лъ Пугачёвъ «Стра́шно тебѣ?»

Я отвѣча́лъ, что, бывъ одна́жды уже́ имъ поми́ло-ванъ, я надѣ́ялся не то́лько на его́ пощáду, но да́же и на по́мощь.

«И ты правъ, ей Бо́гу правъ!» сказа́лъ самозва́нецъ. «Ты ви́дѣлъ, что мои́ ребя́та смотрѣли на тебя́ ко́со; а стари́къ и сего́дня наста́ивалъ на томъ, что ты шпіо́нъ, и что на́добно тебя́ пыта́ть и повѣ́сить; но я не согла-си́лся» приба́вилъ онъ, пони́зивъ го́лосъ, чтобъ Саве́ль-ичь и Тата́ринъ не могли́ его́ услы́шать — «по́мня твой стака́нъ вина́ и за́ячій тулу́пъ. Ты ви́дишь, что я не тако́й еще́ кровопі́йца, какъ говори́тъ обо мнѣ ва́ша бра́тья.»

Я вспо́мнилъ взя́тіе Бѣлого́рской крѣпости; но не по-чёлъ ну́жнымъ его́ оспа́ривать, и не отвѣча́лъ ни сло́ва.

«Что́ говоря́тъ обо мнѣ въ Оренбу́ргѣ?» спроси́лъ Пугачёвъ, помолча́въ немно́го.

— Да говоря́тъ, что съ тобо́ю сла́дить трудновáто; не́чего сказа́ть: далъ ты себя́ знать.

Лицё самозва́нца изобрази́ло дово́льное самолю́біе. «Да!» сказа́лъ онъ съ весёлымъ ви́домъ. «Я воюю хоть

куда́. Зна́ютъ ли у васъ въ Оренбу́ргѣ о сраже́нiи подъ Юзе́евой? Со́рокъ енара́ловъ уби́то, четы́ре а́рмiи взя́то въ поло́нъ. Ка́къ ты ду́маешь: Пру́сскiй коро́ль могъ ли бы со мно́ю потяга́ться?»

Хвастли́вость разбо́йника показа́лась мнѣ заба́вна. Самъ ка́къ ты ду́маешь, сказа́лъ я ему́, упра́вился ли бы ты съ Фриде́рикомъ?

«Съ Ѳёдоромъ Ѳёдоровичемъ? А ка́къ же нѣтъ? Съ ва́шими енара́лами вѣдь я же управля́юсь; а они́ его́ бива́ли. Досе́лѣ ору́жiе моё бы́ло сча́стливо. Дай срокъ, то́ ли ещё бу́детъ, какъ пойду́ на Москву́.»

— А ты полага́ешь итти́ на Москву́?

Самозва́нецъ нѣсколько заду́мался, и сказа́лъ вполго́лоса: «Богъ вѣсть. У́лица моя́ тѣсна́; во́ли мнѣ ма́ло. Ребя́та мои́ у́мничаютъ. Они́ во́ры. Мнѣ должно́ держа́ть у́хо востро́: при пе́рвой неуда́чѣ они́ свою́ ше́ю вы́купятъ мое́ю голово́ю.»

— То́-то! — сказа́лъ я Пугачёву. Не лу́чше ли тебѣ́ отста́ть отъ нихъ самому́, заблаговре́менно, да прибѣ́гнуть къ Госуда́рынѣ?

Пугачёвъ го́рько усмѣхну́лся. «Нѣтъ» отвѣча́лъ онъ; «по́здно мнѣ ка́яться. Для меня́ не бу́детъ поми́лованiя. Бу́ду продолжа́ть какъ на́чалъ. Ка́къ знать? Аво́сь и уда́стся! Гри́шка Отре́пьевъ вѣдь поца́рствовалъ же надъ Москво́ю.»

— А зна́ешь ты, чѣмъ онъ ко́нчилъ? Его́ вы́бросили изъ окна́, зарѣ́зали, сожгли́, заряди́ли его́ пе́пломъ пу́шку и выпалили!

«Слу́шай» — сказа́лъ Пугачёвъ съ каки́мъ то ди́кимъ вдохнове́нiемъ. «Разскажу́ тебѣ́ ска́зку, кото́рую въ ребя́чествѣ мнѣ разска́зывала ста́рая Калмы́чка. Одна́жды орёлъ спра́шивалъ у во́рона: скажи́, во́ронъ-пти́ца, отъ

чего́ живёшь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три го́да? — Отъ того́ ба́тюшка, отвѣча́лъ ему́ воронъ, что ты пьёшь живу́ю кровь, а я пита́юсь мертвечи́ной. Орёлъ поду́малъ: дава́й попро́буемъ и мы пита́ться тѣмъ же. Хорошо́. Полетѣли орёлъ да во́ронъ. Вотъ зави́дѣли па́лую ло́шадь; спусти́лись и сѣли. Во́ронъ сталъ клева́ть, да похва́ливать. Орёлъ клю́нулъ разъ, клю́нулъ друго́й, махну́лъ крыло́мъ и сказа́лъ во́рону: нѣтъ, братъ-во́ронъ; чѣмъ триста лѣтъ пита́ться па́далью, лу́чше разъ напита́ться живо́й кро́вью, а тамъ что Богъ дастъ! — Какова́ Калмы́цкая ска́зка?»

— Затѣйлива — отвѣча́лъ я ему́. Но жить убі́йствомъ и разбо́емъ зна́читъ по мнѣ клева́ть мертвечи́ну.

Пугачёвъ посмотрѣлъ на меня́ съ удивле́ніемъ и ничего́ не отвѣча́лъ. О́ба мы замолча́ли, погрузя́сь ка́ждый въ свои размышле́нія. Тата́ринъ затяну́лъ уны́лую пѣсню; Саве́льичъ, дремля́, кача́лся на облучкѣ. Киби́тка летѣла по гла́дкому зи́мнему пути́ . . . . Вдругъ уви́дѣлъ я дереву́шку на круто́мъ берегу́ Яика, съ частоко́ломъ и съ колоко́льней — и че́резъ че́тверть часа́ въѣхали мы въ Бѣлого́рскую крѣпость.

Отры́вки изъ исто́ріи Пугачёвскаго бу́нта.

Яикъ, по ука́зу Екатери́ны II переименова́нный въ Ура́лъ, выхо́дитъ изъ горъ, да́вшихъ ему́ нынѣшнее его́ назва́ніе; течётъ къ ю́гу вдоль ихъ цѣпи, до того́ мѣста, гдѣ нѣкогда поло́жено бы́ло основа́ніе Оренбу́ргу и гдѣ тепе́рь нахо́дится О́рская крѣпость; тутъ, раздѣли́въ камени́стый хребе́тъ ихъ, повора́чиваетъ на за́падъ, и протёкши бо́лѣе двухъ ты́сячъ пяти́ сотъ вёрстъ впада́етъ въ Каспі́йское мо́ре. Онъ ороша́етъ часть Башкі́ріи, соста-

вляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племёнъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Киргизъ-Кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышёмъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ пятнадцатомъ столѣтіи, явились Донскіе Козаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время ещё покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени, и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь всё вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Число ихъ часъ отъ часу умножалось. Они продолжали разъѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ Донскими Козаками, вмѣстѣ нападали на торговыя суда, и грабили приморскія селенія. . . .

Преданіе, согласное съ Татарскимъ лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени (къ XVII столѣтію) походы двухъ Яицкихъ атамановъ, Нечая и Шамая. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, козаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія; но зажился въ нёмъ, и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обременённые добычею, козаки были настигнуты возвратившимся ханомъ, и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и

истреблены. Не бо́лѣе трёхъ возвратилось на Яикъ, съ объявле́ніемъ о поги́бели хра́браго Неча́я. Нѣсколько лѣтъ по́слѣ, друго́й атама́нъ, по прозва́нію Шама́й, пусти́лся по его́ слѣда́мъ. Но онъ попа́лся въ плѣнъ степны́мъ Калмыка́мъ, а козаки́ его́ отпра́вились да́лѣе, сби́лись съ доро́ги, на Хиву не попа́ли, и пришли́ къ Ара́льскому мо́рю, на кото́ромъ принуждены́ бы́ли зимова́ть. Ихъ постигнулъ го́лодъ. Несча́стные бродя́ги убива́ли и ѣли другъ дру́га. Больша́я часть поги́бла. Остальны́е посла́ли наконе́цъ отъ себя́ къ Хиви́нскому Ха́ну проси́ть, чтобъ онъ ихъ при́нялъ и спасъ отъ голо́дной сме́рти. Хиви́нцы пріѣхали за ни́ми, за́брали всѣхъ и отвели́ раба́ми въ свой го́родъ. Тамъ они́ и пропа́ли. Шама́й же, нѣсколько лѣтъ по́слѣ, привезёнъ былъ Калмыка́ми въ Яицкое во́йско, вѣроя́тно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у козако́въ охо́та къ да́льнимъ похо́дамъ охладѣла. Они́ ма́ло по ма́лу привы́кли къ жи́зни семе́йной и гражда́нственной. . . .

Въ смутное вре́мя, по́слѣ мятежа́ 1771 го́да, по коза́цкимъ двора́мъ шата́лся неизвѣстный бродя́га, нанима́ясь въ рабо́тники то къ одному́ хозя́ину, то къ другому, и принима́ясь за вся́кія ремесла́. Онъ былъ свидѣтелемъ усмире́нія мятежа́ и ка́зни зачи́нщиковъ, уходи́лъ на вре́мя въ Ирги́зскіе скиты; отту́да, въ концѣ 1772 го́да, по́сланъ былъ для заку́пки ры́бы въ Яицкой городо́къ, гдѣ и стоя́лъ у козака́ Дени́са Пья́нова. Онъ отлича́лся де́рзостію свои́хъ рѣче́й, поноси́лъ нача́льство и подгова́ривалъ козако́въ бѣжа́ть въ о́бласти Туре́цкаго Султа́на; онъ увѣря́лъ, что и Донскіе Козаки́ не заме́длятъ за ни́ми послѣдовать, что у него́ на грани́цѣ загото́влено двѣсти ты́сячъ рубле́й и това́ру на се́мьдесятъ ты́сячъ, и что како́й-то паша́, то́тчасъ по прихо́дѣ козако́въ, до́лженъ имъ вы́дать до пяти́ милліо́новъ; пока́мѣстъ обѣща́лъ онъ ка́ждому по двѣна́дцати рубле́й въ

мѣсяцъ жа́лованья. Сверхъ того́ ска́зывалъ онъ, бу́дто бы про́тивъ Я́ицкихъ **Козако́въ** изъ Москвы́ иду́тъ два полка́ и что о́коло Рождества́, и́ли Креще́нія, непремѣнно бу́детъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послу́шныхъ хотѣли его́ пойма́ть и предста́вить, какъ возмути́теля, въ Коменда́нтскую Канцеля́рію; но онъ скры́лся вмѣстѣ съ Дени́сомъ Пья́новымъ, и былъ по́йманъ уже́ въ селѣ Малыко́вкѣ (что нынѣ Волгскъ) по указа́нію крестья́нина, ѣхавшаго съ нимъ одно́ю доро́гой. Сей бродя́га былъ Емелья́нъ Пугачёвъ, Донско́й Коза́къ и раско́льникъ, прише́дшій съ ло́жнымъ ви́домъ изъ-за По́льской грани́цы, съ намѣреніемъ посели́ться на рѣкѣ Ирги́зѣ, среди́ та́мошнихъ раско́льниковъ. Онъ былъ ото́сланъ подъ стра́жею въ Симби́рскъ, а отту́да въ Каза́нь; и какъ всё, относя́щееся къ дѣла́мъ Я́ицкаго во́йска, по тогда́шнимъ обстоя́тельствамъ могло́ каза́ться ва́жнымъ, то Оренбу́ргскій Губерна́торъ и почёлъ за ну́жное увѣдомить о томъ Госуда́рственную Вое́нную Колле́гію, донесе́ніемъ отъ Января́ 1775 го́да.

Я́ицкіе бунтовщики́ бы́ли тогда́ не рѣдки, и Каза́нское нача́льство не обрати́ло большаго внима́нія на при́сланнаго престу́пника. Пугачёвъ содержа́лся въ тюрьмѣ не стро́же про́чихъ нево́льниковъ. Ме́жду тѣмъ сообщники его́ не дрема́ли. Одна́жды онъ, подъ стра́жею двухъ гарнизо́нныхъ солда́тъ, ходи́лъ по́ городу, для собира́нія ми́лостыни. У Замо́чной Рѣшётки (та́къ называ́лась одна́ изъ гла́вныхъ Каза́нскихъ у́лицъ) стоя́ла гото́вая тро́йка. Пугачёвъ, подоше́дъ къ ней, вдругъ оттолкну́лъ одного́ изъ солда́тъ, его́ сопровожда́вшихъ; друго́й помо́гъ коло́днику сѣсть въ киби́тку, и вмѣстѣ съ нимъ ускака́лъ изъ го́рода. Э́то случи́лось 19 Іюня 1775 го́да.[3] Три дня по́слѣ, въ Каза́ни полу́чено бы́ло утверждённое въ Петербу́ргѣ рѣше́ніе суда́, по ко́ему Пугачёвъ приговорёнъ

къ наказáнію плетьмú и къ ссы́лкѣ въ Пелы́мъ, на кáторжную рабóту.

Пугачёвъ явúлся на хуторáхъ отставнáго козакá Данúлы Шелудькóва, у котóраго жилъ онъ прéжде въ рабóтникахъ. Тамъ производúлись тогдá совѣщáнія злоумы́шленниковъ.

Положúли быть нóвому мятежу́. Самозвáнство показáлось имъ надёжною пружúною. Для сегó ну́женъ былъ тóлько пришлéцъ дéрзкій и рѣшительный, ещё не извѣстный нарóду. Вы́боръ ихъ палъ на Пугачёва. Имъ не тру́дно бы́ло егó уговорúть. Онú немéдленно нáчали собирáть себѣ сообщниковъ.

Пóйманный Пугачёвъ.

Пугачёвъ хотѣлъ иттú къ Каспійскому мóрю, надѣясь какъ нибу́дь пробрáться въ Киргúзъ-Кайсáцкія стéпи. Козакú на то притвóрно согласúлись; но сказáвъ, что хотя́тъ взять съ собóю жёнъ и дѣтéй, повезлú егó на Узéни, обыкновéнное убѣжище тáмошнихъ престу́пниковъ и бѣглецóвъ. 14 Сентября́, онú прúбыли въ селéнія тáмошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошлó послѣднее совѣщáніе. Козакú, не согласúвшіеся отдáться въ ру́ки Правúтельства, разсѣялись. Прóчіе пошлú къ стáвкѣ Пугачёва.

Пугачёвъ сидѣлъ одúнъ въ заду́мчивости. Ору́жіе егó висѣло въ сторонѣ. Услы́ша вошéдшихъ козакóвъ, онъ пóднялъ гóлову и спросилъ, чегó имъ нáдобно? Онú стáли говорúть о своёмъ отчáянномъ положéніи, и мéжду тѣмъ, тúхо подвигáясь, старáлись загородúть егó отъ висѣвшаго ору́жія. Пугачёвъ нáчалъ опя́ть ихъ уговáривать иттú къ Гу́рьеву городку́. Козакú отвѣчáли, что онú дóлго ѣздили за нимъ и что ужé ему́ порá ѣхать за нúми. Чтó же? сказáлъ Пугачёвъ, вы хотúте измѣнúть своему́ Государю? — Чтó дѣлать! отвѣчáли козакú, и вдругъ на негó кúнулись. Пугачёвъ успѣлъ отъ нихъ отбúться. Онú отсту-

пи́ли на нѣсколько шаго́въ. *Я давно́ ви́дѣлъ ва́шу измѣну,* сказа́лъ Пугачёвъ, и подозва́въ своего́ люби́мца, И́лецкаго коза́ка Творого́ва, протяну́лъ ему́ свои́ ру́ки и сказа́лъ: *вяжи́!* Творого́въ хотѣ́лъ ему́ скрути́ть ло́кти наза́дъ. Пугачёвъ не да́лся. *Ра́звѣ я разбо́йникъ?* говори́лъ онъ гнѣвно. Козаки́ посади́ли его́ верхо́мъ, и повезли́ къ Я́ицкому городку́. Во всю доро́гу Пуга́чёвъ имъ угрожа́лъ ме́стью Вели́каго Кня́зя. Одна́жды нашёлъ онъ спо́собъ вы́свободить ру́ки, вы́хватилъ са́блю и пистоле́тъ, ра́нилъ вы́стрѣломъ одного́ изъ козако́въ, и закрича́лъ, чтобъ вяза́ли измѣнниковъ. Но никто́ уже́ не слу́шалъ его́. Козаки́, подъѣхавъ къ Я́ицкому городку́, посла́ли увѣдомить о томъ Команда́нта. Коза́къ Харчёвъ и серже́антъ Бардо́вскій вы́сланы бы́ли къ нимъ навстрѣчу, при́няли Пугачёва, посади́ли его́ въ коло́дку и привезли́ въ го́родъ, пря́мо къ Гва́рдіи Капита́нъ-Пору́чику Ма́врину, Члѣну Слѣдственной Комми́ссіи.

Ма́вринъ допроси́лъ самозва́нца. Пугачёвъ съ пе́рваго сло́ва откры́лся ему́. *Бо́гу бы́ло уго́дно,* сказа́лъ онъ, *наказа́ть Россі́ю чрезъ моё окая́нство.* — Ве́лѣно бы́ло жи́телямъ собра́ться на городску́ю пло́щадь; туда́ приведены́ бы́ли и бунтовщики́, содержа́щіеся въ око́вахъ. Ма́вринъ вы́велъ Пугачёва, и показа́лъ его́ наро́ду. Всѣ узна́ли его́; бунтовщики́ поту́пили го́лову. Пугачёвъ гро́мко сталъ ихъ улича́ть, и сказа́лъ: *вы погуби́ли меня́; вы нѣсколько дней сря́ду меня́ упра́шивали приня́ть на себя́ и́мя поко́йнаго Вели́каго Госуда́ря; я до́лго отрица́лся, а когда́ и согласи́лся, то всё, что́ ни дѣлалъ, бы́ло съ ва́шей во́ли и согла́сія; вы же поступа́ли ча́сто безъ вѣдома моего́ и да́же вопреки́ моей во́ли.* Бунтовщики́ не отвѣча́ли ни сло́ва.

Суво́ровъ ме́жду тѣмъ при́былъ на Узе́ни, и узна́лъ отъ пусты́нниковъ, что Пугачёвъ былъ свя́занъ его́ со-

óбщниками, и что oнѝ повезлѝ егó къ Я́ицкому городкý. Сувóровъ поспѣшѝлъ тудá же. Нóчью сбѝлся онъ съ дорóги, и нашёлъ на огнѝ, расклáденные въ степѝ ворýющими Киргѝзами. Сувóровъ на нихъ напáлъ и прóгналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и мéжду нѝми своегó Адъютáнта Максимóвича. Чéрезъ нѣсколько дней прѝбылъ онъ въ Я́ицкой городóкъ. Сѝмоновъ сдалъ емý Пугачёва. Сувóровъ съ любопы́тствомъ распрáшивалъ плѣннаго мятéжника о егó воéнныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повёзъ егó въ Симбѝрскъ, кудá дóлженъ былъ пріѣхать и Графъ Пáнинъ.

Пугачёвъ сидѣлъ въ деревя́нной клѣткѣ на двуколёсной телéгѣ. Сѝльный отря́дъ, при двухъ пýшкахъ, окружáлъ егó. Сувóровъ отъ негó не отлучáлся. Въ дерéвнѣ Мостáхъ (вó сто сорокá верстáхъ отъ Самáры) случѝлся пожáръ близъ избы́, гдѣ ночевáлъ Пугачёвъ. Егó высадили изъ клѣтки, привязáли къ телéгѣ съ егó сы́номъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мáльчикомъ, и во всю ночь Сувóровъ самъ ихъ караýлилъ. Въ Коспóрьѣ, прóтивъ Самáры, нóчью, въ волновýю погóду, Сувóровъ перепрáвился чéрезъ Вóлгу, и пришёлъ въ Симбѝрскъ въ начáлѣ Октября́.

Пугачёва привезлѝ прямо на дворъ къ Грáфу Пáнину, котóрый встрѣтилъ егó на крыльцѣ, окружённый своимъ штáбомъ. — Ктó ты такóвъ? спросѝлъ онъ у самозвáнца. — *Емельянъ Ивáновъ Пугачёвъ*, отвѣчáлъ тотъ. — Кáкъ же смѣлъ ты, воръ, назвáться Государéмъ? продолжáлъ Пáнинъ. — *Я не вóронъ* (возразѝлъ Пугачёвъ, игрáя словáми, и изъясняясь, по своемý обыкновéнію, иносказáтельно), *я воронёнокъ, а вóронъ-то ещё летáетъ*. — Нáдобно знать, что Я́ицкіе бунтовщикѝ, въ опровержéніе óбщей молвы́, распустѝли слухъ, что мéжду нѝми дѣйствѝтельно находѝлся нѣкто Пугачёвъ, но что онъ съ Го-

сударемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣть. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачёва поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачёвъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго Симбирскаго Коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ своё свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? — Пугачёвъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины.* Говоря о своёмъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слёзъ; Пугачёвъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачёва отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ; Гвардіи Капитанъ Галаховъ и Капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ, и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачёва. Старые люди ещё расказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмирённымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный Дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и ещё страшнаго въ самомъ без-

си́ліи. Раска́зываютъ, что мно́гія же́нщины па́дали въ обморокъ отъ его́ о́гненнаго взо́ра и гро́знаго го́лоса.

Казнь Пугачёва и его́ сообщниковъ соверши́лась въ Москвѣ, 10 Января́ 1775 го́да.

Отры́вки изъ запи́сокъ А. С. Пу́шкина.

Болѣзнь останови́ла на вре́мя о́бразъ жи́зни, и́збранный мно́ю. Я занемо́гъ гнило́ю горя́чкою. Ле́йтонъ за меня́ не отвѣча́лъ. Семья́ моя́ была́ въ отча́яніи; но черезъ ше́сть недѣль я вы́здоровѣлъ. Сія́ болѣзнь оста́вила во мнѣ впечатлѣніе прія́тное. Друзья́ навѣща́ли меня́ дово́льно ча́сто; ихъ разгово́ры сокраща́ли ску́чные вечера́. Чу́вство выздоровле́нія, одно́ изъ са́мыхъ сладостныхъ. По́мню нетерпѣніе, съ кото́рымъ ожида́лъ я весны́ — хоть э́то вре́мя го́да обыкнове́нно наво́дитъ на меня́ тоску́ и да́же вреди́тъ моему́ здоро́вью. Но ду́шный во́здухъ и закры́тыя о́кна та́къ мнѣ надоѣли во вре́мя болѣзни моéй, что весна́ явля́лась моему́ воображе́нію со всей поэти́ческой своéй пре́лестью. Э́то бы́ло въ февралѣ 1821 го́да. Пе́рвые во́семь то́мовъ Ру́сской Исто́ріи Карамзина́ вы́шли въ свѣтъ. Я прочёлъ ихъ въ своéй постéлѣ съ жа́дностію и со внима́ніемъ. Появле́ніе сей кни́ги (какъ и быть надлежа́ло) надѣлало мно́го шу́му и произвело́ си́льное впечатлѣніе; 3,000 экземпля́ровъ разошли́сь въ оди́нъ мѣсяцъ (чего́ ника́къ не ожида́лъ и самъ Карамзи́нъ) — примѣръ еди́нственный въ на́шей землѣ. Всѣ, да́же свѣтскія же́нщины, бро́сились чита́ть Исто́рію своего́ оте́чества, дото́лѣ имъ неизвѣстную. Она́ была́ для нихъ но́вымъ откры́тіемъ. Дре́вняя Россія, каза́лось, на́йдена Карамзи́нымъ, какъ Аме́рика Коло́мбомъ. Нѣсколько вре́мени ни о чёмъ ино́мъ не говори́ли. Когда́, по моёмъ выздоровле́ніи, я сно́ва яви́лся въ свѣтъ, то́лки были во всей си́лѣ. . . . .

У насъ никто́ не въ состоя́ніи изслѣ́довать огро́мное созда́ніе Карамзина́, за что никто́ не сказа́лъ спаси́бо человѣ́ку, уедини́вшемуся въ учёный кабине́тъ, во вре́мя са́мыхъ ле́стныхъ успѣ́ховъ и посвяти́вшему цѣ́лыхъ 12-ть лѣтъ жи́зни безмо́лвнымъ и неутоми́мымъ труда́мъ. Но́ты Ру́сской Исто́ріи свидѣ́тельствуютъ обши́рную учёность Карамзина́, пріобрѣтённую имъ уже́ въ тѣхъ лѣта́хъ, когда́ для обыкнове́нныхъ люде́й кругъ образова́нія и позна́ній давно́ око́нченъ и хло́поты по слу́жбѣ замѣня́ютъ уси́лія къ просвѣще́нію. Молоды́е Якоби́нцы негодова́ли на исторіогра́фа за его́ умѣ́ренность; они́ забыва́ли, что Карамзи́нъ (кото́рый впро́чемъ былъ убѣждёнъ въ необходи́мости для Росс́іи самодержа́вія, внѣ ко́его нѣтъ или по кра́йней мѣ́рѣ до́лго, до́лго не бу́детъ для нея́ безопа́сности) печа́талъ Исто́рію свою́ въ Росс́іи; что Госуда́рь, освободи́въ его́ отъ цензу́ры, симъ зна́комъ довѣ́ренности, нѣ́которымъ о́бразомъ, полага́лъ на Карамзина́ обя́занность всевозмо́жной скро́мности и умѣ́ренности. Онъ разска́зывалъ со все́ю вѣ́рностію исто́рика, онъ вездѣ́ ссыла́лся на исто́чники; чего́ жъ бо́лѣе тре́бовать было отъ исто́рика? Повторя́ю, что *Исто́рія Госуда́рства Росс́ійскаго* есть не то́лько созда́ніе вели́каго писателя, но и по́двигъ че́стнаго человѣ́ка.

Отры́вки изъ путеше́ствія въ Арзру́мъ въ 1829 году́.

. . . . . Изъ Москвы́ поѣ́халъ я на Калу́гу, Бѣлёвъ и Орёлъ, и сдѣ́лалъ таки́мъ о́бразомъ двѣ́сти вёрстъ ли́шнихъ, за то́ уви́дѣлъ ***.

. . . . . Мнѣ предстоя́лъ путь чере́зъ Курскъ и Харьковъ: но я свороти́лъ на пряму́ю Тифли́сскую доро́гу, жёртвуя хоро́шимъ обѣ́домъ въ Ку́рскомъ тракти́рѣ (что

не безделица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить ***.

До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случалось въ сутки проѣхать не болѣе пятидесяти вёрстъ. Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатился по зелёной равнинѣ. Въ Новочеркаскѣ нашёлъ я графа П., ѣхавшаго также въ Тифлисъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ-отъ-часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

На дняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Всё семейство собиралось завтракать; котёлъ варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ неё. Какъ тебя зовутъ? — *** — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемь. Что ты шьёшь? — портка. *) — Кому? — себя. **) Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться, и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибудь

*) Портки. **) Себѣ.

гáже. Я попросилъ чѣмъ нибýдь это заѣсть. Мнѣ дáли кусóчекъ сушёной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокéтство испугáло меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степнóй цирцéи.

Въ Ставрóполѣ увидѣлъ я на краю нéба облакá, поразившія мнѣ взóры рóвно зá девять лѣтъ. Онѝ были всё тѣ же, всё на тóмъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавкáзской цѣпи.

Изъ Геóргіевска я заѣхалъ на Горячія вóды. Здѣсь нашёлъ я большýю перемѣну. Въ моё врéмя вáнны находились въ лачýжкахъ, нáскоро пострóенныхъ. Истóчники, бóльшею чáстію въ первобытномъ своёмъ видѣ, били, дымились и стекáли съ горъ по рáзнымъ направлéніямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красновáтые слѣды. Мы чéрпали кипýчую вóду кóвшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя вáнны и домá. Бульвáръ, обсáженный липками, проведёнъ по склонéнію Машýка. Вездѣ чистенькія дорóжки, зелёныя лáвочки, прáвильные цвѣтники, мóстики, павильóны. Ключи обдѣланы, выложены кáмнемъ; на стѣнáхъ ваннъ прибиты предписáнія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, красивость . . . .

Признаюсь: Кавкáзскія вóды представляютъ нынѣ бóлѣе удóбностей; но мнѣ было жаль ихъ прéжняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ кáменныхъ тропинокъ, кустáрниковъ и неогорóженныхъ прóпастей, надъ котóрыми, бывáло, я карáбкался. Съ грýстью остáвилъ я вóды, и отпрáвился обрáтно въ Геóргіевскъ. Скóро настáла ночь. Чистое нéбо усѣялось милліóнами звѣздъ; я ѣхалъ бéрегомъ Подкýмка. Здѣсь, бывáло, сиживалъ со мнóю А. Р., прислýшиваясь къ мелóдіи водъ. Величáвый Бештý чернѣе рисовáлся въ отдалéніи, окружённый горáми, своими вассáлами, и наконéцъ исчезъ во мрáкѣ . . .

На другóй день мы отпрáвились дáлѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатериногрáда начинáется воéнная Грузинская дорóга; почтóвый трактъ прекращáется. Нанимáютъ лошадéй до Владикавкáза. Даётся конвóй козáчій и пѣхóтный и однá пýшка. Пóчта отправляется два разá въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *окáзіей*. Мы дожидáлись недóлго. Пóчта пришлá на другóй день, и на трéтье ýтро въ 9 часóвъ мы были готóвы отпрáвиться въ путь. На сбóрномъ мѣстѣ соединился весь каравáнъ, состоявшій изъ пятисóтъ человѣкъ или óколо. Пробили въ барабáнъ. Мы трóнулись. Впередъ поѣхала пýшка, окружённая пѣхóтными солдáтами. За нéю потянýлись коляски, брички, кибитки солдáтокъ, переѣзжáющихъ изъ однóй крѣпости въ другýю; за нáми заскрыпѣлъ обóзъ двуколёсныхъ áробъ. По сторонáмъ бѣжáли кóнскіе табуны и стадá волóвъ. Óколо нихъ скакáли Нагáйскіе проводникú въ бýркахъ и съ аркáнами. Всё это сначáла мнѣ óчень нрáвилось, но скóро надоѣло. Пýшка ѣхала шáгомъ, фитиль курился, и солдáты раскýривали имъ трýбки. Мéдленность нáшего похóда (въ пéрвый день мы прошли тóлько пятнáдцать вёрстъ), несносная жарá, недостáтокъ припáсовъ, безпокóйные ночлéги, наконéцъ безпрерывный скрыпъ Нагáйскихъ áробъ, выводили меня изъ терпѣнія. Татáры тщеслáвятся этимъ скрыпомъ, говоря, что онú разъѣзжáютъ какъ чéстные люди, не имѣющіе нужды укрывáться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешéствовать не въ столь почтéнномъ обществѣ. Дорóга довóльно однообрáзная: равнина, по сторонáмъ холмы. На краю нéба вершины Кавкáза, кáждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достáточныя для здѣшняго края, со рвомъ, котóрый кáждый изъ насъ перепрыгнýлъ бы встаринý не разбѣгáясь,

съ пу́шками, не стрѣля́вшими со времёнъ гра́фа Гудо́вича, съ ва́ломъ, по кото́рому бро́дитъ гарнизо́нъ ку́рицъ и гусе́й. Въ крѣпостя́хъ нѣ́сколько лачу́жекъ, гдѣ съ трудо́мъ мо́жно доста́ть деся́токъ яи́цъ и ки́слаго молока́.

Пе́рвое замѣча́тельное мѣ́сто — крѣ́пость Минаре́тъ. Приближа́ясь къ не́й, нашъ карава́нъ ѣ́халъ по преле́стной доли́нѣ, ме́жду курга́нами, обро́сшими ли́пой и чина́ромъ. Э́то моги́лы нѣ́сколькихъ ты́сячь уме́ршихъ чумо́ю. Пестрѣ́лись цвѣты́, порождённые заражённымъ пе́пломъ. Спра́ва сія́лъ снѣ́жный Кавка́зъ; впереди́ возвыша́лась огро́мная, лѣси́стая гора́, за не́ю находи́лась крѣ́пость: круго́мъ ея́ ви́дны слѣды́ разорённаго ау́ла, называ́вшагося Татарту́бомъ и бы́вшаго нѣ́когда гла́внымъ въ Большо́й Кабардѣ́. Лёгкій, одино́кій минаре́тъ свидѣтельствуетъ о бытіи́ исчѐзнувшаго селе́нія. Онъ стро́йно возвыша́ется ме́жду гру́дами ка́мней, на берегу́ изсо́хшаго пото́ка. Вну́тренняя лѣ́стница ещё не обру́шилась. Я взобрался́ по не́й на площа́дку, съ кото́рой уже́ не раздаётся го́лосъ муэззи́на. Тамъ нашёлъ я нѣ́сколько неизвѣ́стныхъ имёнъ, нацара́панныхъ на кирпича́хъ славолю́бивыми путеше́ственниками.

Доро́га на́ша сдѣ́лалась живопи́сна. Го́ры тяну́лись надъ на́ми. На ихъ верши́нахъ по́лзали чуть ви́дныя стада́ и каза́лись насѣко́мыми. Мы различи́ли и пастуха́, быть мо́жетъ, Ру́сскаго, нѣ́когда взята́го въ плѣ́нъ и состарѣ́вшагося въ нево́лѣ. Мы встрѣ́тили ещё курга́ны, ещё разва́лины. Два-три надгро́бныхъ па́мятника стоя́ло на краю́ доро́ги. Тамъ, по обы́чаю Черке́совъ, похоро́нены́ ихъ наѣ́здники. Тата́рская на́дпись, изображе́ніе ша́шки, танга́, изсѣ́ченныя на ка́мнѣ, оста́влены хи́щнымъ вну́камъ въ па́мять хи́щнаго пре́дка.

Черке́сы насъ ненави́дятъ. Мы вытѣ́снили ихъ изъ приво́льныхъ па́стбищъ; ау́лы ихъ разорены́, цѣ́лыя пле-

мена́ уничто́жены. Они́ часъ-о́тъ-часу да́лѣе углубляются въ го́ры и отту́да направляютъ свои́ набѣги. Дру́жба *ми́рныхъ* Черке́совъ ненадёжна: они́ всегда́ гото́вы помо́чь бу́йнымъ свои́мъ единоплеме́нникамъ. Духъ ди́каго ихъ рыцарства замѣтно упа́лъ. Они́ рѣдко напада́ютъ въ ра́вномъ числѣ на козако́въ, никогда́ на пѣхо́ту, и бѣгу́тъ, зави́дя пу́шку. За то́ никогда́ не пропу́стятъ слу́чая напа́сть на сла́бый отря́дъ и́ли на беззащи́тнаго. Здѣшняя сторона́ полна́ молво́й о ихъ злодѣйствахъ. Почти́ нѣтъ никако́го спо́соба ихъ усмири́ть, пока́ ихъ не обезору́жатъ, какъ обезору́жили Кры́мскихъ Тата́ръ, что́ чрезвыча́йно тру́дно испо́лнить, по прич́инѣ господству́ющихъ ме́жду ни́ми наслѣдственныхъ ра́спрей и мще́нія кро́ви. Кинжа́лъ и ша́шка чле́ны ихъ тѣла, и младе́нецъ начина́етъ владѣть и́ми пре́жде, не́жели лепета́ть. У нихъ убійство — просто́е тѣлодвиже́ніе. Плѣнниковъ они́ сохраня́ютъ въ надеждѣ на вы́купъ, но обхо́дятся съ ни́ми съ ужа́снымъ безчеловѣчіемъ, заставля́ютъ рабо́тать сверхъ силъ, ко́рмятъ сыры́мъ тѣстомъ, бьютъ, когда́ взду́мается, и приставля́ютъ къ нимъ для стра́жи свои́хъ мальчи́шекъ, кото́рые за одно́ сло́во впра́вѣ ихъ изруби́ть свои́ми дѣтскими ша́шками. Неда́вно пойма́ли ми́рнаго Черке́са, выстрѣлившаго въ солда́та. Онъ опра́вдывался тѣмъ, что ружьё его́ сли́шкомъ до́лго бы́ло заряжено́. Что́ дѣлать съ таки́мъ наро́домъ? Должно́ одна́ко жъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восто́чнаго кра́я Чёрнаго Мо́ря, отрѣзавъ Черке́совъ отъ торго́вли съ Ту́рціей, прину́дитъ ихъ съ на́ми сблизиться. Влія́ніе ро́скоши мо́жетъ благопрія́тствовать ихъ укроще́нію: самова́ръ былъ бы ва́жнымъ нововведе́ніемъ. Есть сре́дство бо́лѣе си́льное, бо́лѣе нра́вственное, бо́лѣе сообра́зное съ просвѣще́ніемъ на́шего вѣка: пропо́вѣданіе Ева́нгелія. Черке́сы о́чень неда́вно при́няли Магомета́нскую вѣру. Они́ бы́ли увлечены́ дѣятельнымъ фанати́змомъ апо́столовъ *Кора́на*, ме́жду ко́ими отлича́лся

Мансу́ръ, человѣкъ необыкнове́нный, до́лго возмуща́вшій Кавка́зъ проти́ву Ру́сскаго влады́чества, наконе́цъ схва́ченный на́ми и уме́ршій въ Солове́цкомъ монастырѣ. Кавка́зъ ожида́етъ Христіа́нскихъ миссіоне́ровъ. Но тще́тно взамѣну сло́ва жива́го вылива́ть мёртвыя бу́квы и посыла́ть нѣмы́я кни́ги лю́дямъ, не зна́ющимъ гра́моты.

Мы дости́гли Владикавка́за, пре́жняго Капъ-ка́я, предве́рія горъ. Онъ окружёнъ Осети́нскими а́улами. Я посѣти́лъ оди́нъ изъ нихъ и попа́лъ на по́хороны. О́коло са́кли толпи́лся наро́дъ. На дворѣ стоя́ла арба́, запряжённая двумя́ вола́ми. Ро́дственники и друзья́ уме́ршаго съѣзжа́лись со всѣхъ сторо́нъ и съ гро́мкимъ пла́чемъ шли въ са́клю, ударя́я себя́ кулака́ми въ лобъ. Же́нщины стоя́ли сми́рно. Мертвеца́ вы́несли на бу́ркѣ . . .

. . . like a warrior taking his rest
With his martial cloak arround him, *)

положи́ли его́ на арбу́. Оди́нъ изъ госте́й взялъ ружьё поко́йника, сдулъ съ по́лки по́рохъ и положи́лъ его́ подлѣ тѣла. Волы́ тро́нулись. Го́сти поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно́ бы́ло быть похоронено́ въ гора́хъ, верста́хъ въ тридцати́ отъ а́ула. Къ сожалѣнію, никто́ не могъ объясни́ть мнѣ сихъ обря́довъ.

Осети́нцы са́мое бѣдное пле́мя изъ наро́довъ, обита́ющихъ на Кавка́зѣ; же́нщины ихъ прекра́сны, и какъ слы́шно, о́чень благоскло́нны къ путеше́ственникамъ. У воро́тъ крѣпости встрѣтилъ я жену́ и дочь заключённаго Осети́нца. Онѣ несли́ ему́ обѣдъ. О́бѣ каза́лись споко́йны и смѣлы; одна́ко жъ при моёмъ приближе́нiи о́бѣ поту́пили го́ловы и закры́лись свои́ми изо́дранными *ча-дра́ми.* Въ крѣпости ви́дѣлъ я Черке́сскихъ амана́товъ, рѣзвыхъ и краси́выхъ ма́льчиковъ. Они́ поминутно прока́зятъ, и бѣгаютъ изъ крѣпости.

---

*) Какъ во́ина, кото́рый отдыха́етъ, заку́тавшись въ во́инскій плащъ.

Пу́шка оста́вила насъ. Мы отпра́вились съ пѣхо́той и козака́ми. Кавка́зъ насъ при́нялъ въ своё святи́лище. Мы услы́шали глухо́й шумъ и уви́дѣли Те́рекъ, разлива́ющійся по ра́знымъ направле́ніямъ. Мы поѣхали по его́ лѣвому бе́регу. Шу́мныя во́лны его́ приво́дятъ въ движе́ніе колёса ни́зенькихъ Осети́нскихъ ме́льницъ, похо́жихъ на соба́чьи кану́ры. Чѣмъ да́лѣе углубля́лись мы въ го́ры, тѣмъ у́же станови́лось ущёлье. Стѣснённый Те́рекъ съ ре́вомъ броса́етъ свои му́тныя во́лны чрезъ утёсы, прегражда́ющіе ему́ путь. Уще́ліе извива́ется вдоль его́ тече́нія. Ка́менныя подо́швы горъ обто́чены его́ волна́ми. Я шёлъ пѣшко́мъ и помину́тно остана́вливался, поражённый мра́чною пре́лестію приро́ды. Пого́да была́ па́смурная; облака́ тяжело́ тяну́лись о́коло чёрныхъ верши́нъ. Графъ П. и Ш., смотря́ на Те́рекъ, воспомина́ли Іматру и отдава́ли преиму́щество *рѣкѣ, на Сѣверѣ гремя́щей.* Но я ни съ чѣмъ не могъ сравни́ть мнѣ предстоя́вшаго зрѣлища.

Не доходя́ до Ла́рса, я отста́лъ отъ конво́я, засмотрѣвшись на огро́мныя ска́лы, ме́жду ко́ими хлёщетъ Те́рекъ съ я́ростію неизъясни́мой. Вдругъ бѣжи́тъ ко мнѣ солда́тъ, крича́ и́здали: *не остана́вливайтесь, Ва́ше Благоро́діе, убью́тъ!* Это предостереже́ніе съ непривы́чки показа́лось мнѣ чрезвыча́йно стра́ннымъ. Дѣ́ло въ томъ, что Осети́нскіе разбо́йники, безопа́сные въ э́томъ у́зкомъ мѣ́стѣ, стрѣля́ютъ че́резъ Те́рекъ въ путеше́ственниковъ. Накану́нѣ на́шего перехо́да, они́ напа́ли таки́мъ о́бразомъ на Генера́ла Бе́ковича, проскака́вшаго сквозь ихъ вы́стрѣлы. На скалѣ́ ви́дны разва́лины како́го-то за́мка: онѣ́ облѣ́плены са́клями ми́рныхъ Осети́нцевъ, какъ бу́дто гнѣ́здами ла́сточекъ.

Въ Ла́рсѣ останови́лись мы ночева́ть. Тутъ нашли́ мы путеше́ственника Францу́за, кото́рый напуга́лъ насъ предстоя́щею доро́гой. Онъ совѣ́товалъ намъ бро́сить

экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка*, воспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашёлъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Плѣнника* и, признаюсь, перечёлъ его съ большимъ удовольствіемъ. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому чёрному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа. «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чёрнаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ паралельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но кажется чувствуешь тѣсноту. Клочокъ неба какъ лента синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалёко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На нёмъ стоишь какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясётся, а Терекъ шумитъ какъ колёса, движущія жерновъ. Противъ Даріала на крутой скалѣ видны остатки крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя своё ущелію: сказка. Даріалъ на древнемъ Персид-

скомъ языкѣ зна́читъ воро́та. По свидѣтельству Пли́нія, Кавка́зскія врата́, оши́бочно называ́емыя Каспі́йскими, находи́лись здѣсь. Уще́ліе замкну́то бы́ло настоя́щими воро́тами, деревя́нными, око́ванными желѣзомъ. Подъ ни́ми, пи́шетъ Пли́ній, течётъ рѣка́ Диріодо́рисъ. Тутъ была́ воздви́гнута и крѣпость для удержа́нія набѣговъ ди́кихъ племёнъ, и проч., (см. Путеше́ствіе Графа И. Пото́цкаго, ко́его учёныя изыска́нія столь же занима́тельны, какъ и Испа́нскіе рома́ны).

Изъ Даріа́ла отпра́вились мы къ Казбе́ку. Мы увидѣли *тро́ицкія ворота́* (а́рка, образо́ванная въ скалѣ взры́вомъ по́роха) — подъ ни́ми шла нѣкогда доро́га, а ны́нѣ протека́етъ Те́рекъ, ча́сто мѣня́ющій своё ру́сло.

Недалёко отъ селе́нія Казбе́къ, переѣхали мы чрезъ *Бѣшеную Ба́лку*, овра́гъ, во вре́мя си́льныхъ дожде́й превраща́ющійся въ я́ростный пото́къ. Онъ въ э́то вре́мя былъ соверше́нно сухъ и гро́мокъ одни́мъ свои́мъ и́менемъ.

Дере́вня Казбе́къ нахо́дится у подо́швы горы́ Казбе́къ, и принадлежи́тъ кня́зю Казбе́ку. Князь, мужчи́на лѣтъ сорока́ пяти́, ро́стомъ вы́ше преображе́нскаго фли́гельмана. Мы нашли́ его́ въ духа́нѣ (та́къ называ́ются Грузи́нскія харче́вни, кото́рыя гора́здо бѣднѣе и нечи́ще Ру́сскихъ). Въ дверя́хъ лежа́лъ пуза́стый бурдю́къ (воло́вій мѣхъ), растопы́ря свои́ четы́ре ноги́. Велика́нъ тяну́лъ изъ него́ чихи́рь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопро́совъ, на кото́рые отвѣча́лъ я съ почте́ніемъ, подоба́ющимъ его́ зва́нію и ро́сту. Мы разста́лись больши́ми пріятелями.

Ско́ро притупля́ются впечатлѣнія. Едва́ прошли́ су́тки, и уже́ ревъ Те́река и его́ безобра́зные водопа́ды, уже́ утёсы и про́пасти не привлека́ли моего́ внима́нія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифли́са исключи́тельно овладѣло мно́ю. Я столь же равноду́шно ѣхалъ ми́мо Казбе́ка, какъ нѣкогда

плылъ ми́мо Чатырдага. Пра́вда и то, что дождли́вая и тума́нная пого́да мѣша́ла мнѣ ви́дѣть его́ снѣгову́ю гру́ду, по выраже́нію поэта, *подпира́ющую небоскло́нъ*.

Жда́ли Персидскаго при́нца. Въ нѣкоторомъ разстоя́ніи отъ Казбе́ка попа́лись намъ навстрѣчу нѣсколько коля́сокъ и затрудни́ли у́зкую доро́гу. Пока́мѣстъ экипа́жи разъѣхались, конво́йный офице́ръ объви́лъ намъ, что онъ провожа́етъ придво́рнаго Перси́дскаго поэта, и, по моему́ жела́нію, предста́вилъ меня́ Фази́лъ-Ха́ну. Я, съ по́мощію перево́дчика, на́чалъ было высокопа́рное восто́чное привѣтствіе, но ка́къ же мнѣ ста́ло со́вѣстно, когда́ Фази́лъ-Ханъ отвѣча́лъ на мою́ неумѣстную затѣйливость просто́ю, у́мной учти́востію поря́дочнаго человѣка! «Онъ надѣялся уви́дѣть меня́ въ Петербу́ргѣ; онъ жалѣлъ; что знако́мство на́ше бу́детъ непродолжи́тельно и проч.» Со стыдо́мъ принуждёнъ я былъ оста́вить ва́жно-шутли́вый тонъ, и съѣхалъ на обыкнове́нныя Европе́йскія фра́зы. Вотъ уро́къ на́шей Ру́сской насмѣшливости. Впередъ не ста́ну суди́ть о человѣкѣ по его́ бара́ньей *попа́хѣ* *) и по кра́шенымъ ногтя́мъ.

Постъ Ко́би нахо́дится у са́мой подо́швы Кресто́вой-горы́, чрезъ кото́рую предстоя́лъ намъ перехо́дъ. Мы тутъ останови́лись ночева́ть и ста́ли ду́мать, каки́мъ бы о́бразомъ соверши́ть сей ужа́сный по́двигъ: сѣсть ли, бро́сивъ экипа́жи, на каза́чьихъ лошаде́й, и́ли посла́ть за Осети́нскими вола́ми? На вся́кой слу́чай, я написа́лъ отъ и́мени всего́ на́шего карава́на офиціа́льную про́сьбу къ Г. Ч***, нача́льствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли́ спать въ ожида́ніи подво́дъ.

На друго́й день о́коло 12 часо́въ услы́шали мы шумъ, кри́ки, и уви́дѣли зрѣлище необыкнове́нное; осьмна́дцать паръ то́щихъ, малоро́слыхъ воло́въ, понужда́емыхъ тол-

---

*) Такъ называ́ются Перси́дскія ша́пки.

ною полунагихъ Осетинцевъ, насилу тащили лёгкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжёлую Петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочёлъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагружённую запасами всякого рода, и съ торжествомъ переѣхать снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ Полковникомъ Ог . . . . , осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Такіе случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпалаущеліе на цѣлую версту, и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колёсахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ,» сказалъ мнѣ Г. Ог . . . . . . Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году Русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу, и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновлённый Генераломъ Ермоловымъ.

Здѣсь путешéственники обыкновéнно выхóдятъ изъ экипáжей, и идýтъ пѣшкóмъ. Недáвно проѣзжáлъ какóй-то инострáнный кóнсулъ: онъ тáкъ былъ слабъ, что велѣлъ завязáть себѣ глазá; егó вели пóдъ-руки, и когдá сняли съ негó повязку, тогдá онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бóга, и проч., что óчень изумило проводникóвъ.

Мгновéнный перехóдъ отъ грóзнаго Кавкáза къ миловидной Грýзіи восхитителенъ. Вóздухъ юга вдругъ начинáетъ повѣвáть на путешéственника. Съ высоты Гутъ-горы открывáется Кайшаýрская долина съ ея обитáемыми скалáми, съ ея садáми, съ ея свѣтлой Арáгвой, извивáющейся, какъ серéбряная лéнта, и всё это въ уменьшённомъ видѣ, на днѣ трехвёрстной прóпасти, по котóрой идётъ опáсная дорóга.

Мы спускáлись въ долину. Молодóй мѣсяцъ показáлся на ясномъ нéбѣ. Вечéрній вóздухъ былъ тихъ и тёпелъ. Я ночевáлъ на берегý Арáгвы, въ дóмѣ Г. Ч. На другóй день я разстáлся съ любéзнымъ хозяиномъ и отпрáвился дáлѣе.

Здѣсь начинáется Грýзія. Свѣтлыя долины, орошáемыя весёлой Арáгвою, смѣнили мрáчныя ущéлія и грóзный Тéрекъ. Вмѣсто гóлыхъ утёсовъ, я видѣлъ óколо себя зелёныя гóры и плодонóсныя дерéвья. Водопровóды докáзывали присýтствіе образóванности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершéнствомъ оптическаго обмáна: водá, кáжется, имѣетъ своё течéніе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаýрѣ остановился я для перемѣны лошадéй. Тутъ я встрѣтилъ Рýсскаго офицéра, провожáющаго Персидскаго принца. Вскóрѣ услышалъ я звукъ колокóльчиковъ, и цѣлый рядъ катáровъ (мулóвъ), привязанныхъ одинъ къ другóму и навьюченныхъ по-азіáтски, потянулся по дорóгѣ. Я пошёлъ пѣшкóмъ, не дождáвшись лошадéй, и въ полверстѣ отъ Аканýра, на поворóтѣ дорóги, встрѣтилъ Хозрéвъ Мирзý. Экипáжи егó

стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали Горцы. Услыша свистъ пуль, Хозрѣвъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при нёмъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошёлъ до Аканура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шёлъ впередъ, подымаясь всё выше и выше. Съ дороги сбиться было не возможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалёко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ своё нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣнённыхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему, и потребовалъ за то съ меня *абазъ*. *)

---

*) Абазъ — мелкая монета на Кавказѣ.

Отрывки изъ книги
ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ
Ивана Андреевича Крылова,

Составленной *Петромъ Плетнёвымъ.*

1.

Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ Русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ.

Природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ нибудь другомъ. Какъ писатель, онъ прямо Русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей нельзя поставить на одной съ нимъ линіи.

2.

Отецъ Крылова былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанностямъ службы часто перемѣнявшій мѣсто жительства своего. Когда родился нашъ баснописецъ, отецъ его жилъ въ Москвѣ. Скоро однако же, по случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачёва (1777), онъ принуждёнъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Любопытны нѣкоторыя о нёмъ извѣстія, переданныя потомству Пушкинымъ въ *Исторіи Пугачёвскаго бунта.* «Къ сча-

стію], въ крѣпости (Яицкой),» говоритъ онъ, «находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія.» Далѣе, описывая неудачу Пугачёва на приступѣ подъ ту же крѣпость, Пушкинъ прибавляетъ:» Пугачёвъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и всё семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обречёнъ былъ смерти и четырехлѣтній ребёнокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.»

3.

По соображеніи всего, что въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ сознаӆъ своё назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростію. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли. И вотъ въ 1808 же году вышло первое изданіе его басень въ числѣ 23 — блистательный годъ въ Русской литературѣ.

Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки.

4.

Характеръ и движеніе литературныхъ отношеній въ Санктпетербургѣ замѣтно измѣнились въ тотъ же 1816 годъ, когда послѣдовала кончина Державина. Много было до этихъ поръ преимуществъ на сторонѣ Москвы, гдѣ

жили Карамзинъ и Жуковскій, одушевители молодаго поколѣнія писателей. Они переселились теперь въ сѣверную столицу. Около нихъ начали между собою соединяться люди, чувствовавшіе призваніе къ литературѣ и понимавшіе важность благородныхъ умственныхъ занятій. Нигдѣ успѣхъ не возможенъ безъ сосредоточенности силъ. Великій писатель не только служитъ образцёмъ вкуса, но и сообщаетъ стройность обществу литераторовъ, которые съ довѣрчивостію и любовію принимаютъ его идеи и сообразуются съ нимъ въ правилахъ жизни.

Карамзинъ только и жилъ для безсмертнаго труда своего, отъ котораго никто не могъ отвлечь его днёмъ. За то каждый вечеръ отдавалъ онъ своему обществу. Люди государственные и писатели, всѣ, кто искалъ только бесѣды наставительно-пріятной, соединялись у него. Тогда литература занимала въ понятіи образованнаго общества высокое мѣсто. На ней сосредоточивались интересы и ожиданія первыхъ умовъ. Удивительно ли, что въ обществѣ Карамзина воспитали своё мышленіе не только другіе первоклассные писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія? Куда спѣшили Князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичь, Пушкинъ, тамъ же, между Графомъ С. Румянцовымъ, Сперанскимъ, Оленинымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ. Это самое общество, разъ въ недѣлю, по субботамъ, собиралось на вечеръ къ Жуковскому. Сфера идей, тонъ сужденій, краски языка естественно согласовались съ понятіями, стремленіями и умомъ лицъ, соединённыхъ въ собраніи.

Здѣсь и Крыловъ являлся какъ общій другъ. Его практическій умъ и тонкое соображеніе находили для себя много пищи независимо отъ пріятнаго развлеченія, представляемаго разнообразіемъ гостей, любившихъ его оди-

ца́ково. Еще замѣтнѣе отдава́лся онъ игрѣ своего́ остро-у́мія и любе́зности по суббо́тамъ у Жуко́вскаго, гдѣ отсу́тствіе дамъ, чте́ніе литерату́рныхъ но́востей и бо́льшая свобо́да въ отноше́ніяхъ развя́зывали его́ всегда́шнюю осторо́жность. Ме́жду лу́чшими Ру́сскими писа́телями, со времёнъ Ломоно́сова до сме́рти Пу́шкина, всегда́ замѣтно бы́ло и́скреннее дружелю́біе. Ни тѣни той взаи́мной за́висти, въ кото́рой обвиня́ютъ сопе́рниковъ. Это ни́зкое чу́вство нико́му незнако́мо бы́ло въ ихъ кругу́, всегда́ остава́ясь то́лько въ ни́зшемъ сло́ѣ литерату́рномъ. Крыло́въ сознава́лъ въ Жуко́вскомъ тала́нтъ незави́симый и энерги́ческій. Онъ постоя́нно сохраня́лъ къ нему́ въ душѣ своѐй чу́вство бра́тства и дру́жбы. Шутя́ и любе́зничая съ нимъ, Крыло́въ быва́лъ осо́бенно прія́тенъ. Разъ, на одно́мъ изъ э́тихъ вечеро́въ, онъ сталъ иска́ть чего́-то въ бума́гахъ на пи́сьменномъ столѣ. »Что́ вамъ на́добно, Ива́нъ Андре́евичь?» спроси́ли его́. «Да вотъ како́е обстоя́тельство», отвѣча́лъ онъ: хо́чется закури́ть тру́бку; у себя́ до́ма я рву для э́того пе́рвый попада́ющійся мнѣ по́дъ руку листъ; а здѣсь нельзя́ такъ: вѣдь здѣсь за ка́ждый лоскуто́къ испи́санной бума́ги, е́сли разорвёшь его́, отвѣча́й передъ пото́мствомъ.»

5.

Совокупи́лось пятдеся́тъ семь тала́нтовъ, чтобы́ одолѣ́ть оди́нъ.

Ско́лько мо́жно Ру́сской приро́ды внести́ во Французскую рѣчь, они́ сдѣлали всё — и тогда́-то облекли́сь лу́чшія Крыло́ва ба́сни въ стихи́ игри́вые и блестя́щіе, мо́жетъ быть, едва́ узнава́я себя́ въ э́той щегольско́й оде́ждѣ, съ тако́ю торже́ственностію для нихъ пригото́вленной въ столи́цѣ вку́са. Изда́ніе бы́ло са́мое роско́шное и укра́шено прекра́сными гравю́рами. Всѣхъ ба́сень переведено́ бы́ло 89.

Спустя́ нѣсколько вре́мени, ока́зана была́ по́честь баснописцу въ его́ оте́чествѣ. Въ 1831 году́, Госуда́рь Импера́торъ Никола́й Па́вловичь, въ числѣ пода́рковъ своихъ на Но́вый годъ Вели́кому Кня́зю Наслѣднику, изво́лилъ присла́ть Его́ Высо́честву бюстъ Крыло́ва. Мо́жно вообрази́ть, что́ почу́вствовало се́рдце поэ́та, когда́ до него́ дошло́ о томъ извѣстіе.

6.

То́, что́ у насъ называ́ется нахо́дчивостью ума́, Крыло́въ ча́сто пока́зывалъ са́мымъ неожи́даннымъ и оригина́льнымъ о́бразомъ. Разъ вы́просилъ онъ у Оле́нина дорогу́ю и рѣдкую кни́гу на́ домъ къ себѣ для прочте́нія. Э́то было роско́шное изда́ніе описа́нія Еги́пта, кото́рое соста́влено во вре́мя кампа́ніи Наполео́на. Поутру́ за свои́мъ ко́фе, чтобы́ разглядѣть всё яснѣе, онъ сѣлъ у окна́ на сту́лѣ, кото́рый вмѣстѣ съ сто́ликомъ стоя́лъ на придѣланномъ тутъ возвыше́ніи. Положи́въ передъ собо́й огро́мную кни́гу и разогну́въ её та́къ, что одна́ поло́ви́на была́ на сто́ликѣ, а друга́я на окнѣ, онъ, поддéрживая лѣвой руко́ю корешо́къ, любова́лся преле́стными гравю́рами, прило́женными къ те́ксту. Вдругъ онъ почу́вствовалъ, что его́ сту́лъ покачну́лся, какъ-бу́дто соскользну́вши съ возвыше́нія. Уси́ливаясь сохрани́ть равновѣ́сіе, Крыло́въ въ-торопя́хъ схвати́лъ пра́вою руко́ю за блю́дечко ча́шки съ ко́фе. Ча́шка опроки́нулась на кни́гу — и разогну́тые листы́ фоліа́нта о́блиты ко́фе. Въ одно́ мгнове́ніе онъ бро́сился въ ку́хню, кото́рая то́лько у́зенькимъ коридо́ромъ отдѣля́лась отъ за́лы, гдѣ произошла́ бѣда́. Схвати́въ уша́тъ съ бы́вшею въ нёмъ водо́ю, онъ втащи́лъ его́ въ за́лу — и, ки́нувъ на́ полъ разогну́тую кни́гу, сталъ полива́ть её изъ уша́та. Служа́нка, всё э́то ви́дѣвшая, но ничего́ не поня́вшая, о́прометью бро́силась на верхъ къ Гнѣдичу, призыва́я его́ къ

Крылову и давая чувствовать намёками, что баринъ ея не въ своёмъ умѣ. Вотъ какъ расказывалъ объ этомъ Гнѣдичъ, немножко всегда театральный. «Вхожу. На полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льётъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ.» Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ расказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

7.

Крыловъ зашёлъ когда-то въ лавку Королёва, что прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы, и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ-какъ теперь у него недостаётъ нѣсколько денегъ, чтобы всё заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: «вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю.» — А какъ же меня знаешь ты? — спросилъ Крыловъ. «Помилуйте, Иванъ Андреевичъ (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякой мальчишка на каждой улицѣ знаетъ.» Возвращаясь домой, Крыловъ зашёлъ передъ окнами своей квартиры въ лавку Гостинаго двора, чтобы купить нотной бумаги. «За деньгами, сказалъ онъ, пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ.» — Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ

(проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу): много живётъ здѣсь народу. —

8.

Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между-тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичь долженъ произвести ему въ Греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье — и такъ далѣе. Крыловъ всё объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его, безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичь провёлъ половину жизни своей!

Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ Греческихъ классиковъ и прочёлъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то Греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постелѣ приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ Греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ-было подъ

кровáть рýку за Эзóпомъ — но тамъ ужé не остáлось никогó изъ Грéковъ. Служáнка Крылóва, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогдá не читáются, и подýмавъ, что, какъ безполéзныя, нарóчно и брóшены онѣ подъ кровáть, вздýмала употреблять ихъ кáждый разъ на подтóпку, когдá приходила топить печь въ спáльнѣ. Онá-то ихъ и перевелá. Замѣчáтельно, что Крылóвъ, самъ собóю свобóдно выучившійся по-Грéчески, чýвствовалъ во всю жизнь отвращéніе отъ Латинскаго языкá — и всегдá говорилъ, что ни изъ чегó бы не рѣшился когдá нибýдь учиться по-Латынѣ.

КНИГА ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ

СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Часть II:я: *Стихи.*

Содержаніе:

Стихотворенія В. А. Жуковскаго:

Стихотворенія М. Лермонтова:

Стихотворенія А. С. Пушкина:

Басни Ивана Андреевича Крылова:

СТИХОТВОРЕ́НІЯ

Васи́лія Андре́евича Жуко́вскаго.

Ру́сская сла́ва.

Свята́я Русь, Славя́нъ могу́чій родъ,
Сколь велика́, сильна́ твоя́ держа́ва!
Каки́мъ путёмъ проби́лся твой наро́дъ!
Въ каки́хъ боя́хъ твоя́ созрѣла сла́ва!
Призва́лъ Варя́га Славяні́нъ;
Пошли́ гуля́ть ихъ бу́йны ра́ти;
Круго́мъ руля́ полно́чныхъ бра́тій
Взревѣлъ испу́ганный Эвкси́нъ . . .
Но вы́шелъ Святосла́вовъ сынъ
И по́днялъ зна́мя Благода́ти.

Была́ пора́: губи́тельный Раздоръ
Вездѣ леталъ съ хору́гвію кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали Гладъ и Моръ;
Разбой, грабёжъ и мщенье были славой;
Отъ Русскихъ Русскихъ кровь текла;
Губилъ Поло́вчанинъ безъ страха;
Лежали грады ку́чей праха
И Русь бѣдою поросла́ . . . .
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка́ была
Душёй великой Монома́ха.

Была пора: Татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубе́жъ храни́тельныя Волги:
Погибло все̑; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучи́тельный и долгій;
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носи́лся въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ . . . .
Но встала Русь передъ врагомъ —
И битва гря́нула Донская.

Была пора: коварный вражій Ляхъ
На русскій тронъ наклика́лъ Самозва́нца;
Заграбилъ всё и Русь, въ его цѣпяхъ,
Въ цари позвать дерзнула чужестра́нца.
Зачахла Ру́сская Земля;
Ей Ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій
И брошенъ былъ вѣне́цъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля́....
Но крикнулъ Ми́нинъ и съ Кремля
Ихъ опроки́нулъ князь Пожарскій.

Была пора: привёлъ къ намъ рати Шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка́ далась наука намъ побѣдъ:
Купили ихъ мы на́шими костями.
То тру́дная была пора:
Пришлецъ и бунтовщи́къ лукавый
Хвалились вы́рвать знамя славы
Изъ рукъ могу́чаго Петра....
Но да́ло ру́сское ура́
Отвѣтъ имъ съ пу́шками Полтавы.

Была пора: Екатери́нинъ вѣкъ.
Въ нёмъ ожила́ вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьгра́дъ Олегъ
И вылъ Дунай подъ лодкой Святосла́ва.
Рымни́къ, Чесма̀, Кагу́льскій бой,
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновлённая Таврида,
День Измаи́ла роково́й
И въ Прагѣ, кровью залито́й,
Москвы отмщённая обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ за́пада узрѣли мы Батыя;

Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстáивать родныя.
Дошли къ намъ цáрскія словá
И стала Русь стѣнóю трона;
Была то злая оборóна:
Дрались за жизнь и за права . . . .
Но загорѣлася Москва —
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ
И Арарáтъ, и Тавра великáны;
И близокъ былъ Стамбýла смертный часъ;
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамёна развернýлъ мятéжъ;
Насъ пóзвалъ Ляхъ на пиръ кровавый;
Но праздникъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ пáмятенъ и свѣжъ . . . .
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: Война и грозный Моръ
Царя и Русь отвсю́ду осадúли;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятéжники знамёна посрамили;
Явился ЦАРЬ: ихъ облилъ страхъ;
Губúтели оцѣпенѣли.
Но гдѣ ОНЪ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
Они воззрѣть и пали въ прахъ? . . . .
Новорождённый сынъ въ рукахъ!
Его несётъ ОНЪ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрáсное дитя,
Хранúмое святыней колыбéли;
Ты Божій даръ: Судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ Áнгелы слетѣли.

Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Сномъ непорочности почiя,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
ОТЕЦЪ Твой будетъ честь Царей;
Возблагоденствуетъ Россiя.

Пѣсня бѣдняка.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божiй мiръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады весёлыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ . . .
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ весёлымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сiяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ олтарёмъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Шильонскiй узникъ.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ незапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишённый сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру — смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть — пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,

Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюрёмной глубины —
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ,
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонёкъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ:
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ вѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжёлъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душёй остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной
И рядомъ съ мёртвымъ я живой
Терзался на полу́ тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены;
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицё чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать;
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны —
Но скоро тоже и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюрёмныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?... но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.

Нашъ младшій братъ, любовь отца . . . .
Увы, черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ всё, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой . . .
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слёзы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ . . . .
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окружёнъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось — вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ — я сказалъ —
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточёнъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Для насъ Алпійскихъ козъ млеко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.

Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ
И изобильемъ окружёнъ
Безъ воли .... И зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ .... я жь ему подать
Рукѝ не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далёкъ.
Я слышать мо́гъ, какъ о́нъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы ....
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы днёвный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
„Въ темницѣ (мнилъ я) мёртвыхъ сонъ
„Не тихъ.“ ... Но былъ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ — образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть ....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ .... вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка .... я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,

Онъ гасъ, столь кроткo-молча-
ливъ,
Столь безнадёжно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-
тихъ,
Безъ слёзъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ .... увы, онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ;
Ни ропота на жребiй свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи .... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкулъ
онъ ....
Молчаньемъ страшнымъ про-
буждёнъ,
Я вслушиваюсь .... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный .... стѣна
Откликнулась .... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ .... къ брату .... бра-
та нѣтъ!
Онъ на столбѣ — какъ вешнiй
цвѣтъ,
Убитый стужей — предо
мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней те-
плоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Всё страшно вдругъ сперлóся
въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ —
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И взоръ на мёртваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я
живъ.
О, сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаёмъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю — вѣра ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь
спасла?

IX.

Но что потомъ сбылóсь со мной,
Не помню .... свѣтъ казался
тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣньи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытiя,
Межъ камней хладнымъ кам-
немъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ
снѣ,
Всё блѣднымъ, тёмнымъ, тус-
клымъ мнѣ;
Всё въ мутную слилóся тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкiй свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяжёнья и границъ;
То были образы безъ лицъ,
То страшный мiръ какой-то
былъ,

Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ
Задавленный тяжёлой мглой,
Недвижный, тёмный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ нежданный посѣтилъ
Мой умъ .... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И мнилось съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживлёнъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго .... мысль моя
Стезёй привычною пошла;
И я очнулся .... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье тоже, таже тма;
Какъ прежде блѣдною струёй
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озарёнъ былъ яснымъ днёмъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣсни той!
И всё то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль? .... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ....
Но утѣшитель вдругъ изчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня....
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ .... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я съ нимъ дважды разлучёнъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственней желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю .... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;

Обо́рванная цѣпь моя
На шеѣ би́лася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотро́нуться моей ногой,
Чтобы послѣ́днія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ око́вами прорыть
Ступе́ни удало́сь въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли . . . . я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Всё, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозврати́мо схоронилъ,
И въ о́бласти весёлой дня
Никто ужь не́ жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на нёмъ,
Какъ о́блако, при ясномъ днѣ
Потѐрянное въ вышинѣ,
И въ ра́достныхъ его лучахъ
Не ну́жное на небесахъ . . . .
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
На красоту́ знакомыхъ горъ,
На ихъ утёсы, ихъ лѣса,
На слиты съ ними небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Всѣ были тѣ жь: на вышинѣ
Вѣками со́зданы снѣга,
Подъ ними альпы и луга,
И бездна о́зера у ногъ,
И Роны блéщущій потокъ
Между зелёныхъ береговъ;
И слышенъ былъ лишь шумъ ручьёвъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазо́ревымъ водамъ
Сверкали ясны облака́;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хи́жины весёлыхъ сёлъ,
И кро́вли свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль бреговъ . . . .
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дѐрева на нёмъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И во́ды были тамъ живы́,
И обвива́лися нѣжны́
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловца́ми приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ,
И при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облака́хъ орёлъ игралъ,
И никогда́ я не видалъ
Его столь быстрымъ — то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ — за нимъ душа рвалась;
И слёзы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль

Мнѣ сжала грудь . . . мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда жь на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ, казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытною землёй;
Но какъ ни тяжко ныла грудь —
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ — день уходилъ —
Шли годы — я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди наконе́цъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что́ и ка́къ? О томъ узнать
И не помыслилъ я — давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ;
Я безнадёжность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ;
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземе́лье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей . . . . тамъ же другъ,
Всё однодо́мецъ было мой:
Паукъ темничный надо мно́й
Тамъ мирно ткалъ въ моёмъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсма́тривать любилъ;
Я къ цѣпи руку прі́училъ;
И . . . . столь себѣ невѣрны мы! . . .
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

Утѣше́ніе.

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладби́щѣ
Дѣва въ чёрной власяни́цѣ
Одино́кая стои́тъ,
И слеза́ любви́ дрожи́тъ
На густо́й ея́ рѣсни́цѣ.

„Нѣтъ его́; на то́мъ онъ свѣтѣ;
„Сердцу смерть его утѣшна:
„Онъ достался небесамъ;
„Будетъ чистый Ангелъ тамъ -
„И любовь моя безгрѣшна.

Скорбь её къ святому лику
Богома́тери подводитъ:
Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,
И на дѣву изъ очей
Милость ти́хая нисходитъ.

Пала дѣва предъ иконой,
И безмо́лвно упова́нья
Отъ Пречи́стыя ждала́ . . . .
И душе́ю перешла
Неприме́тно въ мі́ръ свиданья.

Го́рная доро́га.

Надъ стра́шною бе́здной доро́га бѣжи́тъ,
Межъ жи́знью и сме́ртію мчи́тся;
Толпа́ велика́новъ её сторожи́тъ;
Поги́бель надъ не́ю гнѣзди́тся.
Страши́сь пробужде́нья лави́ны ужа́сной:
Въ молча́ньи пройди́ по доро́гѣ опа́сной.

Тамъ мостъ че́резъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу́ перегнулся;
Не сме́ртною бы́лъ онъ поставленъ рукой —
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
Сразить его рвётся и вѣкъ не сразитъ.

Тамъ, грозно раздавшись, стоя́тъ ворота̀;
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ — долина, долинъ красота;
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушёлъ, улетѣлъ.

Четыре потока оттуда шумятъ —
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Раждаются вмѣстѣ; родясь, разстаются;
Бѣгутъ безъ возврата и вѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два утёса стоятъ,
Превыше всего, что земное;
Кругомъ облака́ золотыя кипятъ,
Эѳира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко́ и свѣтло́
На вѣчно-незы́блемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиваетъ чело,
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Её золотитъ, но не можетъ согрѣть.

Мо́ре.

Безмо́лвное мо́ре, лазу́рное мо́ре,
Стою очаро́ванъ надъ бе́здной твое́й.
Ты жи́во; ты ды́шешь; смяте́нной любо́вью,
Трево́жною ду́мой напо́лнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубо́кую тайну твою:
Что движетъ твоё необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далёкое, свѣтлое небо къ себѣ? . . .
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льёшься его свѣтоза́рной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака́ золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются тёмныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу . . .
И мгла исчезае́тъ и тучи уходятъ;
Но полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь изпуганны волны,
И сладостный блескъ возвращённыхъ небесъ

Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ бездвѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Мщеніе.

Измѣнной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой —
И трупъ поглощёнъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжёлый его утопилъ.

Графъ Гапсбургскій.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь Избирателей чиномъ

Устрóенный дрéвле свершáя обрядъ,
Блистáли, какъ звѣзды предъ сóлнцемъ блестятъ,
Предъ нóвымъ своймъ властелйномъ.

Кругóмъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землёю былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могучимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; всё пируетъ со мной;
„Все царскій мой духъ восхищаетъ;
„Но гдѣ жь утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
„Придетъ ли мнѣ душу разтрогать Пѣвецъ
„Игрой и благимъ поученьемъ?
„Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
„Днесь Кесарь, покину ль обычай святой
„Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живётъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поётъ,
О всёмъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ....

О чёмъ же Властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой;
(Пѣвцу отвѣчаетъ Властитель)
Онъ высшую силу призна́лъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И тёмное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идётъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

„И на́божный Графъ, умилённый душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, Кто живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаётъ;
И обувь снимаетъ и смѣло идётъ
Съ свяще́нною ношею въ воду.

„Куда́?“ изумившийся Графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждётъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небе́сныя пищи.
Недавно лежа́лъ черезъ этотъ потокъ
Сплетённый изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнажённой стопою. —

И пастырю витязь коня уступилъ,
И по́далъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Приходитъ ко Графу, смире́нно коня
Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спаси́телю-Бо́гу служи́вши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чьё даянье —
Всѣ блага земныя и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу и честь и дыханье.“

— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;

Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтёнъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды." — —

И въ думѣ главу Императоръ склонилъ:
Минувшее въ нёмъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слёзы, изъ глазъ побѣжавши струёй,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ . . . .
Всё смолкло, на Кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался кто на́божный Графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Неожи́данное свида́ніе.

Быль.

Лѣтъ за се́мдесятъ, въ Шве́ціи, въ го́родѣ го́рномъ Фаллу́нѣ,
У́тромъ одни́мъ молодо́й рудоко́пъ. на свида́ньи съ своею
Скро́мной, ми́лой невѣстою, та́къ ей сказа́лъ: черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ не до́логъ) мы бу́демъ му́жъ и жена́; и надъ на́ми
Благослове́ніе Бо́жіе бу́детъ. — „И въ нашей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселя́тся" сказала невѣста.
Но́, когда́ возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Це́ркви: кто́ зако́нное браку препя́тствіе знаетъ,
Пусть объя́витъ объ нёмъ, тогда съ запрещеньемъ явилась
Смерть. Накану́нѣ бра́чнаго дня, идя́ въ рудокопню
Въ чёрномъ пла̀тьѣ своёмъ (рудокопъ никогда не сымаетъ

Чёрнаго платья), женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: доброе утро! но добрый
Вечеръ! онъ ужъ ей не сказалъ, и назадъ не пришёлъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни послѣ....
Рано поутру одѣлась она въ вѣнчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришёлъ онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго объ нёмъ, и его никогда не забыла.
Вотъ въ Португаллíи весь Лиссабонъ уничтоженъ былъ страшнымъ
Землетрясеньемъ; война семилѣтняя кончилась; умеръ
Францъ Императоръ; былъ Іезуитскій орденъ разрушенъ;
Польша изчезла; скончалась Марія Терезія; умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала свободна; въ могилу
Лёгъ Императоръ Іосифъ второй; революціи пламя
Вспыхнуло; добрый Король Людовикъ, возведённый на плаху,
Умеръ святымъ; на Русскомъ престолѣ не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и рухнулъ;
И на далёкой скалѣ Океана изгнанникомъ умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покрывалися жатвой,
Пашни сочной травою, холмы золотымъ виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проникалъ съ фонарёмъ рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось что умеръ
Съ часъ не болѣ, иль только прилёгъ отдохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ тёмной земныя утробы
Вынесенъ былъ — отецъ, и мать, и друзья, и родные
Мёртвы ужъ были давно; не нашлось никого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бъ помнилъ, когда съ нимъ случилось несчастье.
Мёртвый товарищъ умершаго племени, чуждый живому,
Онъ сиротою лежалъ на землѣ посреди равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды

Утромъ, за́ день до сва́дьбы своей, пошёлъ на работу
Въ ру́дникъ, и болѣ назадъ не пришёлъ. Подпира́ясь клюко́ю,
Тре́петнымъ ша́гомъ туда́ прибрела́ сѣда́я стару́шка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаётъ жениха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она предстоявшимъ сказала:
Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь ещё передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За́ день до свадьбы, пошёлъ онъ работать
Въ землю, но та́мъ и остался. — У всѣхъ разогрѣлося сердце
Нѣжнымъ чу́вствомъ при ви́дѣ бывшей невѣсты, увя́дшей,
Дря́хлой, надъ бы́вшимъ ея́ женихо́мъ, сохрани́вшимъ всю пре́лесть
Мла́дости свѣжей. Но о́нъ не просну́лся на го́лосъ знако́мый;
Онъ не открылъ ни очей для узна́нья, ни у́стъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладби́ще его понесли, съ умиленьемъ
Дру́га давни́шней мла́дости въ зе́млю она́ проводи́ла;
Тихо смотрѣла, какъ гро́бъ засыпа́ли; когда́ же изчезъ онъ,
Свѣжей моги́лѣ она́ поклони́лась, пошла́, и сказа́ла:
„Что́ одна́жды земля́ отдала́, то отда́стъ и въ друго́й разъ!“

Бороди́нская годовщи́на.

Ру́сскій Царь созва́лъ дружи́ны
Для вели́кой годовщи́ны
На поля́хъ Бородина́.
Тамъ земля́ окрещена́;
Кровь на ней была́ свята́я,
Тамъ, престо́лъ и Русь спаса́я,
Во́йско цѣлое легло́,
И престо́лъ и Русь спасло́.

Ка́къ ярилась, ка́къ кипѣла,
Ка́къ пылала, ка́къ гремѣла
Здѣсь на́родная война
Въ страшный день Бородина!
На полки́ полки бросались,
Хо́лмы въ громахъ загора́лись,
Бомбы па́дали дождёмъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благово́нно-золота́я
Жатва плещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорный бились, тамъ
Мирныхъ и́нокинь обитель;
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ
Всѣхъ рѣшитель браней крестъ.

И на пиръ поминове́нья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужь Царёмъ
Собрана́ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь мно́гія свершились
Чу́дной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена,
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей Царёмъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже — тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ Герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Всё, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сен-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И Боецъ, сынъ Аполлоновъ....
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино....
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ нёмъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили;
И тебя мы схоронили,
Ты, Который тронъ и насъ
Твёрдымъ Царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, Царей Диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

О година Русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ Державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шёлъ!

Ка́къ спаси́тельно Онъ ввёлъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Ка́къ незлобно Онъ десницу
Протяну́лъ врагамъ Своимъ!
Какъ гордился Русскій Имъ!

Вдругъ . . . . отъ всѣхъ честе́й далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ пла́чущей женой,
Нашъ Владыка, нашъ Герой,
Гаснетъ Царь благословéнной:
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погреба́льный сливши́сь ходъ,
Вся Имперíя идётъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ всё трепетало! . . .
Есть далёкая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая —
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ . . . .
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блиста́тельныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы Царёмъ;
До Стамбула Русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы Султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солда́тъ.

И всё царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гра́нью сталъ Араксъ;
Арзеру́мъ сдался́ намъ дикій.
Закипѣ́лъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой ру́хнулъ бунтъ.

И, нежда́нная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда:
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразя́сь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзоле́й нашъ говоритъ:
«Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ.»

Всходитъ дне́вное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далёко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ ди́вною бронёю,
Бородинскою землёю;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,

Небомъ по́лная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усо́пшая къ живой.

Несказа́нное мгновенье!
Лишь изрёкъ, свершивъ моленье,
Предстоя́вшій алтарю:
Память вѣчная Царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бороди́нскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ а́рмія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смире́нный, нашъ держав-ный,
Нашъ спаси́тельный Герой!
Ты обѣтъ изрёкъ святой,
Слово съ трона роковое
Повтори́лось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простира́етъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью ста-немъ;
Въ свой чередъ мы васъ помя-немъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за о́бщую насъ мать.

Су́дъ бо́жій надъ Епи́скопомъ.

Были и лѣто и о́сень дождли́вы;
Бѣли потóплены па́жити, ни́вы;
Хлѣбъ на поля́хъ не созрѣлъ и пропа́лъ;
Сдѣлался го́лодъ, наро́дъ умира́лъ.
Но у Епи́скопа ми́лостью неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберёгъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ Епископъ Гаттонъ.
Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери Епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ Епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.
Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышутъ, скликаетъ Епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до нежданнаго чуда:
„Вынулъ Епископъ добро изъ подъ спуда;
„Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зовётъ."
Такъ говорилъ изумлённый народъ.
Къ сроку собрáлися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа до кости;
Старый, огромный сарай отворёнъ:
Въ нёмъ угостить ихъ Епископъ Гаттонъ.
Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края....
Кáкъ же ихъ принялъ Епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожжёнъ.
Глядя Епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: бýдутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.
Въ зáмокъ Епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ....
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.
Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Тáкъ, что холстѝны и признáка нѣтъ.
Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ....
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
„Наша окрýга мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна."
Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
„Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой зáмокъ, Епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ."
Ходъ былъ до Рейна отъ зáмка подзéмной;
Въ страхѣ Епископъ дорогою тёмной

Къ брегу изъ за̀мка пробраться спѣшитъ:
Въ Реинской башнѣ спасуся! онъ мнитъ.
Башня изъ Реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утёсомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.
Въ лёгкую лодку Епископъ садится;
Къ башнѣ прича́лилъ, дверь за́перъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.
Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшётками о́кна забиты,
Ставни чугунныя, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.
Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На́ полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится . . . .
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.
Смотритъ онъ . . . . кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ сей грѣшника давитъ и мучитъ;
Ме́чется кошка; неве́село ей:
Чуетъ она приближенье мышей.
Палъ на колѣни Епископъ и крикомъ
Бога зовётъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ . . . . а мыши плывутъ . . . .
Ближе и ближе . . . , доплы́ли . . . . ползутъ.
Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ ропганьемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.
Вдругъ ворвали́сь неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь о́кна, сквозь двери,
Съ переди, съ зади, съ боковъ, съ высоты . . . .
Что́ тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздёрнутъ былъ онъ....
Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттонъ.

Ку́бокъ.

„Кто, рыцарь ли зна́тный иль ла́тникъ просто́й
„Въ ту бе́здну прыгнётъ съ вышины́?
„Броса́ю мой ку́бокъ туда́ золото́й:
„Кто сыщетъ во тмѣ́ глубины́
„Мой ку́бокъ и съ ни́мъ возврати́тся безвре́дно,
„Тому́ онъ да бу́детъ награ́дой побѣ́дной.“

Такъ Царь возгласи́лъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бе́здной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
„Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?“

Но рыцарь и латникъ недвижны стоятъ,
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ Царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?“

И всѣ безотвѣтны.... вдругъ па́жъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладётъ....
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину....
Текли изъ жерла поглощённы валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьётъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
Не море ль изъ моря извéргнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось чёрною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь изтощённаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъярённый приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасётъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло .... въ ней глухо шумитъ ....
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!"
Всё тише и тише на днѣ ея воетъ ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

"И если ты бросишь вѣнецъ свой златой,
„Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,

„Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
„Меня твой престолъ не прельститъ.
„Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
„Ничья здѣсь душа́ не раскажетъ живая.

„Не мало судовъ, закружённыхъ волной,
„Глотала ея грубина:
„Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
„Съ ея неприступнаго дна“ . . . .
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалёкой.

И воетъ, и свищетъ, и бьётъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ . . .
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Изве́ргнутый бездны зія̈ющимъ звѣомъ.

Вдругъ . . . . что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной . . . .
Мелькнула рука и плечо изъ волны . . . .
И борется, споритъ съ волной . . . .
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ . . . .
И каждый съ весельемъ, онъ живъ! повторялъ:
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
„Изъ тёмнаго гроба, изъ пропасти влажной
„Спасъ душу живую красавецъ отважной.“

Онъ на́ берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой,
Къ Царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочь свою Царь подозвалъ:

Дать юноши кубокъ съ струёй винограда;
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ Царь! Кто живётъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ . . . .
И смертный предъ Богомъ смирись:
Узнать никогда не желай дерзновенно
Того, что отъ насъ Имъ во тмѣ сокровенно.

„Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда . . . .
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлёкъ
Меня въ глубину съ непонятною силой . . . .
И страшно меня тамъ кружило и било.

„Но Богу молитву тогда я принёсъ,
И онъ мнѣ Спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утёсъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

„И смутно всё было въ низу подо мной
Въ пурпу́ровомъ сумракѣ тамъ;
Всё спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины неописанны чуды.

„И зрѣлъ я, какъ въ чёрной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

„И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межь чудовищь съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко́
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межь страшныхъ жильцёвъ подземелья нѣмова.

„И я содрогался . . . . вдругъ слышу: ползётъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ . . . .
Я въ ужасъ прочь отъ скалы! . . . .
То было спасеньемъ: обхваченъ приливомъ,
Я выброшенъ вверхъ водомёта порывомъ.“

Чудесенъ разсказъ показался Царю:
„Возми же мой кубокъ златой;
„Съ нимъ вмѣстѣ мой перстень тебѣ подарю,
„На коемъ алмазъ дорогой,
„Когда ты на подвигъ отважишься снова
„И тайны всѣ дна перескажешь морскаго.“

То слыша, Царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, Царю говоритъ:
Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто́ совершитъ?
И если ужь должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.

Но Царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину пустилъ съ высоты:
„И будешь ты рыцарь любимѣйшій мой,
„Когда съ нимъ воротишься ты;
„И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
„Заступница, будетъ твоею женою.“

Въ нёмъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;

Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ . . . .
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны . . . .

Утихнула бездна . . . . и снова шумитъ . . . .
И пѣною снова полна . . . .
И съ трепетомъ въ бездну Царевна глядитъ . . . .
И бьётъ за волною волна . . . .
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Отры́вки изъ испа́нскихъ рома́нсовъ о Си́дѣ.

I.

Мра́ченъ, гру́стенъ До́нъ-Діе́го ....
Что́ сравни́ть съ его́ печа́лью?
День и ночь онъ помышля́етъ
О безчестіи своёмъ.
Посрамлёнъ навѣки древній,
Знамени́тый домъ Лейесовъ;
Неравня́лись ни Иниги,
Ни Аварки славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнурённый старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжеству́ющій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По наро́дной площадѝ.
Напослѣдокъ, свѐргнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновѐй своихъ созва́лъ онъ,
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко
Благоро́дныя ихъ руки.
И, трепе́щущіе, робко
Вопроша́ютъ сыновья:
„Что́ ты дѣлаешь, родитель?
„Умертви́ть ли насъ замыслилъ?“
Нѣтъ душѣ его надёжды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну мла́дшему Родригу, —
Въ нёмъ опять она воскресла;
Засверка́въ очами тигра,
Возопи́лъ младой Родриго:
„Развяжи́, отецъ, мнѣ руки!
„Развяжи́! когда бъ ты не́ былъ
„Мой отецъ, я не словами
„Далъ себѣ тогда бъ управу;
„Я бы со́бственной рукою
„Вну́тренность твою исторгнулъ;
„Мнѣ мечёмъ или кинжаломъ
„Были пальцы бы мои!“
— Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя — мнѣ исцѣленье;

Грозный гнѣвъ твой — мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь её. —
И Родригу разсказáлъ онъ
Про свою тогда обиду.
И его благословилъ.

II.

Слёзы льются, тихо льются
По ланитамъ Донъ-Діега;
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, всё позабывъ;
О стыдѣ своёмъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,
О ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.
Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамлённыхъ;
Въ слѣдъ за нею убѣгаютъ
И довѣренность съ надеждой;
Но, цвѣтущія, младыя
Сёстры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погружённый
Донъ-Діего не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечёмъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь проникнутъ
Сострадáніемъ глубокимъ,
На отца глядѣлъ безмолвно;
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: ѣшь, родитель!
Говорйтъ, придвинувъ пищу.
Но сильнѣе плачетъ старецъ.
— Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даёшь такой совѣтъ? —
„Я родитель! смѣло можешь
„Ты поднять своё святое,
„Благорóдное лицё."
— Спасенá ли наша слава? —
„Мой родитель, онъ убитъ."
— Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ сопéрникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой.
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонйвъ свои колѣна,
Лобызáетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діего,
Умилённый, лобызаетъ
Сына въ очи и устá.

Ночнóй смотръ.

Въ двѣнáдцать часóвъ по ночáмъ
Изъ грóба встаётъ барабáнщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьётъ онъ проворно тревогу.
И въ тёмныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ Русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ,

Встаютъ съ Африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ тёмныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На лёгкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаётъ полководецъ;
На нёмъ сверхъ мундира сертукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фрунту,
И Маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ Адъютанты;
И армія честь отдаётъ,
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ Генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ,
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И Франція тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ Святая Елена.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаётъ Императоръ усопшій.

Отрывки изъ драмматической поэмы Орлеанская дѣва.

Прощáніе Іоáнны съ рóдиною.

Іоанна. Дóлго стоитъ въ задýмчивости.

Простúте вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мúрный, ясный дóлъ, простú;
Съ Іоáнной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говорúтъ: прости.
Друзья-луга, древа, мои питомицы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, слáдостный долúны гóлосъ, эхо,

Такъ часто здѣсь игра́вшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.
Мѣста, гдѣ всё бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой . . . .
Безъ па́стыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На па́житяхъ крова́выя войны.
Такъ вышнее назна́чило избра́нье;
Меня стремитъ не су́етныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ Пророку нисходи́лъ,
Кто на Царя подвигнулъ Моисея,
Кто о́трока Давида укрѣпилъ —
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя —
Кто па́стырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
„Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

„Надѣть должна ты латы боевыя,
„Въ желѣзо грудь младую заковать;
„Страшись надеждъ, не знай любви земныя . . . .
„Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
„Не быть тебѣ душой семьи родныя;
„Цвѣту́щаго младенца не ласкать! . . .
„Но въ битвахъ Я главу твою прославлю:
„Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

„Когда начнётъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
„И роково́й пробьётъ отчизнѣ часъ —
„Возмёшь мою ты Орифла́мму въ длани,
„И мощь враговъ сорвёшь, какъ жница класъ;
„Поставишь ихъ надмѣнной власти грани,
„Преобрати́шь во плачъ побѣдный гласъ,

„Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
„И Карла въ Реймсъ введёшь надѣть корону.“

Мнѣ обѣщáлъ Небесный извѣщенье,
Испóлнилось . . . . и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновéнье.
Съ нимъ мýжество, какъ Божій Херувимъ . . . .
Въ кипящій бой несётъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ . . . .
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

Іоáнна въ Королéвскомъ лáгерѣ.

I.

Корóль.

Идётъ.
Займи моё на врéмя мѣсто;
Прорóчицу мы óпыту подвéргнемъ;
Когдá съ небéсъ ей пóслано всезнáнье —
Онá самá открóетъ Королá.

Входитъ, *Іоáнна*, са нéю *Чинóвники Орлеáнскіе* и мнóжество *Рыцарей*.

Дюнуá, съ вáжностію.

Ты, дивная . . . .

Іоáнна прерываéтъ его величественно.

Ты Бóга испытýешь;
Не на своёмъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

Рѣшительно приближáется къ Королю, преклоняéтъ предъ нимъ колѣно, потóмъ встаётъ и на нѣсколько шагóвъ отступáетъ. Дюнуá схóдитъ съ мѣста. Корóль остаётся одинъ посреди сцéны.

Корóль.

Моё лицó ты видишь въ пéрвый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

Іóанна.

Я видѣла тебя . . . . но только тáмъ,

Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.

Приближается и говоритъ таинственно.

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ всё кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ — не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простёрся?
Вели имъ выйти . . . . . я твою молитву
Тебѣ скажу.

Король.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну —
Тогда твоё признаю назначенье.

Іоанна.

Ты произнёсъ предъ Богомъ три молитвы!
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній —
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незагладенной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война —
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король отступая съ трепетомъ.

Но кто же ты, чудесная? . . . Откуда? . . .

Всѣ въ изумленіи.

Іоанна.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И всё отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ —
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,

Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

Король закрываетъ лицё и плачетъ. Движенія изумленія въ толпѣ.

Іоанна помолчавъ, продолжаетъ.

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

Король.

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

Архіепископъ.

Откройся жь намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Іоанна.

Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить но тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу, какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ . . . .
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ Короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы —
Къ нему толпой приходятъ богомольцы —
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ — меня стремило сердце —
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягнёнку затеряться,

Пропа́дшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я ду́бомъ засыпа́ла.
И разъ — всю ночь съ усе́рдною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ дубомъ —
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечь и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой; и сказала:
„Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
„Господь тебя къ иному призываетъ.
„Возми сіе святое знамя; мечь
„Сей опоя́шь и имъ неустраши́мо
„Рази враговъ народа моего,
„И проведі́ Пома́занника въ Реймсъ,
„И увѣнча́й его вѣнцёмъ наслѣднымъ.“
Но я сказала: мнѣль, смиренной дѣвѣ,
Нео́пытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать?
„Дерзай — она рекла мнѣ; чистой дѣвѣ
„Доступно всё вели́кое земли,
„Когда земной любви она не знаетъ.“
Тогда моихъ очей Она коснулась . . . .
Подъемлю взоръ: испо́лнено всё небо
Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекра́сныя лилеи;
И въ во́здухѣ провѣялъ сладкій голосъ . . . . .
И такъ Пречи́стая три ночи съ ряду
Являлась мнѣ и говори́ла: „встань,
„Господь тебя къ иному призываетъ.“
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ стро́гое сіе вѣщала слово:
„Удѣлъ жены — тяжёлое терпѣнье;
„Возми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
„Въ страда́ніи земное очищенье;
„Смиренный здѣсь — возвы́шенъ будетъ тамъ.“

И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И мёдленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обителн блаже́нства полетѣла.

II.

Геро́льдъ.

Военача́льникъ мой, жалѣя кро́ви,
Кото́рая проли́та и прольётся,
Свой грозный мечь въ ножнахъ остановилъ;
И ги́бнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

Король.

Въ какой?

Іоа́нна.

Позволь мнѣ и́менемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ геро́льду.

Король.

Говори́,
Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

Іо́анна.

Кто говори́тъ, герольдъ, въ твоёмъ лицѣ?

Герольдъ.

Графъ Салисбу́ри, вождь Брита́нцевъ.

Іо́анна.

Лжёшь,
Герольдъ; одни живые говорятъ;
И такъ твой вождь здѣсь говори́ть не можетъ.

Герольдъ.

Но вождь мой живъ — и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

Іо́анна.

Вчера былъ живъ, а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,

Когда стоялъ на башнѣ Латурнéль.
Смѣёшься ты моей чудесной вѣсти;
Но вѣрь не мнѣ — своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ
Печáльными его похоронáми.
Теперь скажи: въ чёмъ вáше предложенье?

Герольдъ.

Когда тебѣ всё тáйное открыто —
Его сама ты знаешь безъ меня.

Іоáнна.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова Британскимъ полководцамъ:
Ты, Англійскій Король, ты гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевы́шнему отчётъ
За кровь пролúтую; готóвьтесь вы́дать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божéственнаго права.
Отъ Гóспода предъи́збранная дѣва
Несётъ вамъ миръ иль гибель — выбирáйте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевы́шній завѣщалъ
Святую Фрáнцію — по моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любóвію народа окружённый . . . .
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;
Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достúгнешь ты — ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровáвою свобóдой Орлеáна.

Ухóдитъ; всѣ за нéю.

СТИХОТВОРЕ́НІЯ М. ЛЕ́РМОНТОВА.

Три па́льмы.

(Восто́чное сказа́ніе.)

Въ песча́ныхъ степя́хъ аравійской земли́
Три го́рдыя па́льмы высо́ко росли́.
Родни́къ между ни́ми изъ по́чвы безпло́дной,
Журча́, пробива́лся волно́ю холо́дной,
Храни́мый, подъ сѣнью зелёныхъ листо́въ,
Отъ зно́йныхъ луче́й и лету́чихъ песко́въ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студёной
Еще не склонялся подъ кущей зелёной,
И стали ужь сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ! . .
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!»

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужь крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шёлъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твёрдыхъ горбовъ
Узорныя по́лы походныхъ шатровъ;

Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И чёрныя очи оттуда сверкали . . .
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, поражённый стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плёчамъ фари́са вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копьё на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ весёлый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студёный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ со́рвали ма́лыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнёмъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной:
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ:

Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскалённый заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Бородинó.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не дáромъ
Москвá, спалённая пожáромъ,
Французу отданá?
Вѣдь были жь схвáтки боевыя?
Да, говорятъ, ещё какія!
Не дáромъ пóмнитъ вся Россія
Про день Бородинá!»

— Да, были люди въ наше время,
Не тó, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немнóгіе вернулись съ поля...
Не будь на тó Господня воля,
Не óтдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жь мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры?
Чужіе изорвáть мундиры
О рýсскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Пострóили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощý я друга!
Постóй-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожáлуй къ бою;
Ужь мы пойдёмъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За рóдину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Чтó толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилёгъ вздремнуть я у лафета.
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовáлъ Французъ.
Но тихъ былъ нáшъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Всё шýмно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рождёнъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сражёнъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
«Умрёмте жъ подъ Москвой,
«Какъ наши братья умирáли!»
— И умерéть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двúнулись какъ тучи,
И всё на нашъ редутъ.
Уланы съ пёстрыми значками,
Драгуны съ кóнскими хвостами,
Всѣ промелькнýли передъ нами,
Всѣ побывáли тутъ.

Вамъ не видáть такихъ сраженій!..
Носились знаменá какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетáть мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Чтò значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопáшный бой!..
Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смéрклось. Были всѣ готовы
Заýтра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещáли барабаны —
И отступúли басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товáрищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могýчее, лихое племя,
Богатырú — не вы.
Плохáя имъ достáлась доля:
Не мнóгіе вернýлись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не óтдали бъ Москвы!

Воздýшный корáбль.

(Изъ Зéйдлица.)

По синимъ волнáмъ океáна,
Лишь звѣзды блеснýтъ въ небесáхъ,
Корáбль одинóкій несётся,
Несётся на всѣхъ парусáхъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгерá не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на нёмъ капитана,
Не видно матросовъ на нёмъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни-по-чёмъ.

Есть островъ на томъ океанѣ -
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на нёмъ камень тяжёлый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаётъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На нёмъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идётъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несётся онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнёмъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идётъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зовётъ.

Но спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и вперёдъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зовётъ:

Зовётъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слёзы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идётъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Споръ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ, —
Берегитесь! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льётъ Грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена
Безглагольна, недвижима
Мёртвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ жёлтый Нилъ
Раскалённыя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поётъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Всё что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!

— «Не хвались ещё заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущонъ;
И, смутясь, на сѣверъ тёмный
Взоры кинулъ онъ,
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль,
Мчатся пёстрые уланы,
Подымая пыль;

Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамёны,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведётъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно — медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный чёрныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счёлъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Александра Сергѣевича Пушкина.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ сёла и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрёкъ онъ мечамъ и пожарамъ,
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ тёмнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идётъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?

И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любáго возмёшь ты коня. —

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово моё:
Воителю слава отрада;
Побѣдой прослáвлено ймя твоё;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ нéдругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы . . .
Подъ грозной бронёй ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничево;
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;

И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай мой товарищъ, мой вѣрный слуга;
Растаться настало намъ время:
Теперь отдыхáй; ужъ не ступитъ нога
Въ твоё позлащённое стремя.
Прощай, утѣшайся; да помни меня.
Вы, óтроки-дрýги, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тóтчасъ съ конёмъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ весёломъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ ýтренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана . . .
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Всё также ль легóкъ его бѣгъ?
Всё тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что́ же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!

Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалёкой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мёртвой главы гробовая змѣя
Шипя между-тѣмъ выползала;
Какъ чёрная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Женихъ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала,
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ и давитъ.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ.
Онъ! онъ! узнала! говоритъ,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ.
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
«У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статной, и проворной,
Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, умёнъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется вполсъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живётъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Её за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?»
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведётъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтёлкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,

Не всё косаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студёною поитъ
И льётъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говоритъ: «послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
На славу мёдъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»

«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
Я жизнь отдать!» — И пиръ горой,
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные пришли,
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ,
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всѣ за столъ.
Звенятъ, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;
Всё шумно, гости пьяны.
Женихъ. *«А что же, милые друзья,*
Невѣста красная моя
Не пьётъ, не ѣстъ, не служитъ:
О чёмъ невѣста тужитъ?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ:
«Откроюсь наудачу.
Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сонъ меня крушитъ.»
Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласитъ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя моё родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она,
Зашла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною.
Я къ ней, стучу — молчатъ. Зову —
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
Вездѣ сребро, да злато,
Всё свѣтло и богато.»

Женихъ. *«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?*
Знать жить тебѣ богато.»
Невѣста *«Постой, сударь, не конченъ онъ.*
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,

На Новгородскую канчу
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ . . .
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣе дверью хлопъ,
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосо́въ . . .
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Краса́вица-дѣвица.

«Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшой,
По лѣву голубица
Краса́вица-дѣвица.

«Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгу́льное похмѣлье . . .»
Жени́хъ. *«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?*
Вѣщаетъ онъ веселье.»
Невѣста. *«Постой, суда́рь, не конченъ онъ.*
Идётъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ ве́село бушуетъ,
Лишь дѣви́ца горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьётъ,
И токомъ слёзы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ берётъ,
Присвистывая точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу́,
И вдругъ хватаетъ за косу́,
Злодѣй дѣвицу губитъ,
Ей праву руку рубитъ.»

Ну, это, говори́тъ женихъ,
Прямая небыли́ца!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ мо́лвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо кати́тся и звенитъ,
Женихъ дрожитъ блѣднѣя;
Смутились гости — судъ гласитъ:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличёнъ,
И скоро сме́ртію казнёнъ,
Просла́вилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

Уто́пленникъ.

Прибѣжа́ли въ и́збу дѣти,
Второпя́хъ зову́тъ отца́:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащи́ли мертвеца́.»
Вра́те, вра́те, бѣсеня́та,
Заворча́лъ на ни́хъ отецъ;
О́хъ, ужъ э́ти мнѣ ребя́та!
Бу́детъ ва́мъ ужо́ мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь ...
Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, эвотъ!
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разтосланъ мокрый неводъ,
Мёртвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ;
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ;
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мёртвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошёлъ домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу.
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то, поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ! —
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занёсъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ.
Всё въ нёмъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки чёрные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ нёмъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ,
И до утра всё стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Бонапартъ и Черногорцы.

«Черногорцы? что́ такое?»
Бонапарте вопросилъ:
«Правда ль: это племя злое,
«Не боится нашихъ силъ?

«Такъ раскаются жъ нахалы:
«Объявить ихъ старшинамъ,
«Чтобы ружья и кинжалы
«Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлётъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждёмъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя всё кругомъ.

. . . .
. . . .

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Моли́тва.

Отцы-пусты́нники и жёны непоро́чны,
Чтобъ се́рдцемъ возлета́ть во о́бласти заочны,
Чтобъ укрѣпля́ть его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили мно́жество боже́ственныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, кото́рую свяще́нникъ повторяетъ
Во дни печа́льные вели́каго поста;
Всѣхъ ча́ще мнѣ она́ приходитъ на уста —
И па́дшаго свѣжи́тъ невѣ́домою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ пра́здности унылой,
Любонача́лія, змѣи сокры́той сей,
И праздносло́вія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣше́нья,
Да братъ мой отъ меня не при́метъ осужденья,
И духъ смире́нія, терпѣ́нія, любви
И цѣлому́дрія мнѣ въ сердцѣ оживи́.»

Кавка́зъ.

Кавка́зъ подо мно́ю. Оди́нъ въ вышинѣ́
Стою́ надъ снѣга́ми у кра́я стремнины:
Орёлъ, съ отдалённой поднявшись верши́ны,
Паритъ неподви́жно со мной наравнѣ.
Отсе́лѣ я вижу пото́ковъ рожденье
И пе́рвое грозныхъ обва́ловъ движенье.

Здѣсь тучи смире́нно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низверга́ясь шумятъ водопады;
Подъ ними утёсовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, куста́рникъ сухой;
А та́мъ уже рощи, зелёныя сѣни,
Гдѣ птицы щебе́чутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ весёлымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьётся о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утёсы голодной волной . . . .
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Обвáлъ.

Дробя́сь о мрáчныя скалы́,
Шумя́тъ и пѣ́нятся валы́,
И надо мной кричáтъ орлы,
И рóпщетъ боръ,
И блéщутъ средь волни́стой мглы
Верши́ны горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грóхотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Тéрека могучій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга . . . .
Ты затопи́лъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прóрванный обвалъ
Неталой гру́дою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по нёмъ широкій шёлъ:
И конь скакалъ, и влёкся волъ
И своегó верблюда вёлъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь эолъ,
Небесъ жилецъ.

Делибашъ

Перестрѣлка за холмами,
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ козаками
Вьётся красный делибашъ.

Делибашъ! не суйся къ лавѣ,
Пожалѣй своё житьё;
Вмигъ аминь лихой забавѣ —
Попадёшься на копьё.

Эй, козакъ! не рвися къ бою:
Делибашъ на всёмъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ . . . .
Посмотрите каковы? . . . .
Делибашъ уже на пикѣ,
А козакъ безъ головы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ, —
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдёмъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединённый,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ,
Переживётъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлётъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ.

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ всё бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Мѣ́дный вса́дникъ.

Петербу́ргская по́вѣсть. *)

Вступле́ніе.

На берегу́ пусты́нныхъ волнъ
Стоя́лъ Онъ, думъ вели́кихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широ́ко
Рѣка́ неслáся; бѣдный чёлнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли и́збы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убо́гаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спря́таннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложёнъ,
На-зло надмéнному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубúть окно,
Ногою твёрдой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ-гости будутъ къ намъ —
И запиру́емъ на-просторѣ»
Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознёсся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
Печальный пáсынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживлённымъ берегамъ
Громады стро́йныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ при́станямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелёными садами
Ея покрылись острова́ —
И передъ мла́дшею столицей
Главой склони́лася Москва,
Какъ передъ но́вою царицей
Порфироно́сная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы держáвное теченье,
Берегово́й ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,

---

*) Происше́ствіе, опи́санное въ сей по́вѣсти, осно́вано на и́стинѣ. Подро́бности наводне́нія заимствованы изъ тогда́шнихъ журна́ловъ. Любопы́тные мо́гутъ спра́виться съ извѣ́стіемъ, соста́вленнымъ В. Н. Бе́рхомъ.

Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей;
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знамёнъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простреленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій лёдъ
Нева къ морямъ его несётъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣждённая стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье....
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну своё повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

Часть первая.

Надъ омрачённымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной;
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной;
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ-гостей домой
Пришёлъ Евгеній молодой....
Мы будемъ нашего героя

Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ прiятно; съ нимъ давно
Моё перо ужъ какъ-то дружно;
Прозванье намъ его не нужно —
Хотя въ минувшiи времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живётъ въ Коломнѣ *); гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.
И такъ домой пришёлъ Евгенiй,
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, лёгъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленiй.
О чёмъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такiе праздные счастливцы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служитъ онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлучёнъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ выль не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито . . .
Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаётъ . . .
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури . . .
И спорить стало ей не въ-мочь . . .
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъярённыхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Всё побѣжало, всё вокругъ
Вдругъ опустѣло . . . Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшёткамъ хлынули каналы —

*) Часть города въ С. Петербургѣ.

И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погружёнъ.

Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чёлны
Съ разбѣга стёкла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, брёвна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесённые мосты,
Гробá съ размытаго кладбища
Плывутъ по ýлицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждётъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались ýлицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ ýлицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.
Тогда, на площади Петровой —
Гдѣ домъ въ углу вознёсся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился бѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицё хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущённой глубины,
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки . . . . Боже, Боже! тамъ —
Увы! близёхонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта . . . Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землёй?

И онъ, какъ будто околдóванъ,
Какъ будто къ мрáмору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.

И обращёнъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущённою Невою,
Сидитъ съ простёртою рукою
Гигантъ на брóнзовомъ конѣ.

Часть вторáя.

Но вотъ, насытясь разрушéньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидáя съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шáйкою своей
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежёмъ отягощёны,
Боясь погони, утомлёны,
Спѣшатъ разбóйники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгеній мой
Спѣшитъ, душёю замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирúвшейся рѣкѣ.
Но, торжествóмъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжелó Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжáвшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевóщика зовётъ —
И перевóщикъ беззаботной
Его за грúвенникъ охотно
Чрезъ волны стрáшныя везётъ.

И долго съ бýрными волнами
Боролся óпытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дéрзкими пловцами
Готовъ былъ чёлнъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.
Несчастный
Знакóмой ýлицей бѣжитъ
Въ мѣстá знакóмыя. Глядитъ..
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Всё передъ нимъ завалено;
Чтó сбрóшено, чтó снесенó;
Скривились дóмики; другíе
Совсѣмъ обрýшились; иные
Волнами сдвúнуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣлá валяются. Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогáя отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждётъ его

Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ ...
Что жъ это?
Онъ остановился;
Пошёлъ назадъ — и воротился.
Глядитъ .... идётъ .... ещё глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь вороты;
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Всё ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою--
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.
Ночная мгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей —
И не нашёлъ ужé слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло —
Въ порядокъ прежній всё вошло:
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шёлъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.
Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній....
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ-наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на нёмъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни въ-слѣдъ ему,
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому

Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушёнъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ;
Ни то, ни сё — ни житель свѣта,
Ни призракъ мёртвый . . . .
Разъ онъ спалъ
У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло —
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой . . . .
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошёлъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ тёмной вышинѣ,
Надъ ограждённою скалою,
Гигантъ съ простёртою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ нёмъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ и площадь и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ съ мѣдной головой
И съ распростёртою рукой —
Какъ будто градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошёлъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,
И надпись яркую прочёлъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ нёмъ. Его чело
Къ рѣшёткѣ хладной прилегло,
Глаза подёрнулись туманомъ . . .
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ — и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И перстъ свой на Него поднявъ,
Задумался. Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицё тихонько обращалось . . . .
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясённой мостовой —

И, озарёнъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несётся Всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ мѣдный
Съ тяжёлымъ тöпотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случалось
Итти той площадью ему,
Въ лицѣ его изображалось
Смятенье: къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный сымалъ,
Смущённыхъ глазъ не подымалъ,
И шёлъ сторонкой.
Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ;
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ чёрный кустъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили ради Бога.

Отрывокъ изъ романа Евгеній Онѣгинъ.

I.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись ли полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

II.

Вотъ пистолеты ихъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ гранёный стволъ уходятъ пули
И щёлкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надёжно ввинченный кремень

Введёнъ ужє. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрялъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развёлъ на крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

III.

«Теперь сходитесь.» Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твёрдой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ ещё ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ . . . Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

IV.

На грудь кладётъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зовётъ его . . . напрасно
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашёлъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ! . . .
Потухъ огонь на алтарѣ!

V.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Всё въ нёмъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть; пропалъ и слѣдъ.

Пиръ Петра перваго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пёстрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ Царскомъ домѣ пиръ весёлой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.

Что̀ пируетъ Царь великій
Въ Питербу̀ргъ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озарёнъ ли честью новой
Руской штыкъ, иль Руской флагъ?
Побѣждёнъ ли Шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошёлъ навстрѣчу дѣда
Всей семьёй нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщѝну ли Полтавы
Торжеству̀етъ Государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?

Родила̀ ль Екатерина?
Именѝнница ль Она,
Чудотво̀рца-Исполина
Чернобро̀вая Жена?

Нѣтъ: Онъ съ по̀дданымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуска̀я, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питербу̀ргъ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ весёлой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко̀ потрясена̀.

Къ портрѐту В. А. Жуко̀вскаго.

Его̀ стихо̀въ плѣнѝтельная сла̀дость
Пройдётъ вѣко̀въ зави̇̀стливую даль
И, внемля имъ, вздохнётъ о славѣ младость,
Утѣшится безмо̀лвная печаль
И рѣзвая заду̀мается радость.

Отрывки изъ драмматической поэмы

Борисъ Годуновъ.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(1603 года.)

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (пишетъ передъ лампадой).

Ещё одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искуству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдётъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за тёмныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною —
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..

Но близокъ день, лампада догараетъ —
Ещё одно, послѣднее сказанье (пишетъ).

Григорій (пробуждается).

Всё тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А всё передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Ка́къ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погружённый,
Онъ лѣтопись свою ведётъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чёмъ онъ пишетъ:
О тёмномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Всё тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно Дьякъ, въ Приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь и присно и вовѣки.

Григорій.

Ты всё писалъ и снолъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье

Трево́жило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ сни́лося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты́
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади́ кипѣлъ
И на меня ука́зывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно станови́лось,
И па́дая стремглавъ, я пробужда́лся . . . .
И тріі раза мнѣ снился то́тъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній лёгкихъ будутъ
Испо́лнены. Донынѣ — если я,
Нево́льною дремо́той обезси́ленъ,
Не сотворю́ молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чу́дятся то шу́мные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевы́я,
Безу́мныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ ве́село провёлъ свою ты младость!
Ты воева́лъ подъ ба́шнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоа́нна!
Счастли́въ! А я отъ о́троческихъ лѣтъ
По ке́ліямъ скитаюсь бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пирова́ть за ца́рскою трапе́зой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты́, отъ міра отложи́ться,
Произнести́ мона́шества обѣтъ,
И въ ти́хую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушéній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ йздали плѣняютъ слава, роскошь
И жéнская лукáвая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладúлся;
Но съ тóй поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привёлъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А чтó же? Часто
Златой вѣнецъ тяжёлъ имъ становúлся:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоáннъ искалъ успокоенья
Въ подóбіи монáшескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастырá видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послýшными являлись чернецáми,
А грозный Царь игуменомъ боголюбивымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадáльный,
Мужъ прáведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Устáлаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней;
Задýмчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвúжимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами вёлъ.
Онъ говорúлъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придётъ,
«Предстану здѣсь алкáющій спасенья;
«Ты, Никодúмъ, ты, Сергій, ты Кириллъ,

«Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
«Пріиду къ вамъ преступникъ окаянный
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлётъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при нёмъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называлъ великимъ Патріархомъ,
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царёмъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такаго намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:

Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли́.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привёлъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье;
Пришёлъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ трёмъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ тёплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убiенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ . . . нѣтъ, больше: —
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду . . . Но звонятъ
Къ заутрени . . . благослови, Господь,
Своихъ рабовъ! . . . . подай костыль, Григорій.

(Уходитъ.)

Григорій.

Борисъ, Борисъ! всё предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ тёмной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдёшь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдёшь отъ Божьяго суда.

Москва; домъ Шуйскаго.

Пу́шкинъ.

Чудеса́ да и то́лько.
Племя́нникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кра́кова гонца прислалъ сегодня.

Шу́йскій.

Ну.

Пушкинъ.

Стра́нную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Гро́знаго . . . . постой. (Идётъ къ дверя́мъ и осма́триваетъ.) *Держа́вный отрокъ,*
По ма́нію Бориса убіе́нный . . . .

Шуйскій.

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди́:
Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вотъ-на́! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну по́длинно чудесно.
И то́лько-то?

Пушкинъ.

Послушай до конца́:
Кто бъ ни́ былъ онъ, спасённый ли Царевичъ,
Иль нѣкій духъ во о́бразѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозва́нецъ; —
Но только тамъ Димитрій появи́лся.

Шуйскій.

Не мо́жетъ быть.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжа́лъ впервой онъ во дворецъ

И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шёлъ въ тайную палату Короля.

Шуйскій.

Кто жъ онъ такой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ,
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневе́цкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что́ жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно́. Король его ласкаетъ,
И говорятъ, помогу обѣщалъ.

Шуйскій.

Всё это, братъ, такая кутерьма,
Что голова́ кругомъ пойдётъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозва́нецъ,
Но признаю́сь, опасность не мала́.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдётъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что́ пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,

Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поёмъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площадй, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены, въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами·
Всё языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! Не то, въ Приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдётъ потѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всёмъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что́ меня подчасъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой мёдъ, да бáрхатное пиво
Сего́дня тáкъ языкъ мнѣ развязáли . . . .
Прощай же, Князь.

Шуйскій

Прощай, братъ, до свиданья.
(Провожáетъ Пу́шкина.)

Сѣвскъ.

Самозвáнецъ, окружённый своими.

Самозвáнецъ.

Гдѣ плѣнный?

Ляхъ.

Здѣсь.

Самозвáнецъ.

Позвáть его ко мнѣ.
(Вхо́дитъ Ру́сскій плѣнникъ.)
Кто ты?

Плѣнникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

Самозванецъ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяцъ будетъ.

Самозванецъ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

П л ѣ н н и к ъ.

Какъ быть, не наша воля.

С а м о з в а н е ц ъ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

П л ѣ н н и к ъ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

С а м о з в а н е ц ъ.

Что́ Годуно́въ?

П л ѣ н н и к ъ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потѣ́рею сраженія и раной

Мстисла́вскаго, и Шу́йскаго послалъ

Нача́льствовать надъ войскомъ.

С а м о з в а н е ц ъ.

А зачѣмъ

Онъ отозва́лъ Басма́нова въ Москву?

П л ѣ н н и к ъ.

Царь награди́лъ его заслуги честью

И зо́лотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидитъ.

С а м о з в а н е ц ъ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что́ въ Москвѣ?

П л ѣ н н и к ъ.

Всё, слава Богу, тихо.

С а м о з в а н е ц ъ.

Что? ждутъ меня?

П л ѣ н н и к ъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говори́ть не слишкомъ нынче смѣютъ.

Кому языкъ отрѣжутъ, а кому

И голову. Такая, право, притча,
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдётся — глядь — лазутчикъ ужъ и вьётся,
А Государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

Плѣнникъ.

Что съ нимъ? одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ.

А будетъ тысячъ тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберёшь и тысячъ пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга.)

Самозванецъ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ (смѣясь.)

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу́: друзья, не станемъ ждать
Мы Шу́йскаго; я поздравля́ю васъ:
Наза́втра бой. (Ухо́дитъ.)

Всѣ.

Да здра́вствуетъ Димитрій!

Геро́й.

Другъ.

Да, сла́ва въ при́хотяхъ вольна́.
Какъ о́гненный язы́къ, она́
По и́збраннымъ глава́мъ лета́етъ;
Съ одно́й сего́дня исчеза́етъ
И на друго́й уже́ видна́.
За новизно́й бѣжать смире́нно
Народъ безсмы́сленный привыкъ;
Но намъ ужъ то́ чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной
Изъ сихъ избра́нныхъ кто́ всѣхъ болѣ
Твоею вла́ствуетъ душой?

Поэ́тъ.

Всё о́нъ, всё онъ, пришле́цъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смири́лися цари,
Сей ратникъ, во́льностью вѣнчанный,
Исче́знувшій какъ тѣнь зари.

Другъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чу́дною звѣздой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Ита́ліи святой?
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя,
Иль жезлъ дикта́торскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
Войны стреми́тельное пламя —
И пролета́етъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой во слѣдъ?
Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ грома́дой пирами́дъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у сча́стія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ ке́саря на тронѣ;
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ ка́знію покоя,
Осмѣянъ про́звищемъ героя,
Онъ угаса́етъ недвижи́мъ,
Плащёмъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клеймёный мощною чумою,
Цари́цею болѣзней. Онъ,
Небранной смертью окружёнъ,

Нахмурясь ходитъ межъ одра-
ми,
И хладно руку жмётъ чуль,
И въ погибающемъ уль
Раждаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ не-
дугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу дру-
гомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Другъ.
Мечты поэта,
Историкъ строгой гонитъ васъ!
Увы! его раздался гласъ,
И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

Поэтъ.
Да будетъ проклятъ правды
свѣтъ,
Когда посредственности хлад-
ной,
Завистливой, къ соблазну жад-
ной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тмы низкихъ истинъ мнѣ до-
роже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Другъ.
Утѣшься....

Москва, 29 сентября 1830 года.

БАСНИ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

Орёлъ и Куры.

Днёмъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью Царь пернатыхъ птицъ леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ не завидной;
Но у Царей свои причуды есть:
Быть можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орёлъ

Не много посидѣлъ,
И ту́тъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохла́тая насѣдка,
Толкуетъ та́къ съ своей кумой:
— «За что́ Орлы въ чести такой?
Неу́жли за полётъ, голу́бушка сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры,
Чтобъ почита́ть Орловъ знатнѣе насъ:
Не больше на́шего у нихъ ни ногъ, ни глазъ:
Да ты́ же ви́дѣла сейчасъ,
Что по́низу они летаютъ такъ, какъ куры.»
Орёлъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
— «Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случа́ется и ниже Куръ спускаться;
Но Курамъ никогда́ до о́блакъ не подняться!» —

—

Когда таланты судишь ты, —
Считать ихъ сла́бости трудовъ не трать напрасно;
Но чу́вствуя, что́ въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умѣй разли́чны и́хъ пости́гнуть высоты́.

Собачья дружба.

У ку́хни подъ окно́мъ
На со́лнышкѣ Полка́нъ съ Барбо́сомъ, лёжа, грѣлись.
Хоть у воро́тъ передъ дворо́мъ
Присто́йнѣе бъ стере́чь имъ было домъ;
Но какъ они́ ужъ понаѣлись,
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днёмъ,

Такъ разсуждáть они пустѝлися вдвоёмъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконéцъ о дружбѣ.
«Чтó мóжетъ,» говорѝтъ Полканъ: «прiятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить,
Во всёмъ оказывать взаимную услугу,
Не спить безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И наконéцъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучѝть счастлѝвый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабáвить,
И въ дружнемъ счастьѣ всё своё блажéнство ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не вѝдѣли, какъ время бы летѣло.»
— «А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полкáнушка, мнѣ больно самомý,
Что бывши одногó двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживёмъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господáмъ:
Ни гóлодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Пёсъ дрýжества слывётъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно.»
— «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,»
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!» — «Вóтъ она!»
И нóвые друзья нý обниматься,
Ну цѣловáться;
Не знаютъ съ рáдости, къ кому и приравняться:
Орестъ мой! Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть, злость!

Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ но́выя друзья къ ней вза́пуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся, —
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу наконе́цъ ихъ ро́злили водою.

—

Свѣтъ полонъ дру́жбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки;
Послушать, ка́жется, одна у нихъ душа:
А только кинь имъ кость, такъ что́ твои собаки!

Лиси́ца и Суро́къ.

— «Куда́ такъ, ку́мушка, бѣжи́шь ты безъ огля́дки?»
Лиси́цу спра́шивалъ Суро́къ.
— «Охъ, мой голу́бчикъ, кумане́къ!
Терплю напра́слину, и выслана за взятки.
Ты зна́ешь, я была́ въ курятникѣ судьей,
Утра́тила въ дѣлахъ здоро́вье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣда́ла,
Ночей не досыпа́ла:
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А всё по клевета́мъ. Ну, са́мъ поду́май ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеве́ты?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, ви́дывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Поду́май, вспомни хороше́нько.»
— «Нѣтъ, ку́мушка! я ви́дывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.

—

Иной при мѣстѣ та́къ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И по́длинно, весь го́родъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой —
А смотришь, помаленьку,
То домикъ вы́строитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но ка́къ не согрѣши́шь, не скажешь:
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть?

Волкъ и Куку́шка.

— «Прощай, сосѣдка!» Волкъ Куку́шкѣ говори́лъ:
«Напра́сно я себя́ поко́емъ здѣсь мани́лъ!
Всё тѣ жъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ друга́го злѣй; и хоть ты Ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.»
— «А далеко́ ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочести́вой,
Съ которымъ ду́маешь ты жить въ ладу?»
— «О, я прямёхонько иду
Въ лѣса Арка́діи счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона́!
Тамъ, говоря́тъ, не знаютъ что̀ война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молоко́мъ текутъ лишь рѣки;
Ну, словомъ, ца́рствуютъ златы́я времена́!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ;
И даже, говоря́тъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ:

Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ:
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днёмъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ.»
— «Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!»
Кукушка говоритъ: «а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмёшь съ собой?»
— «Ужъ кинуть, вздоръ какой!»
— «Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.»

—

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернётся;
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживётся.

Слонъ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силёнъ,
Да неумёнъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

—

На Воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть, кажется, Слоновъ, и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошенiе въ Приказъ:

— «Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.»
— «О, плуты!» Слонъ кричитъ: «какое преступлéнье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?»
А волки говорятъ: — «Помилуй, нашъ отéцъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позвóлилъ лёгонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всегó-то прíдетъ съ нихъ — съ сестры́ по шкуркѣ снять;
Да и тогó имъ жáль отдáть.»
— «Ну, тó-то жъ,» говори́тъ имъ Слонъ: «смотрите;
Неправды я не потерплю́ ни въ комъ:
По шкуркѣ, тáкъ и бы́ть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ.» —

Волкъ и Волчёнокъ.

Волчёнка Волкъ, начáвъ помáлу пріучáть
Отцёвскимъ прóмысломъ питáться,
Послáлъ его́ опу́шкой прогуля́ться;
А мéжду тѣмъ велѣлъ прилéжнѣй примѣчáть,
Нельзя́ ль гдѣ счáстья имъ отвѣдать,
Хоть захватя́ грѣха,
На счётъ бы пастухá
Позáвтракать, иль пообѣдать?
Прихóдитъ учени́къ домой,
И говори́тъ: — «Пойдёмъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готóвъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стóитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таковó, что трудно перечесть.»
— «Постой-ка,» Волкъ сказалъ: «сперва мнѣ вѣдать нада,

Каковъ пастухъ у стада?»
— «Хоть говоря́тъ, что онъ
Неплохъ, забо́тливъ и уменъ;
Однако стадо я обшёлъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ нежирны,
И плохи, ка́жется, и смирны.»
— «Меня́ такъ э́тотъ слухъ,»
Волкъ старый говори́тъ: «не очень къ стаду манитъ:
Коль по́длинно неплохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ.
Тутъ то́тчасъ попадёшь въ бѣду!
Пойдёмъ-ка, я́ тебя́ на стадо наведу,
Гдѣ сбережёмъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и мно́жество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.» —

Листы и Корни.

Въ прекра́сный лѣтній день,
Броса́я по доли́нѣ тѣнь,
Листки́ на де́ревѣ съ зефирами шепта́ли,
Хвалились густото́й, зелёностью своей,
И во́тъ какъ о себѣ зефирамъ толкова́ли:
— «Не правда ли, что мы краса долинѣ всей?
Что на́ми де́рево такъ пышно и кудряво,
Раски́дисто и величаво?
Что́ бъ было въ нёмъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И стра́нника въ тѣни прохла́дной укрыва́емъ?
Не мы ль краси́востью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?

У насъ же ра́ннею и по́зднею зарей
Насви́стываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаётесь съ нами.»
— «Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣча́лъ изъ-подъ земли́ смире́нно.
— «Кто смѣетъ съ нами та́къ считаться дерзнове́нно?
Кто вы такіе тамъ?»
Листы, по де́реву шумя, залепетали.
— «Мы тѣ,»
Имъ снизу отвѣчали:
«Кото́рые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаёте?
Мы Корни де́рева, на коемъ вы цвѣтёте.
Красуйтесь въ добрый часъ,
Да только по́мните ту ра́зницу межъ насъ,
Что съ но́вою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,
Не станетъ де́рева, ни васъ.» —

Орёлъ и Кротъ.

Не презира́й совѣта ничьего́,
Но прежде разсмотри́ его.

—

Со стороны́ прибывъ далёкой
Въ дремучій лѣсъ, Орёлъ съ орли́цею вдвоёмъ
Заду́мали навѣ́къ остаться въ нёмъ,
И вы́бравши вѣтви́стый дубъ, высо́кой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вы́вести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложи́ть,

Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ чтобъ Орёлъ гнѣзда на нёмъ себѣ не вилъ.
Но кстати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ Крота? А гдѣ же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря, —
И новоселье у Царя
Поспѣло скоро для Царицы.
Всё счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарёй,
Орёлъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣта,
— «Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣта.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?»
— «Когда бы ты не презрѣлъ мною,»
Изъ норки Кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землёю,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.» —

Крестья́не и Рѣка́.

Крестья́не, вышедъ изъ терпѣнья
От разоре́нья,
Что́ рѣчки имъ и ручейки
При водопо́льи причиня́ли,
Пошли́ проси́ть себѣ упра́вы у Рѣки,
Въ кото́рую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что̀ на нихъ донесть!
Гдѣ о́зими разрыты;
Гдѣ ме́льницы посо́рваны и смыты;
Пото́плено скота, что и не счесть!
А та Рѣка течётъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большíе города́,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно;
Такъ вѣрно ихъ она уймётъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходи́ть къ Рѣкѣ поближе стали,
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несётъ.
Тутъ, по́пусту не заводя́ хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Пото́мъ взглянулись межъ собой,
И покача́вши головой,
Пошли домой,
А отходя́ проговорили:
— «На что́ и время тратить намъ!
На младшихъ не найдёшь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.»

Ту́ча.

Надъ изнурённою отъ зноя стороно́ю
Большая Ту́ча пронесла́сь;
Ни ка́плею ея не освѣжа́ одно́ю,
Оби́льнѣйшимъ дождёмъ надъ мо́ремъ пролила́сь,
И ще́дростью своей хвалилась предъ горою.
— «Что сдѣлала добра
Ты ще́дростью такою?»
Сказа́ла ей гора:
«И ка́къ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля́ свой дождь ты пролила́;
Ты бъ область цѣлую отъ го́лода спасла:
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.»

Мураве́й.

Какой-то Мураве́й былъ си́лы непомѣрной,
Како́й не слы́хано ни въ дре́вни времена́;
Онъ да́же (говори́тъ его́ исто́рикъ вѣрной)
Могъ поднима́ть большихъ ячменныхъ два зерна́;
Притомъ и въ хра́брости за чу́до почитался:
Гдѣ бъ ни зави́дѣлъ червяка́,
Тотча́съ въ него впивался,
И даже ха́живалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошёлъ въ такую славу
Онъ въ мураве́йникѣ своёмъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о нёмъ.
Я ли́шнія хвалы счита́ю за отраву;
Но этотъ Мураве́й былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконе́цъ, та́къ го́лову набилъ,

Что вздумалъ въ го́родъ показа́ться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣси́во всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для го́рдости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У вся́каго забо́та та́мъ своя́.
Мой Муравей, то взя́въ листо́къ, потянетъ,
То припадётъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ Муравья.
Уставши наконе́цъ тяну́ться, выправля́ться,
Съ доса́дою Барбо́су онъ сказалъ,
Который у̂ воза хозя́йскаго лежалъ:
— «Не правда ль, на́добно признаться,
Что въ го́родѣ у васъ
Народъ безъ то́лку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня́ никто́ не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А, ка́жется, у насъ
Меня весь мураве́йникъ знаетъ.»
И со стыдомъ отпра́вился домой.

—

Такъ ду́маетъ иной,
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсо́лнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только мураве́йникъ.

Булы́жникъ и Алма́зъ.

Поте́рянный Алма́зъ валя́лся на пути;
Случи́лось наконе́цъ купцу его́ найти.
Онъ отъ купца́
Царю предста́вленъ,
Имъ купленъ, въ зо́лотѣ опра́вленъ,
И украше́ніемъ сталъ Ца́рскаго вѣнца.
Узнавъ про то́, Булыжникъ развози́лся;
Блестя́щею судьбо́й Алмаза онъ прельсти́лся,
И, видя мужика́, его онъ проситъ такъ:
«Пожа́луй-ста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
Зачто здѣсь подъ дождёмъ и въ сля́коти я пою?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говоря́тъ.
Не понима́ю я, зачто́ онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь ря́домъ онъ валялся;
Такой же камень онъ, и мнѣ наби́тый братъ.
Возьми жъ меня: какъ знать? Коль та́мъ я покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся.»
Взялъ камень мужичёкъ на свой тяжёлый возъ,
И въ городъ онъ его привёзъ.
Ввалился камень мой, и ду́маетъ, что разомъ
Зася́детъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случа́й совсѣмъ иной:
Онъ то́чно въ дѣло взя́тъ, но взя́тъ для мостово́й.

Крестья́нинъ и Овца́.

Крестья́нинъ позвалъ въ судъ Овцу́;
Онъ уголо́вное взвёлъ на бѣдня́жку дѣло;
Судья — лиса́: оно́ въ мину́ту закипѣло.
Запро́съ отвѣтчику, запросъ истцу́,

Чтобъ разсказа́ть по пунктамъ и безъ крика:
Ка́къ было дѣло, въ чёмъ улика?
Крестьянинъ говори́тъ: — «Тако́го-то числа,
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались;
Отъ нихъ лишь ко́сточки да пёрушки остались;
А на дворѣ одна Овца была́.»
Овца же говори́тъ: она всю ночь спала́,
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала́,
Что никогда́ за ней не знали никака́го
Ни воровства́,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мясна́го.
И пригово́ръ лисы вотъ о́тъ слова до сло́ва:
Не принима́ть никакъ резоновъ отъ овцы. —
Понеже хорони́ть концы
Всѣ плуты вѣдомо иску́сны;
По справкѣ жъ я́вствуетъ, что въ ска́занную ночь —
Овца отъ куръ не отлуча́лась прочь;
А куры очень вку́сны;
И случай былъ удобенъ ей:
То я сужу по со́вѣсти моей:
Не льзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И въ слѣдствіе того казни́ть Овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.»

Два Мужика́.

— «Здоро́во, кумъ Ѳадде́й!» — Здоро́во, кумъ Его́ръ!»
— «Ну, каково́, пріятель, пожива́ешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды́ моей, что ви́жу, ты не зна́ешь!
Богъ посѣти́лъ меня: я сжёгъ до тла свой дворъ,

И по́-міру пошёлъ съ тѣхъ поръ.»
— «Какъ та́къ? Плоха́я, кумъ, игру́шка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была́ у насъ пиру́шка;
Я со свѣчёй пошёлъ дать корму лошадямъ:
Призна́ться, въ головѣ шумѣло;
Я ка́къ-то зарони́лъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и всё добро сгорѣло.
Ну ты́ какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Ка́къ са́мъ оста́лся живъ, счита́ю право ди́вомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошёлъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ чу́ръ, призна́ться, я хлѣбнулъ
Съ друзьями полуга́ра;
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара,
Такъ я свѣчу́ совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня въ потьма́хъ та́къ съ лѣстницы толкну́лъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка.»
— «Пѣняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чу́до,
Что ты сожёгъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчёю худо,
Да врядъ не хуже ль и въ потьмахъ.»

Двѣ Собаки.

Дворо́вый, вѣ́рный пёсъ
Барбо́съ,
Кото́рый ба́рскую усе́рдно слу́жбу несъ,
Уви́дѣлъ ста́рую свою́ знако́мку
Жужу́, кудря́вую боло́нку,

На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ла́стяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиле́нья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
— «Ну что́, Жужутка, какъ живёшь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа́ тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?» —
— «На счастье грѣхъ роптать,» Жужутка отвѣча́етъ:
«Мой господи́нъ во мнѣ души́ не ча́етъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ ба́риномъ; а е́жели устану,
Валяюсь по ковра́мъ и мя́гкому дивану.
Ты ка́къ живёшь?» — «Я» отвѣча́лъ Барбо́съ,
Хвостъ плётью опустя́ и свой повѣ́ся носъ:
«Живу по-пре́жнему: терплю и холодъ
И голодъ,
И, сберега́ючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождёмъ;
А если невпопа́дъ зала́ю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты́ Жужу, въ случа́й попалъ,
Безси́ленъ бы́вши та́къ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ ко́жи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?»—«Чѣмъ служишь?—вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣча́лъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу.»

—

Ка́къ счастье мно́гіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо́ на заднихъ лапкахъ ходятъ!

Щу́ка.

На Щу́ку по́данъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея́ житья́ въ прудѣ не ста́ло;
Ули́къ предста́вленъ цѣлый возъ,
И винова́тую, какъ надлежа́ло,
На судъ въ большой лоха́ни привели́.
Судьи́ невдалекѣ сбира́лись:
На ближнемъ ихъ лугу́ пасли;
Однако жъ имена́ въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи ста́рыя, да два иль три козла;
Для до́лжнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана́ была́ лиса́ за Прокурора.
И слухъ между народа шолъ,
Что Щука ли́сынькѣ снабжала рыбный столъ;
Совсѣмъ тѣмъ, не́ было въ судьяхъ лицепріязни,
И то́ сказать, что Щукиныхъ проказъ
Удобства не́ было закрыть на этотъ разъ.
Такъ дѣлать нѣчего: пришло́ писать указъ,
Чтобъ винова́тую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку́.
— «Почте́нные судьи́!» Лиса тутъ приступи́ла:
«Повѣсить мало: я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не ви́дано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плута́мъ и страшно и опасно —
Такъ утопи́ть её въ рѣкѣ.» — «Прекра́сно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бро́сили — въ рѣку!

Волкъ и Котъ.

Волкъ и́зъ лѣсу въ дере́вню забѣжа́лъ,
Не въ го́сти, но живо́тъ спаса́я;
За шку́ру онъ свою́ дрожа́лъ:

Охо́тники за нимъ гнали́сь и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ пе́рвые тутъ шмы́гнуть ворота́.
Да то́ лишь горе,
Что всѣ воро́та на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой, на заборѣ
Кота,
И молитъ: — «Ва́сенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичко́въ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ!
Всё это вѣдь за мной.» — «Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предо́брый онъ,» Котъ-ва́ська говори́тъ.
— «То та́къ; да у него́ я ободра́лъ барана.»
— «Ну попыта́йся жъ у Демьяна.»
— «Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унёсъ козлёнка.»
— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живётъ Трофимъ.»
— «Къ Трофиму? нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягнёнка!»
— «Ну плохо жъ! — Но авось тебя укро́етъ Климъ!»
— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я телёнка!»
— «Что́ вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ,»
Сказалъ тутъ Васька Волку:
«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ на́шихъ мужичка́хъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И пра́вы, — са́мъ тебя́ вини́.
Что ты посѣялъ — то и жни.»

Свинья подъ Дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до сыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
— «Вѣдь это дереву вредитъ,»
Ей съ дуба воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.»
— «Пусть сохнетъ,» говоритъ Свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ нёмъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»
— «Неблагодарная!» примолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.»

—

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ учёные труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Пушки и Паруса.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки выставясь изъ бортовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О, боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье

Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что̀ дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ будто ва́жнаго какого сану,
Несутся го́големъ по Океану,
И только чва́нятся; а мы — громимъ въ бояхъ!
Не нами ль ца́рствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несёмъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Паруса́ми;
Со всѣми мы безъ нихъ упра́вимся и сами;
Лети же, помоги́, могучій нашъ Борей,
И изорви́ въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послу́шался — летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насу́пилось и почернѣло море;
Покрылись ту́чею тяжёлой небеса́;
Валы вздыма́ются и ру́шатся какъ горы;
Громъ оглуша́етъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей ревётъ и рвётъ въ лоскутья Паруса́.
Нестало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И но́сится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижи́мъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пу́шками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

—

Держава вся́кая сильна,
Когда устро́ены въ ней всѣ премудро части:
Ору́жіемъ — врагамъ она грозна;
А паруса́ — гражда́нскія въ ней власти.

Объясне́ніе труднѣ́йшихъ выраже́ній, поэти́ческихъ вольностей, словъ необъяснённыхъ въ лексико́нахъ и т. п.

Часть пе́рвая.

Страни́ца 2. *Преда́й* употреблено́ вмѣ́сто *переда́й.*

4. *Дѣтьми́ боя́рскими* называ́лись лю́ди, обя́занные вое́нною слу́жбою и за то́ по́льзовавшіеся дохо́дами съ помѣ́стьевъ, имъ назна́ченныхъ.

Стрѣльцы́ составля́ли родъ постоя́ннаго во́йска; учреждены́ Іоа́нномъ IV:мъ и уничто́жены Петро́мъ I:мъ.

Пища́лями встарину́ называ́лись ру́жья; пища́ли быва́ли разли́чной величины́ — са́жень до двухъ длино́ю съ о́чень то́лстымъ ду́ломъ; пища́ль, кото́рую оди́нъ человѣ́къ могъ носи́ть на плечѣ́, называ́лась *ру́чницею.*

6. *Дьякъ* встарину́ зна́чило то́же, что́ тепе́рь — *секрета́рь, письмово́децъ, статсъ-секрета́рь.*

7. *Ля́хами* на ю́гѣ Россіи и въ стари́нныхъ лѣто-писяхъ ру́сскихъ называ́ются Поляки́.

9. *Ка́меннымъ по́ясомъ* называ́лся встарину́ Ура́льскій хребе́тъ.

13. *До́брые коза́ки*, то́ есть: хоро́шіе во́ины; сло́во до́брый употребля́ется иногда́ въ значе́ніи хоро́шій и си́льный.

14. *Дѣ́ло сту́дное;* э́то выраже́ніе взя́то цѣлико́мъ изъ лѣтописи и потому́ сохранена́ стари́нная фо́рма сло́ва: *сту́дное* — вмѣ́сто *посты́дное, престу́пное.*

41. *Того́ и гляди́* зна́читъ: весьма́ легко́ мо́жетъ случи́ться.

Аль въ просторѣ́чіи употребля́ется вмѣ́сто *и́ли.*

Напрока́зить зна́читъ: сънгра́ть смѣшну́ю шу́тку, сдѣлать кого́ предме́томъ смѣ́ха, умы́шленно — для потѣхи — испо́ртить что́ нибу́дь.

Кати́ть зна́читъ иногда́: ѣхать бы́стро.

Небо́сь — сло́во, сокращённое изъ *не бо́йся*, зна́читъ здѣсь: *какъ-бу́дто, неу́жъ-то?* Употребля́ется та́кже въ значе́ніи *коне́чно, ра́звѣ*, и для выраже́нія упрёка (небо́сь не позвалъ меня́!) —

Нѣме́тчиною въ просторѣ́чіи называ́ется вся за́падная Евро́па, преиму́щественно Герма́нія.

42. *Ахти́ ба́тюшки* сокращено́ изъ „ахъ тебѣ́, ба́тюшки-свѣты!“ Ба́тюшки свѣты — стари́нное воззва́ніе къ бога́мъ. Это восклица́ніе употребля́ется для выраже́нія испу́га.

Деньщи́къ при Петрѣ́ І:мъ зна́чилъ то́же, что́ тепе́рь фли́гель-адъюта́нтъ.

45. *Невѣ́сть* — стари́нная фо́рма: нельзя́ вѣ́дать, неизвѣ́стно.

Добро́ бы на сва́дьбу! зна́читъ: бы́ло бы хорошо́ еще́, е́сли бъ мы тепе́рь ѣ́хали на сва́дьбу: въ тако́мъ слу́чаѣ мо́жно бы спѣши́ть.

Должно́ быть зна́читъ: вѣроя́тно.

46. *Жи́ломъ* въ просторѣ́чіи называ́ется обита́емый домъ.

Дале́че въ просторѣ́чіи употребля́ется вмѣ́сто *далёко.*

Знать (нарѣ́чіе) зна́читъ: вѣроя́тно.

48. *Да что́ грѣха́ таи́ть?* зна́читъ: но зачѣ́мъ скрыва́ть грѣхъ, не сознава́ться въ винѣ́? — *Грѣха́* стои́тъ здѣсь въ вини́тельномъ падежѣ́: въ ины́хъ простонаро́дныхъ выраже́ніяхъ неодушевле́нные предме́ты, подо́бно одушевле́ннымъ, имѣ́ютъ вини́тельный схо́дно съ роди́тельнымъ.

50. *Это не твоя́ печа́ль* зна́читъ: не тебѣ́ забо́титься объ э́томъ, не твоё дѣ́ло — рѣша́ть э́то.

55. *Чу́ть-было́ не стрясла́сь бѣда́* зна́читъ: едва́ не случи́лось несча́стіе; бы́ло бли́зко до бѣды́. — Предло́гъ *с* въ глаго́лѣ *стрясти́сь* стои́тъ здѣсь въ значе́ніи соединéнія, стече́нія обстоя́тельствъ.

Какъ очнётся, да застонетъ значитъ: вдругъ очнýлась и застонáла. Въ рýсскомъ языкѣ не тóлько настоящее (кáкъ и въ другúхъ европейскихъ языкáхъ), но и бýдущее (въ вúдахъ, неимѣющихъ настоящаго) употребляется вмѣсто прошéдшаго — для оживлéнія разкáза.

Богъ вынесъ, тó есть: Богъ избáвилъ отъ бѣдьí.

55. *Что-де.* Частúца *де* прибавляется къ пéрвому слóву фрáзы, котóрая составляетъ повторéніе скáзаннаго другúми; *де* соотвѣтствуетъ ввóдному знáку („. . .“)

57. *Мáти* — старúнный звáтельный падéжъ слóва *мать.*

Всеё простонарóдное слóво вмѣсто *всю.*

Ещё употреблено два разá въ смыслѣ *вотъ!*

59. *Кто ни попъ, такъ бáтька!* Эта поговóрка означаетъ: въ обращéніи съ человѣкомъ, въ своихъ отношéніяхъ къ немý должнó соображáться съ егó положéніемъ, съ тѣмъ значéніемъ, какóе даютъ емý обстоятельства, не забóтясь впрóчемъ о егó кáчествахъ и внýтреннихъ достóинствахъ. *Бáтюшкой*, или мéнѣе почтúтельно *бáтькой* называется всякій священникъ.

60. *Какъ у Христá за пáзушкой* значитъ: кáкъ въ раю, тáкъ блажéнно. Пáзухой называется пространство мéжду грýдью и плáтьемъ на грудú.

65. *Поглядѣть — такъ въ чёмъ душá дéржится?* Это выражáетъ мысль: судя по твоéй нарýжности, трýдно понять — кáкъ въ такóмъ слáбомъ тѣлѣ мóжетъ держáться душá, т. е. ты тáкъ дряхлъ, что удивúтельно — отъ чегó ты досихъ-пóръ не ýмеръ.

67. *Утро вéчера мудренѣе:* ýтромъ, на тощáкъ, головá бываетъ свѣтлѣе и тогдá лéгче обдýмывать и рѣшáть трýдные вопрóсы; отъ-тогó и произошлá эта поговóрка.

69. *Вáша брáтья* значитъ: люди однóго съ вáми разряда, однóй съ вáми категóріи.

Я воюю хоть куда значитъ: я воюю такъ хорошо, что могъ бы воевать гдѣ угодно, — вездѣ была бы мнѣ удача.

71. *А тамъ — что Богъ дастъ!* — что будетъ послѣ, каковы будутъ послѣдствія, — о томъ я не забочусь и не думаю: предоставляю это на волю Божію.

76. *Окаянство:* состояніе души, или поведеніе, достойное охужденія, неизвинительное.

80. *Ноты.* Нотами по русски называются собственно музыкальныя ноты; но здѣсь это слово употреблено въ значеніи французскаго **notes**, т. е. *примѣчанія.*

84. *Тангá* — правильнѣе *тамгá* (оттуда таможня) — штемпель, гербъ, печать.

86. *Сакля* — изба на Кавказѣ, безъ оконъ, съ плоско-закруглённою крышею.

Чадра — слово, употребляемое въ Грузіи, значитъ: передникъ.

88. *Бурдюкъ:* кожаный мѣшокъ, который у кочевыхъ народовъ замѣняетъ бочёнки и бутыли, — въ нёмъ держатся жидкости.

Кавказскій Плѣнникъ — названіе одной изъ поэмъ А. Пушкина.

Дарія, а не Дарья: въ персидскомъ языкѣ удареніе ставится обыкновенно на послѣднемъ слогѣ.

89. *Духанѣ* предложный падежъ отъ *ду-хане.*

91. *То-то* употребляется для усиленія и утвержденія качества, или мысли выраженной, или подразумѣваемой: „то-то былъ онъ страшенъ! (91)" значитъ: онъ былъ необыкновенно страшенъ; „*то-то сторона*" (2 ч. 87 с.) значитъ: необыкновенно хорошая сторона. Если кто соглашается съ нашимъ мнѣніемъ, котораго прежде не принималъ и перемѣняетъ въ слѣдствіе того своё поведеніе, — говорятъ: „ну, то-то же, давно бы такъ!"

101. *Перевела* значитъ: уничтожила исподоволь, извела одну за другой.

Часть вторая

Въ помѣщенныхъ стихотворéніяхъ встрѣчáются двѣ поэтическія вóльности: 1) отметáніе послѣдней бýквы въ окончáніи именительнаго падежá множественнаго числá имёнъ прилагáтельныхъ и причáстій: *бýйны* (стр. 1) вмѣсто бýйныя; *отягощённы, утомлённы* (63) вмѣсто отягощённые, и пр. — 2) Поставлéніе дополнительныхъ существительныхъ имёнъ прéжде тѣхъ словъ, котóрымъ онѝ слýжатъ дополнéніемъ: *Москвы́ отмщённая обѝда* (2) вмѣсто: отомщённая обѝда Москвы́; *долѝны гóлосъ* (33) вмѣсто: гóлосъ долѝны и пр. — Крóмѣ тогó у В. Жукóвскаго встрѣчáется иногдá древнеболгáрскій родительный падéжъ имёнъ прилагáтельныхъ и причáстій: *хранѝтельныя* (1) вмѣсто хранѝтельной, *тюрéмныя* (5) вмѣсто тюрéмной, *Пречѝстыя* (11) вмѣсто Пречѝстой, *земны́я* (19) вмѣсто земнóй и пр.

Страница 25. *За óбщую насъ мать;* здѣсь, ради стихá, *насъ* употреблено вмѣсто *нáшу*.

Испытýешь старинная фóрма — вмѣсто: испытываешь.

42. *Фáрисъ* по арáбски знáчитъ: всáдникъ; употребляется и въ смы́слѣ: ры́царь.

46. *Берегѝтесь* явилось въ издáніи стихотворéній Лéрмонтова вмѣсто *берегѝся*, вѣроятно, какъ опечáтка.

51. *Еле* старѝнное слóво, знáчитъ: *едвá, чуть*.

52. *Пекѝте хлѣбы нá весь міръ;* тутъ слóво *міръ* стоѝтъ въ значéніи „многолю́дное óбщество".

56. *Жёны* употреблено въ старѝнномъ значéніи слóва, вмѣсто *жéнщины*, тáкъ же какъ слóво *мужъ* (73) употребляется вмѣсто *человѣкъ*.

Заóчныя óбласти знáчитъ мѣстá, котóрыхъ лю́ди вѝдѣть не мóгутъ.

Дóльній сóбственно знáчитъ: находя́щійся внизý, употребляется въ значéніи — *земнóй*, тáкъ же какъ слóво

го́рній (что́ зна́чить — находя́щійся высо́ко) употребля́ется въ значе́ніи — *небе́сный*.

67. *Какъ ра́зъ* зна́читъ: 1) та́къ бы́стро, ско́ро, какъ мо́жно сказа́ть сло́во *разъ*: „но какъ разъ Онѣгинъ вы́стрѣлилъ" зна́читъ: но въ то́тъ же мигъ О. вы́стрѣлилъ. 2) Та́къ легко́, какъ легко́ сказа́ть сло́во *разъ*: какъ разъ бѣда́ (81). 3) Та́къ вѣрно какъ *разъ*. *Какъ-ра́зъ та́къ* зна́читъ: соверше́нно та́къ.

68. *Что́* употреблено́ здѣсь въ значе́ніи *отчего́?*

С. Петербу́ргъ на́званъ *Питербу́ргомъ*, потому́ что Пётръ І:й та́къ называ́лъ его́, слѣдуя голла́ндскому произноше́нію.

Цалу́етъ. Нѣкоторые пи́шутъ та́къ; но это непра́вильно; — слѣдуетъ писа́ть *цѣлуетъ*, потому́ что сло́во это происхо́дитъ отъ прилага́тельнаго *цѣлъ*.

69. *Безъимя́нный* непра́вильно вмѣсто *безъимённый*: бу́ква *я* въ сло́вѣ *и́мя* равноси́льна сло́гу *ень*; когда́ въ прилага́тельномъ яви́лось два *н*, зна́читъ *я* разложи́лось на *е* и *н*, та́къ же какъ въ ко́свенныхъ падежа́хъ: *и́мени*, *и́менемъ* нпр. *я* исчеза́етъ съ появле́ніемъ *н*.

Мо́ре-окія́нъ выраже́ніе употреби́тельное въ стари́нныхъ кни́гахъ; произноше́ніе океа́нъ вмѣсто окіанъ утверди́лось то́лько съ про́шлаго столѣтія.

71. *Москва́, что мураве́йникъ*, тутъ *что* зна́читъ: какъ бу́дто.

72. *Кромѣшники въ тафья́хъ и власяни́цахъ*. Кромѣшниками наро́дъ называ́лъ гва́рдію Іоа́нна IV:го; самъ царь на́звалъ ихъ *Опри́чниками* отъ сло́ва *о́причь*, кото́рое зна́читъ то́же, что *кро́мѣ*; кромѣшною называ́ется адъ, поэ́тому и сло́во кромѣшникъ собственно — жи́тель а́да.

Тафья́ — мона́шеская ша́пка. *Власяни́ца* — волося́ная руба́шка, непрія́тная для тѣла по свое́й жёсткости.

75. *Прійду* вмѣсто *прійду́;* монахъ и лѣтописецъ Пименъ употребляетъ въ своихъ рѣчахъ слова и обороты языка церковнаго; — *едино* значитъ: *только; зане* значитъ: потому что.

76. *Чудеса да и только!* значитъ: чудеса, больше нечего сказать объ этомъ.

77. *Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра* значитъ: заботился объ нёмъ и вылѣчилъ.

По нраву всѣмъ, т. е. нравится всѣмъ.

Подѣломъ — церковно-славянскій дательный падежъ употребляется, чтобы отличить особенное значеніе этого нарѣчія отъ существительнаго соединённаго съ союзомъ; — *и подѣломъ ему* значитъ: да онъ того и стоитъ, онъ заслужилъ это.

78. *Захочемъ;* правильное спряженіе глагола захотѣть употреблено здѣсь ради стиха; оно сохранилось въ южнорусскомъ нарѣчіи, а въ господствующемъ русскомъ множественное число спрягается неправильно — *захотимъ* и пр.

Юрьевъ день. Крестьяне въ Россіи до временъ Бориса Годунова пользовались правомъ переходить отъ одного помѣщика къ другому (какъ это ведётся теперь въ Финляндіи); срокомъ для такихъ переходовъ былъ день Св. Георгія, или Юрія, 26:го Ноября, (какъ въ Финляндіи 1:е ноября).

Не то значитъ: если же будетъ не то, т. е. если же поступишь не такъ, то *какъ разъ* (легко случиться можетъ) потребуютъ тебя въ Приказъ Холопій: присутственное мѣсто, гдѣ разбирались дѣла о крестьянахъ и холопяхъ (а холопи были настоящіе рабы; Петръ I:й повелѣлъ считать крестьянъ вмѣстѣ съ холопями и съ тѣхъ поръ слово холопъ почти совсѣмъ вышло изъ употребленія).

81. *Что день, то казнь* значитъ: ка́ждый день казни́ть кого́ нибу́дь.

Ты-дескать; дескать соста́вилось изъ части́цы *де* (см. вы́ше) и сокращённаго *сказа́ть;* выража́етъ то́же, что́ и одно́ *де.*

Будь не во гнѣвъ значитъ: пусть то́, что́ я скажу́, не возбужда́етъ твоего́ гнѣва.

83. *Не зна́ю что́ за мысль, но то́лько что Орёлъ* зна́читъ: не зна́ю почему́, но то́лько случи́лось та́къ, что орёлъ . . .

85. *Спить* соста́влено изъ глаго́ла *пить* и предло́га *съ.*

Дру́жню шерсть вмѣсто дру́жнюю, т. е. шерсть дру́га.

Ну́ обнима́ться! Ну́ зна́читъ: на́чали си́льно, усе́рдно, ско́ро и мно́го.

86. *Льзя* употребля́ется обыкнове́нно съ отрица́ніемъ: нельзя́; безъ отрица́нія же, какъ тутъ, замѣня́ется сло́вомъ мо́жно.

Поши́ло́ся всё равно́, что *соши́ло́ся.*

87. *У него́ ни за собо́й, ни за жено́й* зна́читъ: у него́ нѣтъ ни наслѣдственнаго имѣнія, ни бога́таго прида́ннаго у его́ жены́.

88. *Ужъ то́-то та́мъ мы заживёмъ* зна́читъ: ужъ тамъ я ста́ну жить въ соверше́нномъ сча́стіи и блаже́нствѣ!

Въ родню́ былъ толстъ, да не въ родню́ былъ простъ зна́читъ: былъ толстъ какъ его́ родня́, но глупова́тъ былъ не какъ его́ родные, т. е. онъ походи́лъ на слоно́въ доро́дствомъ, а не умо́мъ.

89. *А что онѣ крича́тъ, такъ овцы глу́пы* зна́читъ: А онѣ (о́вцы) крича́тъ потому́ что глу́пы.

Такъ и быть выража́етъ усту́пчивость, согла́сіе.

Захватя́ грѣха́, или „съ грѣхо́мъ попола́мъ“ зна́читъ: не совсѣмъ-то че́стно; нече́стно, впро́чемъ по принужде́нію, по обстоя́тельствамъ.

90. *Обиёлъ* вмѣсто: обошёлъ.

Коль, вмѣсто *колй*, вышло изъ употребле́нія: замѣнено́ слова́ми: е́сли, какъ.

Листы употреблено́ въ значе́ніи *Листья*.

91. *Считаться съ* кѣмъ, разумѣется: заслу́гами, досто́инствами, — у кого́ ихъ бо́льше.

92. *Такъ чтобъ* зна́читъ: поэ́тому бы́ло бы лу́чше, чтобъ . . .

Что за стать? зна́читъ: совсѣмъ некста́ти, не прили́чно.

Не взвидя свѣта зна́читъ: потеря́въ спосо́бность ви́дѣть, обезпа́мятѣвъ; употребля́ется для опредѣле́нія са́мой глубо́кой го́рести.

Случа́ясь употребле́но въ значе́ніи: мнѣ случа́ется быва́ть.

93. *Что́ рѣчки* . . . тутъ *что́* стои́тъ въ смы́слѣ: кото́рое, како́е.

Гдѣ . . . гдѣ зна́читъ: въ одни́хъ мѣстахъ . . . . въ други́хъ мѣста́хъ.

Посо́рваны зна́читъ: со́рваны на ра́зныхъ мѣста́хъ, въ ра́зныя времена́, соверше́нно.

Пото́плено скота́, что и не счесть т. е. та́къ мно́го, что и сосчита́ть нельзя́.

94. *То́лько и рѣче́й тамъ было что о нёмъ* зна́читъ: объ нёмъ одно́мъ та́мъ говори́ли.

97. *Поне́же* встрѣча́ется то́лько въ дѣлово́мъ сло́гѣ, зна́читъ то́же, что́ *такъ-какъ;* въ разгово́рномъ языкѣ пропуска́ется совсѣмъ; тутъ лиси́ца говори́тъ языко́мъ прика́знаго дѣльца́ и употребля́етъ слова́ *поне́же*, и *вѣдомо* вмѣсто извѣстно.

Хорони́ть концы зна́читъ: скрыва́ть что́ нибу́дь та́къ иску́сно, что ника́къ нельзя́ откры́ть и́стину, доиска́ться до нача́ла.

Кумъ употребляется въ простомъ народѣ какъ ласковое названіе людей одного возраста и званія; старшихъ же лѣтами называютъ — дядюшкой, дѣдушкой.

Что вижу, тутъ *что* стоитъ въ значеніи *какъ*.

Богъ посѣтилъ меня, разумѣется, несчастіемъ.

98. *Плохая игрушка* значитъ: этимъ играть, шутить нельзя, — это слишкомъ важно, это большое несчастіе.

Да такъ! значитъ: но случилось такъ!

О Рождествѣ значитъ: во время рождественскихъ святокъ.

Полугаръ — хлѣбное вино, выгарающее до половины при обжигѣ.

Сватъ, подобно слову *кумъ*, употребляется въ значеніи: пріятель, добрый знакомый.

99. *Во мнѣ душй не чаетъ*, или „безъ души отъ меня" значитъ: любитъ меня какъ нельзя болѣе, — отъ любви ко мнѣ забываетъ свою душу, не думаетъ о своей жизни.

Въ случай попалъ значитъ: заслужилъ большую милость. Чтобы отличить это значеніе слова, оно употребляется съ удареніемъ на *á;* а въ собственномъ значеніи — съ удареніемъ на *у:* слу́чай — стеченіе обстоятельствъ.

Изъ кожи рвусь. Рваться, или лѣзть изъ кожи значитъ: стараться сверхъ силъ своихъ, не щадя себя.

100. *И то сказать* т. е.: и то надобно сказать, или — впрочемъ и то правда.

Не въ гости, но животъ спасая значитъ: не для того, чтобы гостить, а для спасенія своей жизни.

101. *Шмыгнуть*, или *шмыгнуть* значитъ: быстро скрыться.

Ты всѣмъ насолилъ значитъ: ты каждому сдѣлалъ много зла, много непріятностей.

Не столько мало толку т. е.: не такъ ужъ мало ума, — они не до такой степени глупы.

102. *До отвала* т. е.: такъ много, что не могла стоять, должна была повалиться, лежать.

Ещё замѣчены опечатки:

Во второй части

стран. 93	строка 9	в.	*озили,*	должно быть:	*озилы*
„ 101	„ 2	н.	*тебя*	„	*себя*

Въ предисловіи:

„ 1	„ 2	в.	*язькъ*	„	*языкъ*
„ 1	„ 11	в.	*предшестовать*	„	*предшествовать*

